

Учредитель

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Издатель

Челябинский филиал
Российской академии народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации

Соиздатель — Южно-Уральский
государственный университет

РЕДАКЦИЯ ЖУРНАЛА**Главный редактор**

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Заместитель главного редактора

Чупров Александр Степанович,
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Амурская область, Россия)

**ОТВЕТСТВЕННЫЕ
ПО НАУЧНЫМ НАПРАВЛЕНИЯМ:****Философия**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лукин Анатолий Николаевич,
кандидат культурологии, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Политология

Зырянов Сергей Григорьевич,
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Нечаева Светлана Владимировна,
кандидат исторических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

Экономика

Лаврентьева Ирина Викторовна,
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Коротина Наталья Юрьевна,
кандидат экономических наук, доцент
(г. Челябинск, Россия)

**Ответственный
за международные контакты**

Борисов Сергей Валентинович,
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ответственный секретарь

Бобрик Александра Александровна,
кандидат философских наук
(г. Челябинск, Россия)

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-48298 от 24.01.2012 г.
выдано Федеральной службой по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций.

Дата выхода номера: 30.12.2022 г.

Формат 70×108 1/16

Усл. п. л. 8,75. Тираж 500 экз.

Заказ № 439/391.

Издание подготовлено к печати и отпечатано
в Издательском центре ЮУрГУ.
454080, г. Челябинск, пр. Ленина, 76.

16+

СОЦИУМ

**Пеннер Регина Владимировна,
Осипова Любовь Борисовна**
Цифровые варианты проектирования
социальной идентичности 7

Миляева Екатерина Галимулловна
Социальные функции бренда
в эпоху цифровой трансформации 16

Дядык Наталья Геннадьевна
Смысложизненные ориентиры
студенческой молодежи
цифрового поколения 26

**ЭКОНОМИКА
И УПРАВЛЕНИЕ**

Градинарова Арина Александровна
Особенности аллокации
публичных финансов
для особых территорий
(на примере Донецкой
Народной Республики) 36

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Философия

Хосе Баррьентос Растрохо —
доктор философии,
профессор (г. Севилья, Испания)

Сергей Валентинович Борисов —
доктор философских наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Юрий Геннадьевич Ершов —
доктор философских наук,
профессор (г. Екатеринбург, Россия)

Филип Иванович —
Ph.D (г. Подгорица, Черногория)

Виктория Лезьер —
доктор философских наук, профессор
(г. Форкалькейре, Франция)

Валерий Георгиевич Ледяев —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Андрей Николаевич Медушевский —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Валерий Аркадьевич Нехамкин —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Александр Валентинович Павлов —
доктор философских наук, профессор
(г. Тюмень, Россия)

Владимир Дмитриевич Попов —
доктор философских наук, профессор
(г. Москва, Россия)

Григорий Львович Тульчинский —
доктор философских наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Александр Степанович Чупров —
доктор философских наук, профессор
(г. Благовещенск, Россия)

Политология

Сергей Григорьевич Зырянов —
доктор политических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Балташ Нурмухамбетович Карипов —
доктор политических наук, профессор
(г. Кокшетау, Казахстан)

Александр Васильевич Павероз —
доктор политических наук
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Ольга Фредовна Русакова —
доктор политических наук, профессор
(г. Екатеринбург, Россия)

Грегори Саймонс — доктор философии, профессор
(г. Упсала, Швеция)

Александр Юрьевич Сунгуров —
доктор политических наук, профессор
(г. Санкт-Петербург, Россия)

Экономика

Ольга Васильевна Артемова —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Лаура Маратовна Байтенова —
доктор экономических наук
(г. Алматы, Казахстан)

Виктор Иванович Бархатов —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

Ляйля Маратовна Муталиева —
кандидат экономических наук
(г. Астана, Казахстан)

Ирина Викторовна Лаврентьева —
доктор экономических наук, профессор
(г. Челябинск, Россия)

КУЛЬТУРА

Соловьева Светлана Владимировна

Война в контексте проблемы
социокультурного порядка..... 48

**Тиллманнс Мария да Венза
(Tillmanns Maria daVenza)**

Как парресия в философствовании
с детьми способствует обнаружению
критериев («пробных камней»
реальности..... 58

ИСТОРИЯ

Резвушкина Софья Александровна

Мифологическое
в парадигме постмодерна:
историографический этюд..... 67

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

**Воропанов Виталий Александрович,
Нечаева Светлана Владимировна**

Государственное управление
в новых реалиях: современные вызовы
и возможности: итоги Всероссийской
научно-практической конференции
(26—27 октября 2022 года,
Челябинск, Российская Федерация)..... 83

Гордеев Сергей Сергеевич

Обновление «акцентов» устойчивого
развития: обзор по итогам
Юбилейного XV Международного
Яснополянского форума..... 89

**ИНФОРМАЦИЯ
для ЧИТАТЕЛЕЙ и АВТОРОВ****Научный журнал
«Социум и власть»**

предназначен для специалистов в области государственного и муниципального управления, философии, социологии, политологии, юриспруденции, экономики, менеджмента, истории, культурологии, а также преподавателей, аспирантов и студентов.

Тематика публикаций

должна соответствовать профилю журнала, различным аспектам состояния социума и его взаимоотношениям с властью.

Журнал «Социум и власть» включен в перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук по специальностям:

- 5.2.4. Финансы (экономические науки)
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки)
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)
  - 5.7.1. Онтология и теория познания (философские науки)
  - 5.7.2. История философии (философские науки)
  - 5.7.3. Эстетика (философские науки)
  - 5.7.4. Этика (философские науки)
  - 5.7.5. Логика (философские науки)
- 5.7.6. Философия науки и техники (философские науки)
- 5.7.7. Социальная и политическая философия (философские науки)
- 5.7.8. Философская антропология, философия культуры (философские науки)
- 5.7.9. Философия религии и религиоведение (философские науки)

Рукописи рецензируются.

Требования к рукописям научных статей, представляемым для публикации в научном журнале «Социум и власть», размещены на странице 99.

Адрес редакции, издателя:

454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26

Телефон редакции:

(351) 771-42-30

E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Адрес в Интернете

<http://siv74.ru>

Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов опубликованных материалов.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также за соблюдение законодательства об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов.

При перепечатке ссылка на журнал обязательна.

Журнал выходит 4 раза в год, распространяется по подписке в отделениях почтовой связи.

Цена свободная

Подписной индекс Е38909

Агентство «Книга-Сервис»

<https://www.akc.ru>

КРИТИКА И РЕЦЕНЗИИ**Борисов Сергей Валентинович**

Пробуждение «внутреннего философа»

(рецензия на книгу

Maria daVenza Tillmanns,

Why we Are in Need of Tales (Part III),

Iguana Books, 2022, 60 p.) 92

Founded by

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Published by

Chelyabinsk branch
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration
Copublisher — South Ural State University

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Deputy Chief Editor

A.S. Chuprov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

RESPONSIBLE FOR RESEARCH AREAS:

Philosophy

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Anatoly N. Lukin,
Cand.Sc. (Cultural Studies),
Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Political Science

Sergey G. Zyrianov,
Doctor of Political Science, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Svetlana V. Nechaeva,
Cand.Sc. (History), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Economics

Irina V. Lavrentyeva,
Doctor of Economics, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Natalya Yu. Korotina,
Cand. Sc. (Economics), Associate Professor
(Chelyabinsk, Russia)

International Relations

Sergey V. Borisov,
Doctor of Philosophy, Professor
(Chelyabinsk, Russia)

Executive editor

Aleksandra A. Bobrik,
Cand.Sc. (Philosophy)
(Chelyabinsk, Russia)

Certificate of Registration
PI № FS 77-48298 of 24.01.2012
Issued by Russian Surveillance Service
for Mass Media and Communications.
Passed for printing on 30.12.2022.
Format 70×108 1/16
Reference sheet area 8,75. Issues — 500.
Order № 439/391.
Designed and printed at
454080, Chelyabinsk, Lenina prospect, 76.

SOCIUM

**Regina V. Penner,
Lyubov B. Osipova**

Digital design options for social identity.....7

Ekaterina G. Milyaeva

Brand social functions
in the age of digital transformation 16

Natalya G. Dyadyk

Meaningful life guidelines
for college kids of the digital generation. 26

**ECONOMICS
AND MANAGEMENT**

Arina A. Gradinarova

Peculiarities of allocating
public finances for special
territories (as exemplified
by the Donetsk People’s Republic) 36

BOARD OF EXPERTS

Philosophy

- José Barrientos Rastrojo* — Ph.D., full professor
(Seville, Spain)
- Sergey V. Borisov* — Ph.D., professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Yurii G. Ershov* — Ph.D., professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Filip Ivanovic* — Ph.D (Podgorica, Montenegro)
- Victorya Lezyer* — Ph.D., professor
(Folkarkeyre, France)
- Valery G. Ledyaeov* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Andrey N. Medushevsky* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Valery A. Nekhamkin* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Alexander V. Pavlov* — Ph.D., Professor
(Tyumen, Russia)
- Vladimir D. Popov* — Ph.D., Professor
(Moscow, Russia)
- Grigorii L. Tulchinskii* — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)
- Alexander S. Chuprov* — Ph.D., Professor
(Blagoveshchensk, Russia)

Political Science

- Sergey G. Zyrianov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Baltash N. Karipov* — Ph.D., Professor
(Kokshetau, Kazakhstan)
- Alexander V. Pavroz* — Ph.D.
(St.Peterburg, Russia)
- Olga F. Rusakova* — Ph.D., Professor
(Yekaterinburg, Russia)
- Gregory Simons* — Ph.D., professor
(Upsala, Sweden)
- Alexander Yu. Sungurov* — Ph.D., Professor
(St. Petersburg, Russia)

Economics

- Olga V. Artyomova* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Laura M. Bajtenova* — Ph.D.
(Almaty, Kazakhstan)
- Victor I. Barkhatov* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)
- Lyailya M. Mutaliev* — Cand. Sc. (Economics)
(Astana, Kazakhstan)
- Irina V. Lavrentyeva* — Ph.D., Professor
(Chelyabinsk, Russia)

CULTURE

Svetlana V. Solovyova

War in the context of the sociocultural
order problem 48

Tillmanns Maria da Venza

How parrhesia in philosophizing
with children contributes
to the discovery of criteria
("touchstones") of reality 58

HISTORY

Sofia A. Rezvushkina

The mythological in the postmodern
paradigm: a historiographic study.....67

SCIENTIFIC LIFE

Vitaly A. Voropanov,

Svetlana V. Nechaeva

Public administration in new realities:
modern challenges and opportunities:
results of the All-Russian scientific
and practical conference
(October 26—27, 2022,
Chelyabinsk, Russian Federation).....83

Sergey S. Gordeev

Renewal of sustainable development
"accents": overview on the results
of the 15th anniversary
International Yasnopolyanskiy Forum.....89

**INFORMATION
FOR READERS AND AUTHORS**

**Scientific journal
«SOCIUM AND POWER»**

is for experts in public and municipal administration, philosophy, sociology, political science, law, economics, management, as well as for teachers, graduate students and undergraduates.

Article topics

must conform to the journal's profile and be relevant to various (political, social, economic, legal etc) aspects of the society and its relations with public and municipal authorities.

According to the decision of the Presidium of the Higher Attestation committee (VAK) of the Russian Ministry of Education and Science, the «SOCIUM AND POWER» journal is included

**in the list of leading
peer-reviewed scientific journals
and publications,**

where the primary scientific results should be published for Candidate of Science and Doctor of Science theses in the following fields of science: philosophy, political science, economics.

The articles are peer-reviewed.

The requirements for scientific articles to be published in the «SOCIUM AND POWER» scientific journal are located at page 99.

Send your articles to the editor's office at:

454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26
Editor's office phone number:
(351) 771-42-30
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

Website:
<http://siv74.ru>

Disclaimer:
Only the authors of published articles may be held liable for authenticity and accuracy of citations, names, titles and other information as well as for respecting the intellectual property legislation.

Copyright reserved

The journal is published quarterly and distributed by subscription at the post offices.

Free price

**Subscription index
in Russia
E38909**

CRITICISM AND REVIEWS

Sergey V. Borisov

Awakening the "inner philosopher"
(review of the book
by Maria daVenza Tillmanns,
Why we are in need of tales (Part III),
Iguana Books, 2022, 60 pp.) 92

Для цитирования: Пеннер, Р. В. Цифровые варианты проектирования социальной идентичности / Р. В. Пеннер, Л. Б. Осипова // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 7—15. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15. — EDN YEBAMC.

УДК 101.2

EDN YEBAMC

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15

ЦИФРОВЫЕ ВАРИАНТЫ ПРОЕКТИРОВАНИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ¹

Пеннер Регина Владимировна,
Южно-Уральский государственный университет,
доцент кафедры философии,
старший научный сотрудник научно-образовательного центра практической и прикладной философии,
кандидат философских наук, доцент.
Челябинск, Россия.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Осипова Любовь Борисовна,
Тюменский индустриальный университет,
доцент кафедры маркетинга
и муниципального управления,
кандидат социологических наук.
Тюмень, Россия.
E-mail: lev1026@yandex.ru

Аннотация

Введение. Вне зависимости от пертурбаций и трансформаций внешнего, человек реализует себя и представляет себя другим в направлении т. н. субъектности. Тема субъектности, в том числе социальной идентичности субъекта, широко представлена в современных академических дискурсах. Тем не менее уже в первом десятилетии XXI в. в контексте социальных и гуманитарных размышлений о субъекте все чаще звучала идея т. н. цифрового субъекта. В сравнении со своим биосоциокультурным аналогом цифровой субъект занимает специфическое положение, положение между реальным миром физических предметов и информационным пространством. Поэтому размышления о социальной идентичности современного человека выведены в пространство цифрового, в те его варианты, где «обитает» цифровой субъект и создает нарративы о себе.

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Цель. Выявить и проанализировать ключевые варианты социальной идентичности, что представлены сегодня в сети.

Методы. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование. Анализ вариантов социальной идентичности в сети осуществлялся, прежде всего, на основе контент-анализа, метода интерпретации и системного подхода.

Научная новизна исследования. В статье представлены варианты проектирования социальной идентичности в цифровом пространстве — электронная почта и мессенджеры, контекстная реклама, социальные сети; проанализирована специфика проектирования в каждом из названных вариантов.

Результаты. Экспозиция вариантов проектирования социальной идентичности на цифровом материале открывает перед нами спектр различных форм бытия субъекта в сети. В наибольшей степени эти формы связаны с коммуникативной природой человека. Все чаще социальный субъект обращается к цифровым вариантам общения, что включают в себя мессенджеры, социальные сети и электронную почту. Как кажется, в XXI в., когда в Интернете появились свои специфические знаки, в том числе эмодзи, преодолен т. н. ценз грамотности — общаться посредством Интернета доступно любому желающему. Одновременно с этим реальный субъект не только оставляет свой уникальный отпечаток в сети; информация, полученная им из сети, накладывает свой отпечаток на его решения, в серии разноплановых выборов от продуктового магазина до политического лидера.

Выводы. В современных академических размышлениях о специфике бытия человека в сети оформилась идея цифрового субъекта. В дискурсах отечественных и зарубежных исследователей цифровой субъект представлен, как правило, сборным конструктом. Он имеет связь с реальным субъектом и социальными группами, но его происхождение идеологическое. По своему назначению он несет некоторую идею, что склоняет реального субъекта к принятию именно такого, не другого решения. Отсюда эпистемологическую ценность обретают цифровые исследования, точнее, поиск и анализ вариантов, посредством которых человек реализует свою идентичность в сети.

Ключевые слова:

цифровое, цифровое проектирование, цифровой субъект, цифровая грамотность, интернет, социальная идентичность, электронная почта и мессенджеры, контекстная реклама, социальные сети

Введение

Как показывает анализ статей и иных научных материалов, размещенных в БД «Scopus», за последнее десятилетие внимание исследователей из различных областей знания привлекает феномен «цифрового субъекта» (англ. digital subject). По запросу «digital subject» в сети «Scopus» в 2022 г. мы получаем 36 439 документов. Причем первый из них датирован 1926 г. Возникает естественный вопрос, о каком цифровом субъекте можно было говорить в 1920—1930 гг. даже в технологически продвинутых США. Разрешается вопрос предельно просто: речь идет о создании электрической цепи, части которой могут именоваться как «субъект» или «цифровой субъект» [22]. Предложенные в статье дефиниции «социальной идентичности» и «цифрового субъекта» будут приняты за базовые.

Понимание цифрового субъекта в антропологическом или околоантропологическом плане в материалах Scopus'a происходит только на рубеже XX—XXI вв., прежде всего в библиотечном дискурсе [18; 28]. Как кажется, это связано с резким скачком информационных объемов и необходимостью находить новые формы группировки и каталогизации имеющихся информационных данных.

Идея цифрового субъекта в контексте социальной идентичности, в свою очередь, вошла в социально-гуманитарный дискурс намеренно. Так, например, О. Горюнова в своих работах по цифровому субъекту утверждает его положение между социобиологическим аналогом и цифровыми данными [15]. Опираясь на установки М. Фуко о понимании субъекта через телесные, духовные и политические практики, она позиционирует цифрового субъекта в дискурсе власти. С одной стороны, реальный человек, с именем, телом, социальным статусом создает свой аналог (в некоторых случаях — аналоги) в цифровой среде. В этом контексте именно реальный человек является автором, филиатором, обладателем своих цифровых «двойников». С другой стороны, попав в цифровую сеть, информация начинает функционировать по законам сети вопреки воле своего автора. В дело вступает паноптикум. Однако это не явные надзирательные конструкции, как у И. Бенгтама или М. Фуко [10]. Речь идет об утонченных управленческих практиках, что работают по принципу информационного контроля, не тюремного заключения [4].

Отечественные авторы Д. Гавра, В. Декалов и К. Науменко, продолжают рассма-

тривать цифрового субъекта в дискурсе власти [14]. Но если О. Горюнова сосредотачивает свое внимание на метаантропологической природе этого субъекта: это калькирование с реального человека, скорректированное маркетологами и политическими технологами по стандартам «идеала» для экономических и политических операций; то ее коллеги в прорисовывании фигуры цифрового субъекта по большей части отражают трансформацию информационного пространства. Интернет принципиально скорректировал медийное пространство, значительно «подвинув» своих конкурентов; информации в Интернете много; источниками информации наравне с политическими фигурами становятся лица, не связанные с принятием политических решений; однако классические инфлюенсеры (газеты, телевидение, политики) остаются в информационном поле и продолжают борьбу за аудиторию, в среде которой ширится количество цифровых субъектов, т. е. тех, кто активно пользуется Интернетом в разных его назначениях.

А. Спан [A. Spahn] логику своей статьи, в свою очередь, выстраивает в фокусе цифровых технологий изменения поведения (англ. digital behavior change technologies). Он начинает с того, что обращается к классической оппозиции субъект — объект, сформулированной еще в Новое время Р. Декартом [3], но сохранившей свою актуальность в современном научном дискурсе (по крайней мере, в классических его областях). Опираясь на различие субъекта и объекта, И. Кант сформулировал основу своей этической программы [17]. Категорический императив — это долженствование исключительно для субъекта, потому что именно он обладает активным деятельным началом. В свою очередь, объект пассивен. Как правило, он становится инструментом в деятельности субъекта. А. Спан справедливо замечает, что во многих контекстах этот тезис отражает специфику актуального отношения человека с окружающими его предметами. Но не в цифровом контексте.

А. Спан опирается на трендовую проблему XXI в., цифровые технологии изменения здоровья и поведения, что идет из медицины. Исследователи, обращающиеся к этой проблеме, отмечают ее комплексный характер. Отсюда установка на то, что решение проблем изменения физиологии человека в цифровой реальности следует разрабатывать в междисциплинарном пространстве [16; 23; 25]. А. Спан, в свою очередь, заявляет не столько практическое разрешение

проблемы, но пересмотр понятий «субъект», «объект» и «интерсубъективность» в контексте цифровых технологий изменения поведения. В статье он приходит к выводу, близкому положениям АСТ: «Цифровые технологии больше не являются просто пассивными инструментами, они начинают принимать различные формы деятельности, приближаясь, таким образом, к классическим “субъектам”. Также и современные люди могут передать часть своей деятельности цифровым технологиям. Наконец, дискуссии в публичной сфере все больше и больше опосредуются цифровыми технологиями, — социальные сети в нарастающей степени определяют наши социальные взаимодействия» [24].

Наконец, С. Уорк [S. Wark] развивает тезис О. Горюновой о цифровом субъекте как «опосредованной конструкции»: растворение человека в потоке данных, с одной стороны; и воздействие этих данных на поведение человека — с другой [27]. Как утверждает С. Уорк, прототипом цифрового субъекта можно полагать «грамматики действия» Ф. Агре [12]. Под именем «грамматики» Ф. Агре представил техники социальной техники. Отсюда техника вносит коррективы в специфику человеческой коммуникации. С. Уорк отмечает, что в эпоху широкого использования Интернета цифровой субъект оказывает прямое воздействие на индивидуацию своего «автора» в регулярном обращении второго к действиям в сети по типу «liking, sharing, friending, even clicking» (с англ. — поставить лайк, распространить информацию, отправить / ответить на запрос на добавление в друзья, пройти по ссылке).

Одновременно с тем, что техника в какой-то степени алгоритмизирует человека, задает ему определенные режимы представления себя и взаимодействия с другим в цифровом пространстве, она также, по мысли С. Уорк, способна выступать своеобразным «хилером», врачомателем личных ран и травм. Иллюстрацией этому служит арт-проект Амалии Ульман [A. Ulman], перформанс, что она устроила на площадке Instagram в 2014 г. В рамках перформанса А. Ульман искренне прожила со своими подписчиками четыре месяца после расставания с молодым человеком. Вытаскивая напоказ глубоко интимное, что зачастую вызывало вопросы у ее подписчиков, аргентинская художница смогла пережить личную травму и на своем примере продемонстрировать феминные типажи в online: от «плачущей девочки» до «красотки» и «богини» [26].

Кажется, что с этой иллюстрацией переключается исследование Г. Альбертса, М. Вента и Р. Янсмы [G. Alberts, M. Went, R. Jansma], что отображает ключевые исторические вехи в становлении «De Digitale Stad» (нидерл. цифровой город). В начале 1994 года платформа «De Digitale Stad» была одной из первых онлайн-площадок Нидерландов, созданной для упрощения коммуникации между первыми пользователями Интернета. Тогда платформа была подобна доске объявлений. Тем не менее уже в первый год своего существования она привлекала около 100 000 компьютеров. Сегодня это полноценный виртуальный город; творческая платформа, где художники и зрители находят друг друга [13]. Поэтому С. Уорк заключает, что наряду с тем, что техника и технологии в цифровую эпоху получают статус социальных агентов, именно в режиме online современный человек обретает видимость, и связанные с ней идентичность и аутентичность.

Кажется, что, прежде чем отнести цифровое к одному из полюсов, хорошо — плохо, в размышлении о социальной идентичности, стоит сначала заглянуть в те варианты проектирования, что в явной, а зачастую неявной форме представлены сегодня в сети. Этими вариантами в данном исследовании станут электронная почта и мессенджеры (1), контекстная реклама (2) и, конечно, социальные сети (3).

Электронная почта и мессенджеры

В 1996 г. школьники из Тель-Авива перевернули представление о коммуникации людей со всего мира. Они разработали и предложили широкой аудитории бесплатный интернет-пейджер ICQ (омоним с англ. I seek you) [19]. Разработка юных программистов оказалась революционной в набирающем обороты цифровом пространстве. Во-первых, аналоги у ICQ были, но все они были платные. Во-вторых, сами разработчики назвали свою программу «пейджером»; это открывало для пользователей возможность обмениваться мгновенными сообщениями и одновременно не обременяло их необходимостью оплачивать относительно дорогую в то время мобильную связь.

Сегодня ICQ — это «реликт» в контексте цифровой коммуникации. Сегодня невозможно представить социального субъекта без электронной почты и/или номера мобильного телефона, к которому привязаны разные мессенджеры. Вообще номер мобильного

телефона в XXI в. играет роль если не большую, то, как минимум, подобную паспорту гражданина страны. Помимо того, что по нему происходит аутентификация электронной почты и всех мессенджеров, к нему привязаны социальные сети, банковские карты, счета на оплату коммунальных услуг и проч. Кажется, что в скором времени поменять номер станет столь же проблематично, как поменять паспорт. Возможно, поэтому многие мобильные операторы не менее пяти лет подряд предлагают своим клиентам возможность сменить связь, оставив за собой номер.

Наверное, вот уже весь XXI в. электронная почта является визиткой для отдельных людей, компаний и корпораций. В сравнении с мессенджерами можно выразить ряд отличительных признаков электронной почты:

время передачи сообщения: мессенджеры — мгновенная коммуникация, почта — пролонгированная;

формат сообщения: мессенджеры — неформальное (как правило), формальное общение (корпоративные чаты, группы по отдельным вопросам), почта — формальное деловое (как правило) общение;

содержание сообщения: мессенджеры — текст + визуальный ряд, почта — преимущественно текст.

В разговоре о цифровом этикете в цикле программ «Наблюдатель» на телеканале «Культура» С. В. Тихонова отметила, что коммуникация посредством мессенджеров отменяет или точнее преодолевает т. н. «ценз грамотности» [6]. Люди из стран Африки и Азии могут включиться в общение друг с другом посредством (видео-) звонка, эмодзи или гифок. С. Джобс еще в 1980-е гг. поднял вопрос о клиентоориентированном интерфейсе. Тогда речь шла об экране стационарного компьютера, сегодня — об экране гаджета. Инфографика современных смартфонов настолько интуитивно понятна, что не нужно уметь читать и писать, чтобы ими пользоваться (это демонстрирует, кстати, не только безграмотное население стран т. н. Третьего мира, но и маленькие дети). В свою очередь, текст письма, даже электронного, каким бы многосоставным (визуальный ряд, аудио- видеокomпоненты, гиперссылки) он ни был, остается текстом. Отсюда логичным будет повторить вывод о том, что электронная почта все же используется в рамках формальной деловой коммуникации, в то время как мессенджеры — для неформального общения, между членами семьи, друзьями, коллегами и пр., т. е. с теми, с кем можно поделиться какой-то эмоциональной, зачастую интимной информацией.

Контекстная реклама

Наверное, реклама, какой бы многоликой она ни была, остается главным инструментом проектирования социальной идентичности отдельных людей и групп. О рекламе идет речь, когда в свое размышление о цифровом субъекте О. Горюнова вставляет идеального маркетингового субъекта [15]. Идеальный субъект — это тот конструкт, что спроектирован маркетологами для продажи товара и/или услуги. Он обладает четко заданными характеристиками: пол (гендер), возраст, место проживания, сфера деятельности, круг интересов и т. д. Этот товар или услуга создается специально для него и под его характеристики. Затем в сети происходит поиск и отбор тех пользователей, характеристики которых близки параметрам «идеала».

Контекстная реклама — это таргетинговая (от англ. target — цель) реклама. Кажется, что она сориентирована специально на нас. Но это не совсем так. Дело в том, что, пребывая в сети, всякий раз мы оставляем за собой след, т. н. «цифровой след» [20; 21]. Поисковые запросы, контакты, переписка, текстовые, фото- и видеоматериалы, — все то, что мы выкладываем в сеть, — может быть использовано против нас (ну, или наоборот, может быть использовано специально для нас). Как обозначили философы-постструктуралисты в 1970—1980-х гг., человек есть существо дискурсивное. Он выстраивает вокруг себя слова и смыслы, его отображающее и изображающее. На это сориентирована контекстная реклама: на то, что мы ищем, как мы это ищем, где блуждаем, и что нам можно продать в процессе этого блуждания.

Как и product placement (размещение рекламируемого товара в качестве реквизита фильма, клипа или сериала), контекстная реклама (если она грамотно сконструирована) является вариантом скрытой рекламы. Например, с вхождением и обоснованием умных устройств в быту (умные помощники Siri и Алиса, цифровые колонки, цифровые часы), даже не нужно лишний раз обращаться к поисковику. Эти устройства сами «услышат» то, о чем мы общались с друзьями и коллегами, отфильтруют этот текст по ключевым словам и выдадут в течение некоторого времени то, о чем мы так мечтаем, даже специально не задумываясь об этом. Однако если product placement продает своеобразную сказку: продукт как будто снисходит из киношного контекста в жизнь простого человека; то контекстная реклама

подбирает то, что отвечает запросам пользователя здесь и сейчас. Она не сказочная, она удобная. Но вместе с тем, проектирующая, т. к. предлагает не всегда то, что целенаправленно ищешь, но тем не менее покупаешь.

Социальные сети

Цифровое размывает границы частного — публичного. То, что буквально несколько лет назад было доступно только «я» и узкому кругу лиц, с теми, у кого установлены сильные социальные связи с этим «я», сегодня может быть доступно множеству пользователей Интернета (если вовремя не задать необходимые настройки приватности). Это прежде всего характерно для социальных сетей.

История социальных сетей на просторах Интернета относительно свежа. Первой социальной сетью называют платформу Classmates.com, что Р. Конрад предложил интернет-пользователям в 1995 г. [7]. Эта история безотносительно мала по общечеловеческим историческим меркам; но безусловна стара она в том контексте, что вчерашнее определенно утрачивает актуальность в сегодняшнем. За эту короткую историю социальные сети эволюционируют от справочника одноклассников, родственников, школьных друзей до платформ, разрабатываемых инфлюенсерами для распространения идей, товаров и услуг, до места публичных выступлений и дебатов по социально-политической, культурной и научной повестке дня, до пространства для творчества, выражения себя и собирания вокруг себя единомышленников.

Социальные сети сегодня (от ВКонтакте до TikTok [2]) являются той доступной площадкой, на которой каждый способен заявить о себе. Это то, что Ф. Фукуяма именует мегалотимией, стремлением к тому, чтобы «я» видело и отражало это видение как можно большее количество людей [11, с. 19]. Способов заявить о себе множество: от текстов, информационных, авторских, провокационных, до аудио-, видеоматериала с оригинальными роликами или клипами в формате TikTok. Несмотря на то что количество способов этих заявлений в сети Интернет ширится, сами способы алгоритмируются. А. О. Лемпий отразил алгоритмизацию в своем осмыслении влияния гаджета на «я сам» [5]. В размышлениях о Ното Technicus с измененной чувствительностью он сравнивает социальную сеть с комнатой; в ней можно расставить предме-

ты и развесить плакаты на свое усмотрение, но базовый набор элементов в этой комнате обязателен: имя пользователя, его фото и возраст, аффилиация, номер телефона (в некоторых случаях — паспорта, в других случаях — приглашение от зарегистрированного пользователя) для аутентификации.

Заключение

Б. Гейтсу приписывают мудрость из XXI в., «если тебя нет в Интернете — ты не существуешь». Сложно сегодня докопаться и обнаружить, когда и где он это сказал. Это тем не менее не умаляет актуальности самих слов. Сегодня, чтобы полноценно присутствовать в социальной среде, социальному субъекту нужно иметь даже не случайный, но явный цифровой след.

То, что на манер Р. Барта, может быть названо «дифракцией» человека в сети, указывает на проблему цифрового субъекта¹. О. Горюнова и иные исследователи заявляют о цифровом субъекте как сборном конструкте. Он имеет связь с реальным субъектом и социальными группами. Но его происхождение идеологическое. По своему назначению он несет некоторую идею, что склоняет реального субъекта к принятию именно такого, не другого решения.

Размышляя о вариантах проектирования социальной идентичности в современном интернете, нужно удерживать в уме черты этого Интернета. Первая — из элитарного пространства (требование технической грамотности — знание и владение языками программирования — к пользователям сети) с применением методики Web 2.0 Интернет стал массовым, открытым и доступным для большинства. Вторая — в этом зачастую открытом пространстве у каждого есть право голоса, что реализуется авторизованным пользователем, не анонимом. Об этом поворот в исследовании эскапистских практик Е. О. Труфановой, где Интернет представлен в двух регистрах: от места, куда пользователь

¹ Классическая метафизика не видела никакой беды в «разделении» личности (Расин: «Во мне живут два человека»); наоборот, будучи разделена на два противоположных начала (высокое/низкое, плоть/дух, небо/земля), личность работала как правильная парадигма; и две борющиеся инстанции примирялись в образовании смысла — это и был смысл Человека. Поэтому когда сегодня мы говорим о разделенном субъекте, то речь все не о признании в нем простых противоречий, двойных постулатов и т. п. — теперь имеется в виду дифракция, волновое рассеяние, когда не остается ни основного ядра, ни смысловой структуры: во мне не противоречие, а рассеяние [1].

Интернета на рубеже XX—XXI вв. желает сбегать, до пространства, откуда пользователь Интернета из XXI в. стремится убежать [8; 9]. Третья — одновременно с тем, что Интернет может стать площадкой для громкого заявления субъекта о себе, он является пространством алгоритмизированных действий.

Наверное, рассуждать об интернете в рамках «хорошо — плохо» есть действие бессмысленное. С пандемией Covid-2019 отдельный человек и общество в целом с необходимостью включены в цифровое пространство (чего стоят одни только QR-коды и все те дискуссии, что зародились и осели в сети о них). Несмотря на все запреты, практики изоляции, дистанционные формы работы и обучения, человек остается животным социальным, что собирает дискурс о себе для другого. Именно в сети и из сети мы узнаем, кто есть другой и каким есть этот мир. Именно в сети и из сети мы рассказываем другому о себе.

1. Барт, Р. Ролан Барт о Ролане Барте / Р. Барт. — М. : Ад Маргинем, 2012.

2. ВЦИОМ назвал самые популярные соцсети в России. — URL: <https://ria.ru/20210706/sotsseti-1740025260.html> (дата обращения: 04.11.2022).

3. Декарт, Р. Размышления о первой философии / Р. Декарт. — URL: <http://psylib.org.ua/books/dekar02/index.htm> (дата обращения: 04.11.2022).

4. Делез, Ж. Post Scriptum к обществам контроля // Ж. Делез. Переговоры. — СПб. : Наука, 2004.

5. Лемпий, А. О. Я сам и мой гаджет: к вопросу о влиянии персональной техники на идентичность личности / А. О. Лемпий // *Ideas. Philosophical Journal*. — 2014. — № 2. — С. 24—29.

6. Наблюдатель. Цифровой этикет. Как соблюдать диджитал нормы? Эфир 01.02.2021. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=zQD89oMF5VE&t=2587s> (дата обращения: 04.11.2022).

7. Семенов, Н. Все о социальных сетях / Н. Семенов. — URL: <https://seclgroup.ru/vse-o-soczialnyh-setyah-vliyanie-na-cheloveka-chast-1/> (дата обращения: 04.11.2022).

8. Труфанова, Е. О. Эскапизм: бегство в поисках смысла / Е. О. Труфанова // *Психология и психотехника*. — 2014. — № 6 (69). — С. 597—608.

9. Труфанова, Е. О. Эскапизм: между природой и культурой / Е. О. Труфанова // *Вестник Северного (Арктического) федерального университета*. Серия: Гуманитар-

ные и социальные науки. — 2021. — № 1. — С. 125—134.

10. Фуко, М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — М. : Ad Marginem, 1999.

11. Фукуяма, Ф. Идентичность. Стремление к признанию и политика неприятия / Ф. Фукуяма. — М. : Альпина, 2019.

12. Agre, P. Surveillance and capture: Two models of privacy / P. Agre // *The Information Society*. — 1994. — № 10(2). — Pp. 101–127.

13. Alberts, G. Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly / G. Alberts, M. Went, R. Jansma // *Internet Histories*. — 2017. — № 1:1-2. — Pp. 146—159. — DOI: 10.1080/24701475.2017.1309852.

14. Gavra, D. Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection / D. Gavra, V. Dekalov, K. Naumenko // *Studies in Computational Intelligence* 868. — 2020. — Pp. 233—243.

15. Goriunova, O. The Digital Subject: People as Data as Persons / O. Goriunova // *Theory, Culture and Society*. — 2019. — № 36(6). — Pp. 125—145.

16. Hekler, E. Advancing Models and Theories for Digital Behavior Change Interventions / E. Hekler, S. Michie, M. Pavel, D. Spruijt-Metz // *American Journal of Preventive Medicine*. — 2016. — № 51(5). — Pp. 825—832.

17. Kant, I. *Critik der practischen Vernunft* / I. Kant. — Латвия, 1792.

18. Lin, Z.-Y. Classification practice and implications for subject directories of the chinese language web-based digital library / Z.-Y. Lin // *Journal of Internet Cataloging*. — 2000. — № 3 (4). — Pp. 29—50.

19. Morfitt, K. After conversation-An forensic ICQ logfile extraction tool / K. Morfitt, C. Valli. *Proceedings of 3rd Australian Computer, Network and Information Forensics Conference*, 2005. — Pp. 54—61.

20. Identifying the Types of Digital Footprint Data Used to Predict Psychographic and Human Behaviour / A. Nawi, Z. Hussin, C. C. Ren, N. S. Norsaidi, M. S. Mohd Pozi. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)* 12504 LNCS, 2020. — Pp. 287—296.

21. Pavlenko, D. Collection and analysis of digital footprints in LMS / D. Pavlenko, L. Barykin, K. Dadteev. — *Procedia Computer Science* 190, 2021. — Pp. 666—669.

22. Porter, L. C. What happens when a headlight is out of focus / L. C. Porter, G. F. Prideaux // *SAE Technical Papers*. — 1926. — Pp. 521—551.

23. Digital technologies to support behavior change: challenges and opportunities : Diabetes Digital Health / A. Sabharwal, S. Fields, M. E. Hilliard, D. J. DeSalvo ; ed. by David C. Klonoff, David Kerr, Shelagh A. Mulvaney. — Elsevier, 2020. — Pp. 37—50.

24. Spahn, A. Digital objects, digital subjects and digital societies: Deontology in the age of digitalization / A. Spahn // *Information (Switzerland)*. — 2020. — № 11(4). — P. 228.

25. Taj, F. Digital Health Behavior Change Technology: Bibliometric and Scoping Review of Two Decades of Research / F. Taj, MCA Klein, A. van Halteren // *JMIR Mhealth Uhealth*. — 2019. — № 7(12). — e13311. Pp. 1—21. — DOI:10.2196/13311.

26. Ulman, A. Excellences and Perfections / A. Ulman. [Digital performance]. Instagram; various locations, 2014.

27. Wark, S. The subject of circulation: on the digital subject's technical individuations / S. Wark // *Subjectivity*. — 2019. — № 12 (1). — Pp. 65—81.

28. Zavalina, O. L. Contextual Metadata in Digital Aggregations: Application of Collection-Level Subject Metadata and Its Role in User Interactions and Information Retrieval / O. L. Zavalina // *Journal of Library Metadata*. — 2011. — № 11(3-4). — Pp. 104—128.

References

1. Barthes R. (2012) *Rolan Bart o Rolane Barte*. [Roland Barthes by Roland Barthes]. Moscow, Ad Marginem [in Rus].

2. VCIOM nazval samye populyarnye socseti v Rossii, available at: <https://ria.ru/20210706/sotsseti-1740025260.html> (accessed 04.11.2022) [in Rus].

3. Descartes R. *Razmyshleniya o pervoj filosofii* [Meditations on First Philosophy]. Available at: <http://psylib.org.ua/books/dekar02/index.htm> (accessed 04.11.2022) [in Rus].

4. Deleuze G. (2004) *Post Scriptum k obshchestvam kontrolya : Peregovory* [Postscript on the Societies of Control]. Saint Petersburg, Nauka [in Rus].

5. Lempij A.O. (2014) *Ideas. Philosophical Journal*, no. 2, pp. 24-29 [in Rus].

6. Nablyudatel'. Cifrovoy etiket. Kak soblyudat' didzhital normy? Efir 01.02.2021, available at: <https://www.youtube.com/watch?v=zQD89oMF5VE&t=2587s> (accessed 04.11.2022) [in Rus].

7. Semenov N. Vse o social'nyh setyah. Available at: <https://seclgroup.ru/vse-o-soczialnyh-setyah-vliyanie-na-chelovekachast-1/> (accessed 04.11.2022) [in Rus].

8. Trufanova E.O. (2014) *Psihologiya i psihotekhnika*, no. 6 (69), pp. 597-608 [in Rus].

9. Trufanova E.O. (2021) *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye i social'nye nauki*, no. 1, pp. 125-134 [in Rus].

10. Foucault M. (1999) *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow, Ad Marginem [in Rus].

11. Fukuyama F. (2019) *Identichnost'. Stremlenie k priznaniyu i politika nepriyatiya* [Identity: The Demand for Dignity and the Politics of Resentment]. Moscow, Al'pina [in Rus].

12. Agre P. (1994) Surveillance and capture: Two models of privacy. *The Information Society*, no. 10 (2), pp. 101-27 [in Eng].

13. Alberts G., Went M., Jansma R. (2017) Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly, *Internet Histories*, no. 1:1-2, pp. 146-159, DOI: 10.1080/24701475.2017.1309852 [in Eng].

14. Gavra D., Dekalov V., Naumenko K. (2020) Digital Subjects as New Power Actors: A Critical View on Political, Media-, and Digital Spaces Intersection. *Studies in Computational Intelligence* 868, pp. 233-243 [in Eng].

15. Goriunova O. (2019) The Digital Subject: People as Data as Persons. *Theory, Culture and Society*, no. 36 (6), pp. 125-145 [in Eng].

16. Hekler E., Michie S., Pavel M., Spruijt-Metz D. (2016) Advancing Models and Theories for Digital Behavior Change Interventions. *American Journal of Preventive Medicine*, no. 51(5), pp. 825-832 [in Eng].

17. Kant I. (1792) *Critik der practischen Vernunft*. Latvia [in Rus].

18. Lin Z.-Y. (2000) Classification practice and implications for subject directories of the chinese language web-based digital library. *Journal of Internet Cataloging*, no. 3(4), pp. 29-50 [in Eng].

19. Morfitt K., Valli C. (2005) After conversation-An forensic ICQ logfile extraction tool. *Proceedings of 3rd Australian Computer, Network and Information Forensics Conference*, pp. 54-61 [in Eng].

20. Nawi A., Hussin Z., Ren C.C., Norsaidi N.S., Mohd Pozi M.S. (2020) Identifying the Types of Digital Footprint Data Used to Predict Psychographic and Human Behaviour. *Lecture Notes in Computer Science (including subseries Lecture Notes in Artificial Intelligence and Lecture Notes in Bioinformatics)* 12504 LNCS, pp. 287-296 [in Eng].

21. Pavlenko, D., Barykin, L., Dadteev, K. (2021) Collection and analysis of digital

footprints in LMS. *Procedia Computer Science* 190, pp. 666-669 [in Eng].

22. Porter, L.C., Prideaux, G.F. (1926) What happens when a headlight is out of focus. *SAE Technical Papers*, pp. 521-551 [in Eng].

23. Sabharwal A., Fields S., Hilliard M.E., DeSalvo D.J. (2020) Digital technologies to support behavior change: challenges and opportunities : *Diabetes Digital Health*. ed. by David C. Klonoff, David Kerr, Shelagh A. Mulvaney. Elsevier, pp. 37-50 [in Eng].

24. Spahn, A. (2020) Digital objects, digital subjects and digital societies: Deontology in the age of digitalization. *Information (Switzerland)*, no. 11(4), p. 228 [in Eng].

25. Taj F, Klein MCA, van Halteren A. (2019) Digital Health Behavior Change Technology:

Bibliometric and Scoping Review of Two Decades of Research. *JMIR Mhealth Uhealth*, no. 7(12), e13311 [in Eng].

26. Ulman, A. (2014) Excellences and Perfections. [Digital performance]. *Instagram; various locations* [in Eng].

27. Wark, S. (2019) The subject of circulation: on the digital subject's technical individuations. *Subjectivity*, no. 12(1), pp. 65-81 [in Eng].

28. Zavalina, O.L. (2011) Contextual Metadata in Digital Aggregations: Application of Collection-Level Subject Metadata and Its Role in User Interactions and Information Retrieval. *Journal of Library Metadata*, no. 11(3-4), pp. 104-128 [in Eng].

Статья поступила в редакцию 04.11.2022

For citing: Penner R. V. Digital design options for social identity / R.V. Penner, L.B. Osipova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 7–15. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15. — EDN YEBAMC.

UDC 101.2

EDN YEBAMC

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-07-15

DIGITAL DESIGN OPTIONS FOR SOCIAL IDENTITY

Regina V. Penner,

South Ural State University,
Associate Professor at the Department
of Philosophy,
Senior Researcher, Scientific
and Educational Center for Practical
and Applied Philosophy,
Cand.Sc. (Philosophy), Associate Professor.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: penner.r.v@gmail.com

Lyubov B. Osipova,

Tyumen Industrial University,
Associate Professor at the Department of Market-
ing and Municipal Management,
Cand.Sc. (Sociology).
Tyumen, Russia.
E-mail: lev1026@yandex.ru

Abstract

Introduction. Regardless of the perturbations and transformations of the external, a person realizes himself and presents himself to others in the direction of the so-called subjectivity. The topic of subjectivity, including the social identity of the subject, is widely represented in modern academic discourses. However, already in the first decade of the XXI century in the context of social and humanitarian reflections on the subject, the idea of the so-called digital subject was raised. In comparison with its biosociocultural counterpart, the digital subject occupies a specific position, a position between the real world of physical objects and the information space. Therefore, reflections on the social identity of a modern person are brought into the digital space, into those of its variants where the digital subject “dwells” and creates narratives about himself. The definitions of “social identity” and “digital subject” proposed in the article will be taken as basic.

The purpose of the article is to identify and analyze the key variants of social identity that are presented today in the Internet.

Methods. The study is based on general scientific methods, analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction. The analysis of variants of social identity in the Internet was carried out primarily on the basis of content analysis, the method of interpretation and a systematic approach.

Scientific novelty of the study. The article presents options for designing social identity in the digital space, e-mail and instant messengers, contextual advertising, social networks; the specifics of designing in each of the named options are analyzed.

Results. The exposition of options for designing social identity on digital material opens up a spectrum of different forms of being a subject in the Internet. To the greatest extent, these forms are associated with the communicative nature of a person. Increasingly, the social subject is turning to digital communication options, which include instant messengers, social networks and e-mail. It seems that in the 21st century, when the Internet has its own specific signs, including emoji, the so-called literacy qualification, the ability to communicate via the Internet, is available to anyone. At the same time, the real subject not only leaves its unique imprint on the network; the information he receives from the Internet leaves its mark on his decisions, in a series of diverse elections, from a grocery store to a political leader.

Conclusion. In modern academic reflections on the specifics of human existence in the Internet, the idea of a digital subject has taken shape. In the discourses of domestic and foreign researchers, the digital subject is usually represented as a prefabricated construct. It has a connection with the real subject and social groups, but its origin is ideological. According to its purpose, it carries some idea that inclines the real subject to make just such a decision, not another. Hence, digital research acquires epistemological value, more precisely, the search and analysis of options through which a person realizes his identity in the network.

Keywords:

digital,
digital design,
digital subject,
digital literacy,
Internet,
social identity,
e-mail and messengers,
contextual advertising,
social networks

Для цитирования: Миляева, Е. Г. Социальные функции бренда в эпоху цифровой трансформации / Е. Г. Миляева // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 16—25. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-16-25. — EDN YECVBU.

УДК 101.2

EDN YECVBU

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-16-25

СОЦИАЛЬНЫЕ ФУНКЦИИ БРЕНДА В ЭПОХУ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ¹

Миляева Екатерина Галимулловна,
Южно-Уральский государственный университет,
старший преподаватель кафедры философии,
старший научный сотрудник
научно-образовательного центра практической
и прикладной философии,
Челябинск, Россия.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Аннотация

Введение. Цифровая трансформация преобразует все сферы социума. Цифровые технологии постепенно изменяют взаимодействие производителей и потребителей, создавая новые формы коммуникации. Все большее значение для общественных отношений имеют приоритеты индивидуального потребления. Происходит индивидуализация потребления как потребления смыслов, а не только функции вещей и услуг. Появляются просьюмеры, распространяются совместные и ответственные потребленческие практики — шеринг, ресайклинг и т. д. В условиях цифровизации актуализируется необходимость создания человеком «спроса на себя» для признания/пропуска в социальные отношения (работа, семья, дружба, хобби и т. д.). Бренд как социокультурный феномен и его функции подвергаются значительным изменениям под влиянием цифровизации.

Цель. Выявить и охарактеризовать социальные функции бренда в ситуации тотальной цифровизации.

Методы. В исследовании были использованы общенаучные методы — анализ, сравнение, обобщение, классификация. Классификация функции бренда осуществлялась на основании структурно-функционального анализа и системного подхода.

Научная новизна исследования. В статье представлены специфика функционирования бренда как социокультурного феномена общества потребления в условиях цифровизации. Выявлены и охарактеризованы социальные функции бренда в цифровом пространстве.

Результаты. Потребление в цифровом пространстве характеризуется возрастающим значением не только активной деятельности производителя, но и культуротворческими практиками потребителей, задающими тренды и тенденции цифрового и материального рынка, определяющими и создающими контент Интернета Web 2.0. Бренды, благодаря своей символической природе, актуализировали свои социальные функции в цифровой среде.

Выводы. Исследования бренда с позиции социально-гуманитарных и философских наук способны раскрыть его гуманистический потенциал для развития человека и общества в цифровую эпоху. Социальные функции бренда в цифровом пространстве способствуют саморазвитию человека и эволюции общественных отношений благодаря фокусу внимания на индивидуальности и творчестве.

Ключевые слова:

цифровое пространство,
цифровизация,
цифровая трансформация,
бренд,
функции бренда

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

В начале XXI века цифровая трансформация экономики стала катализатором преобразований во всех сферах жизни общества. Цифровая трансформация стала катализатором преобразований во всех сферах жизни общества. Современный мир со стремительно развивающимися информационными технологиями и капиталистическими отношениями фактически ставит человека перед выбором — представить себя миру или иначе ты исчезнешь. Социальные сети во всем их многообразии помогают не только самодokumentации повседневной жизни, служа своеобразными дневниками и фото- и видеоальбомами, но задают вектор того, как наиболее просто презентовать себя социуму, конструируя как трендовые образы, так и самые ужасающие образцы контркультуры. Вопрос о том, кто же на самом деле представлен в публичном, медиа и виртуальном пространстве остается актуальным [4]. Виртуальные личности, сконструированные идентичности, шаблонные схемы для продвижения в Интернете и оффлайн — где за всем этим находится реальный человек? Ответ кажется предельно простым — человек есть, когда он может ответить на вопрос «Кто я?». Но является ли возможным дать подлинный ответ в современной социокультурной ситуации?

Сегодня, говоря о цифровом пространстве и специфике потребления в нем, можно утверждать, что рекламные технологии, маркетинг и брендинг приводят к формированию нового потребителя — актора цифрового пространства. Для активно действующего субъекта эти новые цифровые вселенные постепенно становятся идеальным пространством для жизнедеятельности и культуротворчества [2]. Существующее сегодня общество потребления получило благодаря цифровым технологиям виртуальное, но не ирреальное расширение. Цифра изменила материальное и аналоговое пространство социального, культурного, экономического и политического взаимодействия людей [15]. Бренд как социокультурный феномен подвергается социальным и культурным изменениям. В цифровом пространстве бренды получили невероятный потенциал, предоставляя потребителю практически безграничную паутину ассоциаций и самые сильные мифы своего времени [3]. Несомненно, сегодня

бренд — это генератор потребительской культуры, который относится к доминирующему способу потребления, структурированному коллективными действиями всех игроков рынка в их производственной и потребительской деятельности.

Функции бренда в социуме и культуре в философской и социально-гуманитарной оптике представлены рядом российских исследователей. О. В. Маркина в суммативном, но не типологическом анализе выделяет двенадцать социальных функций бренда: 1) коммерческая; 2) финансовая; 3) экономическая; 4) функция престижа; 5) референтная; 6) художественно-образная; 7) идентификационная; 8) психологическая; 9) критериальная; 10) конкурентная; 11) политическая; 12) инновационная [7]. С. А. Шушарин, рассматривая бренд как социокультурный феномен, фиксирует следующие функции бренда в социуме: 1) идентифицирующая; 2) дифференцирующая; 3) функция увеличения марочного капитала производителя; 4) образовательная; 5) социально-практическая; 6) терапевтическая; 7) игровая; 8) эстетическая; 9) креативная; 10) мотивирующая; 11) ценностно-нормативная; 12) идеологическая; 13) функция культурной идентификации [17].

Ю. А. Запесоцкий в своем исследовании обосновывает всего три социально-культурные функции бренда: креативную, экзистенциальную и социально-коммуникативную [5]. О. А. Чунакова отмечает, что в социокультурной плоскости бренд выполняет три функции: социальную, экспрессивную и регулятивную [18].

В представленных интерпретациях большинство указанных функций могут быть объединены одним общим основанием — это в основном социальные функции бренда, которые служат способом позиционирования, идентификации, манифестации и консолидации принадлежности человека к референтной и социально-значимой группе. Рассмотрение изменений функции бренда в условиях цифровизации с позиции социально-гуманитарного и философского исследования позволит задать направления для междисциплинарного осмысления бренда не только как экономического, но социокультурного феномена, обладающего для современного человека значительным гуманистическим потенциалом для преодоления негативных последствий общества потребления.

Функции бренда в социуме: от древней ярмарки до цифровых маркет-плейсов и блогосферы

Феномен «бренда» и «брендинга» как экономического инструментария, вероятно, так же стар, как и сама торговля. Вполне может быть, что этот инструментарий так же стар, как и территориальное поведение человека, когда люди размечали границы своего племени и маркировали себя как члены определенной группы при помощи наскальных рисунков, знаков на деревьях и татуировок. Несомненно, исторически функции бренда в первую очередь связаны с производством продуктов и вещей, обменом, торговлей.

Слово «бренд» происходит от древнескандинавского «brandr», что означает «ожечь» или же «клеймить». Когда крестьянин в древности клеймил свой скот, он делал это по очень простой причине, чтобы это была узнаваемо его, а не чужая скотина. Древние гончары, создающие керамические изделия, помечал их отпечатком пальца или особым узором, по которому можно было узнать мастера, а ткачи отмечали свои ткани или ковры особой меткой автора. Античные торговцы вином и оливковым маслом писали свои имена на амфорах, поручаясь за качество продукта. Долгое время потребитель, выбирающий среди множества однотипных товаров на ярмарке в античном полисе или средневековом городе, не имел никакой возможности, кроме своего личного опыта, разобраться в качестве товара. Но благодаря клейму-бренду товары смогли выйти за пределы своей родовой анонимности и получили свое собственное имя. С древних времен бренд представляет собой особый символический «якорь», который, привлекая внимание покупателя, ведет с ним своеобразный диалог от лица производителя — рассказывает нарратив, стоящий за покупкой, гарантирует качество, обещает преимущества. Для производителя же функционал бренда связан с возможностью повторно привлечь покупателя, который вновь и вновь выбирает товар именно с этим клеймом. Сегодня современные производители: и индивидуальные предприниматели и транснациональные корпорации — продолжают эту традицию, используя бренд как идентификатор товара, услуги, вещи и даже интеллектуального продукта, например программного обеспечения, музыкального произведения и т. д. [8].

На любом рынке — хоть в античных Афинах, хоть на маркет-плейсах и в блогосфере

современного цифрового пространства — бренд обеспечивает потребителям путевые точки маршрута по бесконечному путешествию среди многообразия товаров и услуг на территории невообразимого потребительского выбора, помогает выработать тактики и стратегии потребительского поведения — от бесконтрольной «affluenza» [14] до рационального и ответственного потребления, стремящегося сократить экологические и социальные проблемы.

Таким образом, с древности и до наших дней бренд выполняет на рынке две основные функции — обеспечивает идентификацию производителя потребителем и служит ориентиром для построения потребительских практик.

В современном мире бренды представлены в самых разнообразных формах: торговые знаки, промышленные образцы, логотипы, слоганы, комбинации форм, цветов и звуков [6]. Все это многообразие знаков защищается от недобросовестной конкуренции патентами и свидетельствами о регистрации. Ведь за каждым из них стоит нечто трудно уловимое и вербализируемое, но важное для коммуникации производителя и потребителя, для взаимного узнавания потребителей, для ориентации в многообразии товаров и услуг.

Представляя бренд в цифровом пространстве, необходимо раскрыть его знаковую природу. Знак, по Фердинанду де Соссюру, состоит из содержания и формы [13]. Допустим, мы думаем: «кошка». Это знак, состоящий из формы «кошка» — то есть написанного или произнесенного слова «кошка» — и содержания или значения, которое несет в себе слово «кошка». Но слова не существуют сами по себе. Они возможны только потому, что люди как активные пользователи языка используют слова, например слово «кошка». Актор употребляет слова для того, чтобы сообщать себе и другим о мире, в котором существует, фактически превращая слово в инструмент отсчета, схватывания и определения всего многообразия своего бытия. Например, я скажу: «Кошка», — и попрошу некоего студента из моей любой учебной группы подумать, что это слова означает. В том случае, если студент владеет русским языком — то легко представит себе популярное домашнее животное, четырехное, мурлыкающее, обычно пушистое и являющееся героем популярных интернет-мемов. Такие признаки будут представлять собой обозначение или общее основание, которое позволило бы нам обращаться к одному и тому же объекту, в данном случае

к животному «кошка». Но мысли о «кошке», скорее всего, не закончатся на этом для подумавшего. Вместе с денотацией обычно имеются некоторые коннотаций, т. е. сопутствующие значения слову «кошка», пространственные в некой культурной среде. В нашей социально-культурной ситуации коннотации к слову «кошка» могут быть такие, например, «мурлыка», «мышеловка» или «кот-баюн». Расширяя значение слова «кошка» еще дальше, мы плавно движемся к личным ассоциациям, т. е. значениям личного характера, которые можем приписать «кошке». Такие ассоциации могут принимать любую форму, например, «моя Мурка» или «мемные коты Наташи, которые все уронили»¹, любая другая кошка, когда-то и каким-то образом чувственно-эмоционально закрепившаяся в памяти человека, подумавшего «кошка».

Именно это чувственно-эмоциональное отношение между человеком как пользователем знака и знаком, или — когда речь идет о бренде — эмоциональных отношениях между брендом и человеком как потребителем и есть самое важное для брендинга. Так как когда человек воспринимает знак, он зачастую автоматически интерпретирует его, т. е. автоматически приписывает ему значение, и это значение зачастую является именно чувственно-эмоциональным по своей природе.

Проиллюстрируем эти отношения в потребительских практиках. Что, например, такие знаки, как «Mercedes» или «Apple», означают для потребителя денотативно? Зачастую не так уж много, кроме, например, заданного рекламными кампаниями «роскошный европейский автомобиль» или «лучшие электронные гаджеты в мире». Но если мощный черный внедорожник с шильдиком «Mercedes» стал первым транспортным средством потребителя или новый ноутбук с эмблемой «обкусанное яблоко» отлично справляется с многими задачами, намного лучше, чем старый ноутбук, тогда потребитель, видя логотип или читая слово, формирует положительную чувственно-эмоциональную связь с ними.

Будучи по своей природе знаком, бренд вызывает эмоциональный отклик. В маркетинге принято считать, что как знак бренд состоит из позитивных, чувственно-эмоциональных отношении потребителя с продуктом, компанией или услугой — обычно на уровне коннотаций и ассоциаций. Что касается брендинга как мощного экономи-

ческого инструмента продвижения товаров и услуг (в том числе и на политическом, музыкальном, книжном и даже на научном рынках), то работа над ним заключается в разработке и направлении положительной эмоциональной реакции потребителей (или других заинтересованных сторон) на продукт, услугу и т. д. Можно даже сказать, что брендинг — это создание и поддержание благоприятных отношений с заинтересованными сторонами, на которых основывается бренд [12].

Исследования показали, что потребители устанавливают отношения с брендами так же, как с людьми. Концепция эмоциональной привязанности к брендам восходит к теории привязанности [1], согласно которой степень сильной привязанности людей к человеку (или бренду) определяет уровень их приверженности отношениям и уровень принятия жертвы, связанные с отношениями. Привязанность — это процесс установления эмоциональной связи и ее развития посредством последовательного взаимодействия с объектом (например, человеком или брендом).

Эмоциональная привязанность к бренду свидетельствует о близости потребителя к бренду с точки зрения сильного эмоционального и когнитивного восприятия в сознании потребителей. Еще выше эмоциональной привязанности стоит любовь к бренду, которая представляет собой очень сильное эмоциональное переживание бренда и отношений между брендами и потребителями. Понятия эмоциональной привязанности и любви к бренду настолько схожи, что можно рассматривать любовь к бренду как степень страстной эмоциональной привязанности удовлетворенного потребителя к определенному торговому наименованию. Люди, которые любят бренд, должны не просто владеть вещью с логотипом этого бренда, а должны быть страстно увлечены, испытывать квазиэротические ощущения от использования и тратить деньги и на другие вещи, отмеченные этим брендом [22].

Важно подчеркнуть, рассматривая бренд в цифровом пространстве, что в качестве знаков цифровой среды бренды — это не только то, что в них вложили дизайнеры и маркетологи, а то, что потребители — реальные живые люди — прочитывают в них, осуществляя свои потребленческие практики. Или, говоря словами Бертрана Рассела, «творят и ценят разные люди» [11].

Из многообразия знаков и символов современной культуры, из переполненности символического пространства появляется

¹ URL: <https://www.pravmir.ru/natasha-my-vse-uronili-kak-eti-koty-popali-v-memy>.

массовая культура. Это культура большинства, сформированная в процессе потребления и обмена информацией. Бренд, основанный на символических ценностях и значениях, и сам денотативно является мотивирующим символом. В процессе коммуникации бренд — человек не просто анонсируется название или предполагаемая выгода, но и развивается целостное представление о жизни, основанное на символических ценностях и значениях. Таким образом, индивидуализирующая функция бренда в цифровом пространстве заключается в индивидуализации людей, а не вещей.

У человека существует глубинная потребность в самоидентификации, идентичность позволяет воспринимать себя как единое целое. Однако хрупкое осознание «Я» нуждается в поддержке, поэтому люди окружают себя вещами, которые наполняют смысл. Вместе с тем невозможно увеличивать число вещей вокруг себя бесконечно. Владение чем-либо может использоваться для удовлетворения психологических потребностей, таких как активное создание «Я»-концепции, усиление и выражение самоидентичности, а также возможности выделить себя из массы других и подчеркнуть свою индивидуальность, при этом сохраняя тождественность какой-либо социальной группе [19]. Владение отражает социальные узы с семьей, сообществом и культурными группами.

Потребление и способ потребления влияют на то, как другие воспринимают потребителей и как потребители воспринимают себя. Если кто-то водит роскошную машину известной марки или дешевую и экономичную, это дает возможность другим людям классифицировать их в своем сознании и взаимодействовать с ними на основе этой классификации. Социальный класс или социально-экономический статус относится к заработку, образованию или профессиональному статусу и представляет собой инфраструктуру, которая позволяет людям узнать свое место в обществе и сравнить себя с другими.

Одной из основных переменных для сегментирования рынка являются социально-экономические переменные, такие как рабочее положение потребителей, доход и образование, а также демографические переменные, такие как возраст, жизненный цикл и гражданский статус. Эта сегментация может действовать как классификация людей в обществе потребления. Например, динамика власти создает дихотомию между владельцами бизнеса и работниками,

которых они нанимают. Эта социальная структура имущего и неимущего проявляется через активы и собственность. Бренды, которые люди имеют или не имеют в обществе, подобны ярлыкам, отличающим их, и эти предположения организуют отношения между людьми. Эти классификации людей в разных обществах приводят к различиям в социальных классах. Разница в классе может вызвать много проблем, особенно для людей из низшего класса. Это трюизм, что у людей есть сильное желание улучшить свое положение. Итак, они всегда стараются подняться в более высокие классы или, по крайней мере, остаться в том же классе.

В долгосрочной перспективе психологически трудно поддерживать сильное желание чего-то, что явно недостижимо. Напряжение обычно снимается за счет снижения уровня устремлений и корректировки набора ценностей таким образом, чтобы придавать меньшее значение тем, которые все равно не могут быть реализованы. Процесс приспособления продолжается в соответствии с убеждениями человека, чтобы он мог считать возможным получить то, что он хочет.

Помимо своей отличительной функции и облегчения процесса принятия решения о покупке, бренды также выполняют психологические функции. Бренды используются потребителями, поддерживают их самооценку и подкрепляют их систему личной идентичности, а также отражают их идентичность и ценности. Традиционно в исследованиях бренда идентичность понимается как представление, которое человек имеет о другом человеке, личностных характеристиках другого человека, теле другого человека и ценностях, которые этот человек считает важными.

Чтобы лучше описать проблему, необходимо взглянуть на самооценку и связанные с ней концепции. «Я»-концепция — это убеждения человека о его/ее качествах и о том, как он/она их оценивает. В какой степени эти атрибуты оцениваются положительно или отрицательно, называется самооценкой. Относительная позитивность самооценки зависит от того, что потребитель воспринимает в отношении своего идеального состояния или идеального «я», и как он/она воспринимает свое текущее состояние или фактическое «я».

В такой ситуации интересной для социально-гуманитарного и философского исследования человека становится «Я»-концепция, согласно которой личность одновременно и объект и субъект своей соб-

ственной деятельности. Тамотсу Шибутани представляет «Я»-концепцию с позиции того, что человек определяет себя самого как неповторимого индивида, которого не существовало до и не будет существовать после [16]. Органическая основа такого подхода заключается в связи тела человека и ощущением индивидуальности. «Я»-концепция представляет в себе отличительный набор качеств индивида, фактически своеобразный «Я»-образ, который относится не только к телу человека, но и к его поведению. В рамках этого подхода мир человека концентрируется вокруг него самого, но это не предельный эгоцентризм, а специфика сознания человека, когда при вынесении суждений и осуществлении решений человек именно себя рассматривает как точку отсчета.

Представляя самого себя с позиции «Я»-концепции человек создает и воплощает целостный образ собственного «я». Это совершенно неповторимая, уникальная картина, ведь представления человека о самом себе связаны со спецификой человеческого сознания вообще и особенностями психики каждого. Создавая видение себя в «Я»-концепции, человек отвечает на вопросы: «какой Я на самом деле» и «каким я хочу быть, к чему мне нужно и должно стремиться?». Сложное диалектическое взаимодействие внутренних переживаний и восприятия внешнего мира через призму только собственных ощущений приводит к появлению внутреннего «я» человека, которое благодаря системе ценностей и мировоззренческих ориентиров фактически фильтрует информацию, отсеивая то, что нерелевантно ему и может нарушить целостность восприятия «я». Стоит отметить, что исследования в области психологии показывают, что люди быстрее обрабатывают и запоминают именно ту информацию, которая соотносится с «Я»-концепцией. Человек интерпретирует явления таким образом, что они фактически укладываются в его «Я»-концепцию. Но каким образом человек может построить свою собственную «Я»-концепцию и репрезентировать ее в окружающий мир, не потеряв многомерность картины?

В первую очередь необходимо помнить о том, что осознание «я» постоянно нуждается в поддержке. Человек осуществляет большую часть своей деятельности в материальном мире. Поэтому окружать себя вещами, которые наполнены не только функциями, но и смыслом — это естественная тяга к укреплению своего видения «я» человеком. Фактически, зачастую своим по-

ведением человек может сказать «Я то, что я имею», и люди видят друг друга в первую очередь как тела и окружающие их вещи. Но множить вещи до бесконечности не получится. Владение вещами помогает обозначить «Я»-концепцию, усилить самоидентичность, подчеркнуть индивидуальность, сохранить принадлежность к какой-либо социальной группе [19]. Инструментом для смысловой разметки вещей, сопутствующей человеку в повседневной жизни, становится бренд. Люди, реализуя самоидентификацию в процессе потребления, выбирают те бренды, которые своей смысловой наполненностью могут, во-первых, способствовать социальной интеграции, во-вторых, показывать личные достижения и статус своего владельца, в-третьих, демонстрируют социуму точку зрения, стиль жизни и ценностные ориентиры человека. Таким образом, символическая система брендов позволяет быть не маской, за которой может скрываться «я», а средством самоидентификации и одновременно способом манифестации своей уникальности.

Впрочем, необходимо представить и другую позицию исследователей, согласно которой функция брендов в этом отношении заключается в том, что они поддерживают системы потребительской идентичности, добавляя атрибуты бренда для символического представления личных качеств или аспектов их системы ценностей, чтобы бренды улучшали самооценку потребителя, заполняя разрыв между своим истинным «я» и своим идеальным «я», прививая им атрибуты бренда [21]. Это делает потребителей далекими от того, кем они являются на самом деле (настоящего «я»), заставляет их видеть себя в свойствах, которые придали им идентичность и создает самоотчуждение [10].

В марксистской концепции термин «отчуждение» означает самоотчуждение: быть отчужденным от своей сущности. Следовательно, отчуждение — это отсутствие самооценки, отсутствие смысла жизни, вытекающее из принуждения к жизни без возможности самореализации, без возможности актуализироваться, стать самим собой. Маркс отмечает, что люди видят, оценивают, измеряют и даже узнают себя в форме того, что они сделали или достигли, и объективируют себя в созданном или обретенном ими мире.

В своем производстве или достижении люди объективировали бы свою индивидуальность, свои специфические характеры и, следовательно, наслаждались бы не только индивидуальным проявлением своей жизни

в процессе деятельности, но и при созерцании предмета получали бы индивидуальное удовольствие, зная, что их личность объективна и видима для чувств. В связи с этим Маркс использовал слово «отчуждение» для описания положения рабочих в капиталистическом обществе, в котором они видят себя инструментом, вещью, а не личностью [9]. Это согласуется с теорией социальной идентичности [20], согласно которой потребители используют бренды для поддержки своей системы идентичности, о которой говорилось ранее.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие социальные функции бренда в эпоху цифровой трансформации:

- коммуникативная — обеспечивает коммуникацию между людьми и группами людей во всех сферах цифровой жизни;
- социализирующая — использование брендов благодаря их культурно-социальным особенностям позволяет человеку формировать и выражать свою индивидуальность, в то же время успешно встраиваясь в процесс культурной идентификации, которая в контексте данного исследования может быть понята как «набор принимаемых и практикуемых личностью программ социальной деятельности»;
- креативная — способствует формированию человеком собственного жизненного пути, приоритетов и ценностных ориентиров в цифровом мире;
- индивидуализирующая — это индивидуализация при помощи инструментария брендинга людей, а не вещей.

Исследования бренда с позиции социально-гуманитарных и философских наук способны раскрыть его гуманистический потенциал как возможность воспроизводства человеком самого себя в условиях общества потребления и тотальной цифровизации. В новой цифровой вселенной, которую творят активные действующие субъекты, более невозможно конструировать проект безлично — когда человек лишь пассивный объект, к которому прилагается чья-то внешняя воля (родителей, руководства и т. д.). Конструирование пассивного способно породить лишь товар, лишенный индивидуальных свойств, аналогичный тому, что уже имеется на рынке. Этот «товар» может быть оценен в традиции

софизма как «человек есть мера всех вещей»; иными словами, человек может быть дорогой, качественной, но вещью, одной из многих. Такая ситуация характерна для современной духовной культуры с доминантой потребления и массовизации: однотипные певцы, актеры, политики, бизнесмены, блогеры, которые выглядят как картонные шаблоны с нарисованными лицами. Но на этом фоне тем ярче проекты, в основе которых лежит самая суть человека и человеческих отношений. Проект, который объединяет в себе инициативу личности с запросами окружающего мира, когда актер откликается на социальный запрос, представляя уникальные решения, будет успешен.

1. Болуби, Дж. Привязанность : пер. с англ. / Дж. Болуби — М. : Гардарики, 2003. — 480 с.

2. Васильева, Т. В. Анализ направления развития бренда в цифровой экономике / Т. В. Васильева, Е. Н. Лазарева // Экономический вектор. — 2019. — № 4 (19). — С. 63—67.

3. Вейс, Ю. В. Использование цифровых инструментов для развития бренда / Ю. В. Вейс, Л. М. Зайдуллина // Экономика и бизнес: теория и практика. — 2021. — № 12-1. — С. 93—99.

4. Дыдров, А. А. Построение дискурса о цифровом как феномене информационной современности / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Социум и власть. — 2022. — № 3 (93). — С. 114—126.

5. Запесоцкий, Ю. А. Символическая сущность бренда в современной культуре / Ю. А. Запесоцкий : автореф. дис. ... канд. культурологии: 24.00.01. — СПб. : Санкт-Петербургский университет культуры и искусств, 2009. — 25 с.

6. Кабышева, Э. В. Брендинг в концепциях общества потребления и общества просьюмеров / Э. В. Кабышева // Вестник Томского государственного университета. Культурология и искусствоведение. — 2020. — № 37. — С. 5—13.

7. Маркина, О. В. Бренды в системе культуры / О. В. Маркина : автореф. дис. ... канд. филос. наук: 24.00.01. Н. Новгород : Нижегородский государственный архитектурно-строительный университет, 2009. — 25 с.

8. Коммуникационная стратегия бренда в цифровом обществе / О. П. Малыгина, К. В. Николаева, О. В. Носырина, Н. Э. Сучкова // Коммуникология. — 2017. — № 3. — С. 34—46.

9. Маркс, К. Экономическо-философские рукописи 1844 года / К. Маркс, Ф. Энгельс.

Сочинения. Т. 42. М. : Издательство политической литературы, 1974. — URL: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/4.htm> (дата обращения: 07.11.2022).

10. Мирошина, Е. Ю. Общество потребления: критика и пути преобразования / Е. Ю. Мирошина // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. — 2017. — № 2. — С. 105—112.

11. Рассел, Б. Искусство мыслить / Бетран Рассел ; пер. с англ. Е. Н. Козловой ; ред., сост. и предисл. О. А. Назаровой. — М. : Дом интеллектуальной книги, 1999. — 240 с.

12. Севумян, Э. Н. Влияние философии бренда на ценности «общества потребления» / Э. Н. Севумян // Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being. — 2017. — С. 69—75.

13. Соссюр, Ф. де. Курс общей лингвистики / Ф. де Соссюр ; ред. Ш. Балли и А. Сеше ; пер. с франц. А. Сухотина. Де Мауро Т. // Биографические и критические заметки о Ф. де Соссюре ; примеч. ; пер. с франц. С. В. Чистяковой ; под общ. ред. М. Э. Рут. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 1999. — 432 с.

14. Тейлор, Т. Х. Affluenza. Болезнь угрожающая миру / Т. Х. Тейлор ; пер. с англ. Н. Макарова. — М. : Ультра.Культура, 2005. — 392 с.

15. Цифровая трансформация и ее влияние на потребителей / Е. И. Толстихина, С. К. Демченко, В. Г. Подпригора, Ю. Л. Александров // Инновации и инвестиции. — 2022. — № 3. — С. 11—15.

16. Шибутани, Т. Социальная психология : пер. с англ. / Т. Шибутани — Ростов-на-Дону : АСТ : Феникс, 1999. — 544 с.

17. Шушарин, А. А. Функции бренда как социокультурного феномена / А. А. Шушарин // ОНВ. — 2014. — № 2. — С. 103—105.

18. Чунакова, В. Е. Социально-идентификационные функции бренда в современной культуре / В. Е. Чунакова : автореф. дис. ... канд. культурологии. — СПб., 2014. — 23 с.

19. Эскалас, Дж. Э. Самоинтерпретация, референтные группы и значение бренда / Дж. Э. Эскалас // Реклама, теория и практика. — 2006. — № 3. — С. 182—183.

20. Ashforth, B. E. Social Identity Theory and the Organization / B. E. Ashforth, F. Mael // Academy of Management Review. — 1989. — Vol. 14. — Is. 1. — P. 20—39. Публикуется с разрешения Academy of Management. — URL: https://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/22/1271958993/OrgPsy_2012-1_Ashforth_Mael_4%E2%80%939327.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

21. Klein, N. No logo: Taking Aim at the Brand Bullies / N. Klein. Canada : Vintage, 2000.

22. Thomas, V. I Can't Get You Out of My Head: The Influence of Secrecy on Consumers' Self—Brand Connections / V. Thomas, R. Jewell. Journal of consumer psychology. — 2019. — Vol. 29. — Is. 3. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jcpsy.1082> (дата обращения: 07.11.2022).

References

1. Bowlby J. (2003) *Privyazannost'*. [Affection]. Moscow, Gardariki [in Rus].

2. Vasil'eva T.V., Lazareva E.N. (2019) Analiz napravleniya razvitiya brenda v cifrovoj ekonomike [Analysis of the direction of brand development in the digital economy]. *Ekonomicheskij vector*, no. 4 (19), pp.63-67 [in Rus].

3. Vejs YU.V., Zajdullina L.M. (2021) Ispolzovanie cifrovyyh instrumentov dlya razvitiya brenda [Using digital tools for brand development]. *Ekonomika i biznes: teoriya i praktika*, no. 12-1, pp. 93-99 [in Rus].

4. Dydrov A. A., Penner R. V. (2022) Postroyeniye diskursa o cifrovom kak fenomene informacionnoy sovremennosti [Building a discourse on digital as a phenomenon of information modernity]. *Socium i vlast'*, no. 3 (93), pp. 114-126 [in Rus].

5. Zapesockiy YU.A. (2009) *Simvolicheskaya sushchnost' brenda v sovremennoy kul'ture* [The symbolic essence of the brand in modern culture]. Saint Petersburg, 25 p. [in Rus].

6. Kabysheva, E.V. (2020) Branding v koncepciyah obshchestva potrebleniya i obshchestva pros'yumerov [Branding in the concepts of the consumer society and the prosumer society]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Kul'turologiya i iskusstvovedenie*, no. 37, pp. 5-13 [in Rus].

7. Markina O.V (2009) *Brendy v sisteme kul'tury* [Brands in the culture system]. N.Novgorod, 25 p. [in Rus].

8. Malygina O.P., Nikolaeva K.V., Nosyrina O.V, Suchkova N.E. (2017) Kommunikacionnaya strategiya brenda v cifrovom obshchestve [Brand communication strategy in the digital society]. *Kommunikologiya*, no. 3, pp. 34-46. [in Rus].

9. Marks K. *Ekonomicheskio-filosofskie rukopisi 1844 goda* [Economic-Philosophical Manuscripts of 1844], available at: <https://www.marxists.org/russkij/marx/1844/manuscr/4.htm> (accessed 07.11.2022). [in Rus].

10. Miroshina (2017) Obshchestvo potrebleniya: kritika i puti preobrazheniya [Consumer society: criticism and ways of transformation]. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye nauki*, no. 2, pp. 105-112. [in Rus].

11. Rassel B. (1999) *Iskusstvo myslit'* [the art of thinkin]. Moscow, 240 p. [in Rus].
12. Sevumyan, E.N. (2017) Vliyanie filosofii brenda na cennosti «obshchestva potrebleniya» [The influence of brand philosophy on the values of the "consumer society"]. *Context and Reflection: Philosophy of the World and Human Being*, pp. 69-75 [in Rus].
13. Saussure F. de (1999) *Kurs obshchej lingvistiki* [General Linguistics Course]. Ekaterinburg, 432 p. [in Rus].
14. Tejlor T.H. (2005) *Affluenza. Bolezn' ugrozhayushchaya miru*. [Affluenza. A disease threatening the world]. Moscow, 392 p. [in Rus].
15. Tolstihina E.I., Demchenko S.K., Podoprigora V.G., Aleksandrov YU.L. (2022) Cifrovaya transformaciya i ee vliyanie na potrebitelej [Digital transformation and its impact on consumers]. *Innovacii i investicii*, no. 3, pp. 11-15 [in Rus].
16. Shibutani, T. (1999) *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Rostov, 544 p. [in Rus].
17. Shusharin A.A. (2014) Funkcii brenda kak sociokul'turnogo fenomena [Brand Functions as a Sociocultural Phenomenon]. *ONV*, no. 2, pp. 103-105 [in Rus].
18. Chunakova V.E. (2014) *Social'no-identifikacionnye funkcii brenda v sovremennoj kul'ture* [Social and identification functions of a brand in modern culture]. Saint Petersburg, 23 p. [in Rus].
19. Eskalas Dzh.E. (2006) Samointerpretaciya, referentnye gruppy i znachenie brenda [Advertising, theory and practice]. *Reklama, teoriya i praktika*, no. 3, pp. 182-183 [in Rus].
20. Ashforth B.E., Mael F. (1989) *Social Identity Theory and the Organization // Academy of Management Review*, vol. 14, is. 1, pp. 20—39, available at: https://ecsocman.hse.ru/data/2012/05/22/1271958993/OrgPsy_2012-1_Ashforth_Mael_4%E2%80%9327.pdf (accessed 07.11.2022) [in Eng].
21. Klein N. (2000) *No logo: Taking Aim at the Brand Bullies*. Canada, Vintage. 624 p. [in Eng].
22. Thomas V., Jewell R. (2019) I Can't Get You Out of My Head: The Influence of Secrecy on Consumers' Self—Brand Connections. *Journal of consumer psychology*, vol. 29, issue 3, available at: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1002/jcpsy.1082> (accessed 07.11.2022) [in Eng].

Статья поступила в редакцию 07.11.2022

For citing: Milyaeva E.G. Brand social functions in the age of digital transformation / E.G. Milyaeva // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 16—25. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-16-25. — EDN YECVBU.

UDC 101.2

EDN YECVBU

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-16-25

BRAND SOCIAL FUNCTIONS IN THE AGE OF DIGITAL TRANSFORMATION

Ekaterina G. Milyaeva,

South Ural State University
Senior Lecturer at the Department of Philosophy,
Cheliabinsk, Russia.
E-mail: miliaevaeg@susu.ru

Abstract

Introduction. Digital transformation transforms all spheres of society. Digital technologies are gradually changing the interaction between producers and consumers, creating new forms of communication.

The priorities of individual consumption have become of greater importance for public relations. Consumption is being individualized as the consumption of meanings, and not just the functions of things and services. Prosumers are being emerged, joint and responsible consumer practices — sharing, recycling, etc. are being spread.

In the context of digitalization, the need for a person to create a “demand for himself” in order to be recognized / to be let into social relations (work, family, friendship, hobbies, etc.) is actualized.

A brand as a sociocultural phenomenon and its functions are undergoing significant changes under the influence of digitalization.

The purpose of the study is to identify and characterize the social functions of the brand in a situation of total digitalization.

Methods. The author uses general scientific methods — analysis, comparison, generalization, classification. Classification of the brand function is carried out on the basis of structural and functional analysis and a systematic approach.

Scientific novelty of the study. The article presents the specifics of functioning of the brand as a socio-cultural phenomenon of the consumer society in the context of digitalization. The author identifies and characterizes social functions of the brand in the digital space.

Results. Consumption in the digital space is characterized by the growing importance of not only the manufacturer’s activity, but also the cultural-creative practices of consumers that set trends in the digital and material market, determine and create Web 2.0 Internet content. Brands, due to their symbolic nature, have actualized their functions in the digital environment.

Conclusion. Brand research from the standpoint of social, humanitarian and philosophical sciences can reveal its humanistic potential for developing man and society in the digital age. The social functions of the brand in the digital space contribute to the self-development of a person and the evolution of social relations due to the focus on individuality and creativity.

Keywords:

digital space,
digitalization,
digital transformation,
brand,
brand features

Для цитирования: Дядык, Н. Г.
Смысложизненные ориентиры
студенческой молодежи цифрового поколения /
Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2022. —
№ 4 (94). — С. 26—35. —
DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-26-35. —
EDN BHKVRZ.

УДК 128

EDN BHKVRZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-26-35

СМЫСЛОЖИЗНЕННЫЕ ОРИЕНТИРЫ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ ЦИТРОВОГО ПОКОЛЕНИЯ¹

Дядык Наталья Геннадьевна,
Южно-Уральский государственный
гуманитарно-педагогический университет,
доцент кафедры философии,
кандидат философских наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: djadykng@cspu.ru

Аннотация

В статье рассматриваются результаты исследования ценностной сферы цифрового поколения. Автор ставит перед собой цель изучить смысложизненные ориентиры представителей цифрового поколения. В качестве базы исследования автор использует результаты опросов студентов двух челябинских гуманитарных вузов. В исследовании применяются общенаучные методы анализа и синтеза, эмпирические методы наблюдения и анкетирования.

В результате анализа данных, опроса и осмысления активности молодежи в социальных сообществах автор приходит к мысли, что в качестве основных ценностей цифрового поколения следует рассматривать материальную обеспеченность, свободу, самовыражение, любовь.

Смысложизненные ориентиры цифрового поколения в большей степени согласуются с ценностями философов-гедонистов (стремление к удовольствию) и стоиков (принятие жизненных обстоятельств). Научная новизна работы заключается в выявлении особенностей ценностной сферы цифрового поколения. В ценностном аспекте цифровое поколение отдает приоритет образованию, карьере, саморазвитию, путешествиям и получению удовольствий от жизни. Оно имеет ориентацию на индивидуализм, самопрезентацию в процессе виртуального общения. Значимым приемом самовыражения для цифрового поколения является вестиментарный способ раскрытия индивидуальности. У цифрового поколения наблюдается полная включенность в сетевую коммуникацию. Виртуальное общение дает возможность быстро обмениваться информацией, осваивать новые способы заработка посредством интернет-технологий, но может приводить к искажению информации, релятивизму в суждениях и социальной депривации.

Ключевые слова:

цифровое поколение,
миллениалы,
постмиллениалы,
вестиментарный код,
смысложизненные ориентиры,
ценности

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке ФГБОУ ВО «Шадринский государственный педагогический университет» по договору на выполнение научно-исследовательских работ от 15.06.2022 г. № 16-391 по теме «Смысложизненные ориентиры современной молодежи в цифровую эпоху: методология исследования».

Введение

Начиная с конца XX в. интенсивно развиваются новые медиатехнологии, которые оказывают большое влияние на человека, перенося его жизнь из реального пространства в цифровое, где он работает, общается, развлекается, знакомится и делает покупки. Становятся актуальными такие культурные концепты, как «цифровое бытие», «цифровое медиапространство», «информационное поведение». Данные концепты часто соотносят с жизнедеятельностью молодежи, которую называют цифровой. Цифровая молодежь состоит из двух поколений: миллениалов и постмиллениалов, которые включены в цифровой контекст и софт-культуру [7]. Софт-культура существенно влияет на смысложизненные ориентиры цифровой молодежи.

Целью данного исследования является изучение смысложизненных ориентиров цифрового поколения на примере студентов двух челябинских гуманитарных вузов. Гипотеза нашего исследования состоит в том, что включенность в цифровой контекст изменяет понимание смысла жизни и смысложизненных ориентиров молодежи. Обоснование данной гипотезы следует начать с рассмотрения возможностей, которые дает цифровое пространство.

Отметим, что объектом нашего исследования является студенческая молодежь цифрового поколения, поэтому далее в тексте под словами «цифровая молодежь» мы будем подразумевать именно студентов, относящихся к цифровому поколению.

Цифровое пространство, в котором мы живем, предоставляет возможность мгновенного распространения информации. Если в индустриальном обществе распространение информации создавало общие идеологические установки для граждан, то в постиндустриальном обществе существует широкий спектр объектов новых медиа, выбор которых создает у каждого пользователя ощущение своей уникальности и неповторимости как личности. Исследователь цифровой культуры Л. Манович отмечает, что технологии новых медиа являются наиболее полной реализацией утопии идеального общества, состоящего из уникальных индивидов. Объекты новых медиа гарантируют пользователям, что их выбор, а соответственно, и лежащие за ним мысли и желания, уникальны, а не заранее запрограммированы и распределены между всеми [6, с. 28]. Как следует из вышесказанного, одной из главных ценностей молодежи цифрового поколения является выражение

своей уникальности и индивидуальности. Молодежь не хочет быть безликой массой, поэтому каждый стремится выделиться из толпы посредством яркой и необычной одежды или создания привлекательного имиджа. Такой способ самовыражения мы будем называть вестиментарным способом.

В каждой культуре существует свой вестиментарный код. Данный код представляет собой систему знаков, выражающих посредством предметов гардероба и сообщающих представителю того или иного сообщества некую информацию о человеке — носителе определенного вида одежды [12, с. 71]. Вестиментарный код как способ самовыражения молодежи транслируется в реальном мире и в цифровом пространстве.

Особенно ярко данный способ самовыражения прослеживается в молодежных субкультурах. Приведем примеры использования вестиментарного способа самовыражения, обратившись к молодежной группе «Кружок» в социальной сети ВК. «Кружок» — сообщество дизайнеров, музыкантов, художников, относящиеся к андеграундной культуре и направленное на свободу самовыражения через внешний вид. Данное интернет-сообщество создает вещи, вдохновляясь культурными, историческими и социальными явлениями, которые осмысляются и переносятся на одежду. Наличие большого количества схожих сообществ в сети, которые ставят акцент на свободу самовыражения, говорит о том, что на смену анонимности, характерной для начала века, приходят индивидуальность, необычность, популярность самопрезентаций, фото- и видеосессий [8, с. 255].

Цифровое поколение проявляет индивидуальность не только через внешний вид, но через выбор стиля жизни. В Японии становится популярным образ жизни хикикомори. Молодежь превратила данное явление в модный тренд, который становится существенной проблемой японского общества. Хикикомори (буквально «находящийся в уединении») называют японскую молодежь, отказывающуюся от социальной жизни и зачастую стремящуюся к крайней степени социальной изоляции и уединения вследствие различных личных и социальных факторов. Общение с внешним миром хикикомори осуществляют преимущественно через интернет-пространство. Такие люди часто не имеют работы и живут на иждивении родственников. По данным отчета правительства Японии, в 2010 году в стране насчитывалось 700 000 индивидуумов, ведущих образ жизни хикикомори. Средний возраст «хикки»

составлял 31 год [14]. Молодые люди, ведущие схожий образ жизни с хикикомори есть и в других странах. Некоторые исследователи связывают этот феномен с возросшей популярностью японской молодежной культуры благодаря аниме и манга, героями которых часто становятся хикикомори.

Некоторые исследователи видят причину возникновения этого явления в проблеме развития. Так, Тамаки Саито отмечает, что еще в подростковом возрасте формируются многие психические расстройства, которые могут приводить к самоизоляции. Люди, страдающие депрессией, обсессивно-компульсивными расстройствами, даже шизофренией склонны к прекращению социальных контактов [15]. Хикикомори часто связывают с социофобией или японским синдромом «тайдзин кёфусё» (болезнь боязни межличностных отношений). Суть синдрома заключается в том, что человек испытывает страх оскорбить окружающих и потерять положительное расположение к себе.

Феномен хикикомори также иногда связывают с особенностями воспитания детей в Японии. В японской культуре к детям предъявляют достаточно высокие требования. Родители расписывают план жизни своих детей от рождения до появления у них собственной семьи. Семья оценивается по достижениям детей, поэтому считается, что в социальной неуспешности ребенка виноваты родители. Ребенок находится под их пристальным вниманием и контролем. Это приводит к тому, что человек, повзрослев, не может найти себя в жизни, поскольку не умеет самостоятельно решать проблемы и отстаивать свою позицию. У человека формируется инфантильное отношение к собственному существованию, он считает, что близкие люди по умолчанию обязаны разрешать его жизненные трудности. В японской культуре есть понятие, описывающее это явление, — «амаэ» [2, с. 33]. Оно означает эмоциональную зависимость между матерью и сыном. Человек, не прошедший процесс сепарации от родителей, будет всегда перекладывать собственную ответственность на других.

Некоторые исследователи считают, что стремление молодых людей не отвечать за свою жизнь отражает состояние новой эпохи. Желание не взрослеть характерно не только для хикикомори, но для молодежи в целом. Молодые люди стараются как можно дольше жить в родительском доме, чтобы оттянуть переход во взрослую жизнь. Именно поэтому социологи называют миллениалов «поколением Питера Пэна», а не-

самостоятельных постмиллениалов именуют «поколением снежинок».

Этапы исследования смыслоразнозначных ориентиров и ценностей цифрового поколения

Наше исследование состояло из четырех этапов. Первый этап был посвящен теоретическому изучению проблемы смыслоразнозначных ориентиров молодежи. На втором, третьем и четвертом этапах была проведена практическая часть исследования смыслоразнозначных ориентиров и ценностей представителей цифрового поколения. Исследование проводилось с помощью методов наблюдения и анкетирования.

На первом этапе были раскрыты некоторые аспекты проблемы смыслоразнозначных ориентиров российской молодежи. Исследования по проблеме смыслоразнозначных ориентиров молодежи проводились такими российскими учеными, как Е. Л. Омельченко [8; 9], С. Н. Бедовой [1], В. Л. Луковым [4], В. В. Радаевым [11], В. С. Магун [5], А. Н. Тесленко [13] и др. Из приведенных исследований нам представляются наиболее важными результаты работы Е. Л. Омельченко, которая называет цифровое поколение — поколением «адекватных» (Я+): «В нем соединяются самоуверенность и эгоизм, нежелание что-либо делать — и конкретные прагматичные цели» [8, с. 262]. Для молодежи данного поколения характерно «размытие монополии на символы и стиль одежды (субкультурный беспредел, расширение буферных зон между андеграундом и поп-соул), стремление к творчеству (эстетизация, театрализация повседневности), размытый патриотизм (от стихийного, обиженного — через прагматический, выгодный — до гордо-пафосного, а также лояльности к власти, граничащая со стёбом) и гражданская апатия» [8, с. 262]. При этом «молодежь поколения “адекватных Я+” явочным порядком отстаивает свое право на настоящее (правду, искренность, доверие) и удовольствие» [8, с. 262].

Представляют научный интерес результаты мониторингового исследования «Российский вуз глазами студентов». В ходе исследования В. А. Луков и Н. В. Захаров выявили, что материальная обеспеченность является наиболее предпочтительной ценностью в студенческой среде. Тем не менее материальные ценности не исчерпывают представления о «хорошей жизни». Молодежь придает большое значение семье, работе, здоровью, любви [4].

На втором этапе исследования нами был проведен опрос смысложизненных ориентиров студентов Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета (1—3-й курсы) и студентов-юристов первого курса Уральского филиала Российского государственного университета правосудия (г. Челябинск). В опросе приняли участие 150 студентов. Респонденты отвечали на вопрос, какая ценности в жизни является основной. В ходе опроса было выявлено, что в качестве смысложизненных ориентиров студенты рассматривают материальную обеспеченность (20 %), свободу (40 %), самовыражение (30 %), любовь (10 %). После выбора студентами в качестве одной из приоритетных ценностей материальной обеспеченности было решено узнать, как определяют ценность достатка представители цифрового поколения. Студентам было предложено закончить фразу: «ценность материального достатка в ...». Полученные ответы были классифицированы по трем группам: ценность материального достатка в свободе (45 %), в комфорте (30 %), в чувстве защищенности (25 %). По результатам исследования можно увидеть, что материальный достаток прежде всего дает представителям цифрового поколения ощущение свободы и чувство комфорта.

В ходе исследования было выявлено, что представители цифрового поколения имеют высокую потребность в самовыражении (30 %). Можно выделить несколько стратегий самовыражения: в согласии с существующей культурной традицией, в оппозиции и творчестве. Студентам было предложено выбрать свой основной способ самовыражения. По полученным результатам видно, что большинство респондентов предпочитает проявлять себя в творческой деятельности (77 %). Низкий процент студентов выбрали оппозиционную стратегию самовыражения (7 %), что свидетельствует о том, что молодежь уважительно относится к сложившимся в культуре стратегиям самопрезентации.

В ходе опроса нами было выявлено, что, самовыражаясь, молодежь в большей степени выбирает виртуальный локус (68 %). В качестве причин выбора виртуального локуса были выбраны следующие: масштаб аудитории (34 %), безопасность (27 %), техническая и финансовая доступность (39 %). Виртуальный локус самовыражения прежде всего ценится тем, что он технически и финансово доступен и позволяет сделать большой охват аудитории. Это видно на примере блоггерства, которое является не только способом самопрезентации, но также и позволяет обеспечивать материальный

достаток. Молодежь цифрового поколения ищет новые способы заработка в том числе и посредством медиатехнологий. Преобладающими способами самовыражения является креативный (43 %) и вестиментарный способ (32 %). Ключевой техникой самовыражения является использование фотографий и видение видеоблога (74 %). Результаты опроса представлены нами в таблице.

На третьем этапе исследования нами было проведено занятие по теме «Смысложизненные ориентации античных философов» в рамках изучения курса «Философия». В контексте данной темы разбиралась проблема смысла жизни и ценностей в таких философских учениях, как гедонизм, стоицизм, кинизм и скептицизм. Обращение к работам античных философов не случайно, дело в том, что их идеи находят развитие в современном мире. Так, в ходе беседы студенты отметили, что для гедонистов смыслом жизни является получение удовольствия, что соответствует ценностям общества потребления, в котором живую современные люди. То, что удовольствие является важной ценностью для современного поколения, проявляется в интернет-пространстве. Ценность наслаждения демонстрирует 90 % контента в социальных сетях.

Стоицизм видит смысл жизни в способности держать удары судьбы. Счастье стоика не зависит от жизненных ситуаций, он умеет быть внутренне счастливым при любых обстоятельствах. Стоик готов ко всему, поскольку не знает, куда повернет колесо судьбы. Стоицизм развивался в условиях крайней социальной нестабильности. Стоик, живя в условиях неопределенности, учился принимать непредсказуемость судьбы и находить в этом успокоение. Современная молодежь тоже живет в нестабильном и турбулентном мире, поэтому стоический принцип принятия неопределенности судьбы может стать действенным способом сохранения душевного спокойствия [10].

Смысл жизни в кинизме состоит в проповеди духовной свободы. Киники презирают материальные блага, нормы морали и удовольствия, поскольку они делают человека несвободным. В ходе обсуждения философии кинизма студенты пришли к выводу, что в современном мире трудно в полной мере практиковать кинизм и при этом оставаться социальным человеком. Однако можно практиковать умеренные формы кинизма. Суть данной практики заключается в снижении уровня потребления. Примером кинического стиля мышления может быть

**Смысложизненные ориентиры студентов ФГБОУ ВО «ЮУрГГПУ»
и УФ ФГБОУ ВО «РГУП»**

Показатель	Характеристика	Количество студентов (в процентах)
Ценность	материальная обеспеченность	20
	Свобода	40
	Самовыражение	30
	Любовь	10
Ценность материального достатка	в свободе	45
	в комфорте	30
	в защищенности	25
Самовыражение	в культурной традиции (согласие с существующим)	16
	в оппозиции (неприятие существующего)	7
	в творчестве (создание новых условий существования)	77
Локус самовыражения	Реальный	32
	Виртуальный	68
Причины выбора виртуального локуса	масштаб аудитории	34
	Безопасность	27
	техническая и финансовая доступность	39
Способы самовыражения	Вестиментарный	32
	предметно-атрибутивный	13
	Вербальный	12
	креативный (в актах и результатах творчества)	43
Техники самовыражения	визуальная (фотография, видеоблог)	74
	вербальная (лонгрид)	26

минимализм как образ жизни современного человека [3].

Скептики — философы, которые считали правильным все подвергать сомнению и воздерживаться от категорических суждений. Они выражали свое сомнение относительно конечного смысла жизни. Применение принципа скептицизма в современном мире дает возможность проявлять гибкость в выборе ценностей, это позволяет не стать рабом предубеждений относительно существования единственного смысла и предназначения. Кроме того, применение принципа сомнения полезно в работе с информацией. Студенты отметили, что интернет-пространство перенасыщено недостоверной информацией. Умение занять позицию скептика и критически взглянуть на получаемую информацию является для современного человека очень полезным навыком.

После обсуждения философских учений было проведен опрос. Студентов попросили описать, какое из указанных учений им ближе по взглядам и объяснить почему. В опросе принимали участие студенты

1-го курса Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета в количестве 50 человек.

Были получены следующие результаты:

1. 18 респондентов выбрали ценности и принципы гедонизма в качестве своего смысложизненного ориентира. Гедонизм оказался привлекательным для студентов, поскольку он учит жить в настоящем. Студенты отметили, что человеческая жизнь полна тревог, лишений, страданий, важно научиться видеть ее положительные стороны и получать удовольствие от различных материальных и духовных благ. Этому как раз учит философия гедонизма.

2. 20 респондентов выбрали ценности и принципы стоицизма в качестве своего смысложизненного ориентира. Идеи стоиков применимы к современной реальности так, как в современном мире очень много проблем политического, экономического, социального характера, решение которых не зависит от простого человека. В связи с этим человеку не помешает научиться сохранять душевный покой, чтобы стойко пере-

носить все трудности жизни. Стоицизм учит опираться на собственный разум, контролировать страсти, считая, что путь к добродетельной жизни лежит через правильное мышление, освобождение от страстей и принятие своей судьбы.

3. 6 человек выбрали ценности кинизма в качестве своего смысложизненного ориентира. Студенты отметили, что для счастливого и здорового образа жизни полезно умерять свои потребности. Однако они отметили, что довольно сложно ограничиваться минимальным набором вещей, хотя это дает свободу и способствует духовному развитию. Во взглядах философов-киников студентов прежде всего привлек нонконформизм.

4. 6 респондентов выбрали принципы и ценности скептицизма в качестве своего смысложизненного ориентира. Принцип «все подвергай сомнению» и прежде всего информацию, транслируемую социальными сетями, импонирует студентам. Три правила скептицизма: анализировать, думать, не бояться своего воображения — подходят для современной реальности и информационного пространства, перенасыщенного всевозможными «гуру», прорицателями, коучами, просветленными, психологами. В этом отношении правила скептицизма освобождают разум от догматизма, способствуют развитию самостоятельного мышления, помогают глубже погружаться в любую изучаемую проблему.

Четвертый этап исследования был связан с анализом смысложизненных ориентиров цифрового поколения на примере социальных сообществ, которые выбирают студенты. В опросе участвовали студенты 1-го курса Уральского филиала Российского государственного университета правосудия. Респондентам предлагалось поделиться примерами любимых социальных сообществ «В Контакте», в которых они состоят и активно посещают. Затем студенты самостоятельно провели анализ смысложизненных ориентиров предложенных интернет-сообществ.

На первом месте по популярности оказались новостные сообщества, например, такое сообщество «Рифмы и панчи» (4 млн 889 тыс.). Данное сообщество позиционирует себя как новостной ресурс обо всем, что сейчас обсуждает молодежь: от музыки и мемов до твича, тик-тока, политики и спорта. На примере данного сообщества можно отметить такую тенденцию, что в сетевом пространстве все шире распространяются практики искренности, доверия и поддержки, гражданского участия,

протестных и альтернативных рейтингов. Блогосфера, твиттер-коммуникации превращаются в мощные и оперативные каналы информации, опережая официальные СМИ не только по скорости, но и по качеству и достоверности информации.

На втором месте музыкальное сообщество Hajime records (1,1 млн), которое демонстрируют такие ценности, как креативность, самовыражение посредством творческих актов и музыки.

На третьем месте сообщества, посвященные компьютерным играм, косплею и аниме («MyGames» — 436,2 тыс.; «Философия аниме» — 1 тыс.; «Косплей»). Косплей (от англ. *costume play* — «костюмированная игра») — молодежное увлечение, заключающееся в перевоплощении в различных роли персонажей компьютерных игр, аниме и манги, а также кинематографа и литературы. Как правило, это увлечение включает в себя изготовление костюма и элементов атрибутики выбранного персонажа, что соответствует вестименарному способу самовыражения молодежи цифрового поколения. Косплей имеет некоторую связь с ролевым движением, но отличие состоит в том, что косплей не предполагает развития сюжета и характера персонажа, а концентрируется на характерных особенностях, описанных в источнике. Увлеченность молодежи компьютерными играми, аниме и косплеем свидетельствует о том, что молодежь стремится создать свой особый мир ценностей, обрести осмысленный и значимый досуг, найти единомышленников. Смысл жизни она видит в свободе самовыражения, творчестве. Безусловно, данное направление имеет отношение к смеховой культуре, о которой писал М. Бахтин. Косплей подобен карнавалу, где можно все, можно то, чего нельзя в реальной жизни. Молодежь свободна и креативна в цифровом мире.

На четвертом месте — книжные сообщества такие, как «Литературные герои» (256 тыс.) и «Книги и кофе» (41 тыс.). Они популярны среди молодежи и удовлетворяют потребность молодежи в интеллектуальном труде и саморазвитии.

На пятом месте расположились группы по психологии. Например, группа «Психология» (224,4 тыс.), «To be better» (179,5 тыс.), «Тыжпсихолог» (126,6 тыс.). Данные сообщества показывают, что для молодежи представляют большую ценность саморазвитие и сохранение своего душевного, физического здоровья. Также цифровая молодежь стремится к построению счастливых отношений и самореализации.

На шестом месте у студентов находятся сообщества, которые направлены на построение отношений: «Твоей прекрасной юности моменты» (2,9 млн), «Луч» (135 тыс.). Смысл-жизненными ориентирами участников этих сообществ является любовь и дружба. Представители данных сообществ стремятся выразить свои чувства, в основном визуальным способом, также ценности сообщества транслируются через слоганы: «Выражай чувства, жизнь коротка, а мы не умеем читать мысли»; «Давай гулять допоздна этим летом»; «Ты идешь домой, вот-вот закончится учебный год, и наступят три месяца лета, где у тебя нет никаких проблем»; «Чтобы жизнь, о которой вы мечтаете, поскорее наступила, начинай ей жить прямо сейчас».

На седьмом месте находятся сообщества, связанные со здоровым образом жизни. Например, группа «Спорт — это жизнь» (52 тыс.). Группа создана для помощи людям, которые не относятся с равнодушием к своему внешнему виду и продолжительности жизни. Это сообщество для тех, кто поставил приоритетом здоровый образ жизни, отказался от пагубных привычек. Контент группы — это преимущественно демонстрация красивого прокачанного тела, советы по питанию и тренировкам. На примере данной группы и ей аналогичных можно сделать вывод, что для молодежи имеют ценность здоровый образ жизни и красивое тело.

Анализ цифровых сообществ показал, что спектр увлечений современной студенческой молодежи довольно широк. Она интересуется новостями социальной и политической жизни, музыкой, компьютерными играми, аниме, спортом, психологией, литературой. Представленные сообщества отражают широкий спектр ценностей, характерных для цифрового поколения. Молодежь стремится проявлять креативность в интеллектуальной, творческой деятельности, в визуальных способах самовыражения. Большое значение для цифрового поколения представляют отношения, душевное и физическое здоровье. Следует отметить, что во всех социальных сообществах акцент ставится не только на создании содержательного контента, но и на общении. В коммуникации прослеживается тенденция к репрезентативному характеру жизнедеятельности современного человека. В этих сообществах люди стремятся выразить оригинальное мнение или показать свою уникальность через знаки престижа и символы социального почета.

Заключение

Резюмируя эмпирические и теоретические данные, полученные нами в ходе исследования, мы можем сделать следующие выводы о смысл-жизненных ориентирах цифрового поколения. Студенческая молодежь цифрового поколения в большей степени ориентирована на свободу и проявление индивидуальности, которое осуществляется по вестиментарному типу. Молодежь выбирает преимущественно виртуальный локус самовыражения в силу его доступности и безопасности.

Немаловажной особенностью цифрового поколения является полная включенность в сетевую коммуникацию. Сетевая коммуникация прежде всего удовлетворяет потребность самовыражения. Спецификой общения цифрового поколения становится акцент на эмоциональной, чувственной стороне взаимодействия. Ожидание обратной связи, сформированной в онлайн-пространстве и закрепленной в опыте, оказывается определяющим для выстраивания отношений и самовосприятия. Представители цифрового поколения, общаясь, хотя и получают положительную оценку. Частное и публичное для представителей цифрового поколения пересекаются и проникают друг в друга: самопрезентации в социальных сетях становятся обязательным дополнением имиджа. Реакция, ответ на задаваемый вопрос, получение оценки в разных формах («лайки», комментарии) — важный компонент выстраивания идентичности. Сетевая включенность непосредственно влияет на выбор каналов коммуникации и на уровень информированности молодежи.

Важной составляющей жизни цифрового поколения является достижение материального благополучия и комфорта. Представителям цифрового поколения больше всего импонируют принципы и ценности гедонизма и стоицизма. Гедонизм проявляется не только в стремлении к удовольствию, нацеленности на получение материальных ценностей, но и в желании извлечь себя от забот и проблем, поэтому представители цифрового поколения откладывают переход во взрослую жизнь. Создание семьи и рождение детей они оставляют на потом, отдавая приоритет образованию и карьере, саморазвитию, путешествиям, развлечениям. Стремление к свободе и нестабильность в социальной и экономической жизни делает для них привлекательной стратегией «принятия» стоиков. Однако следует разоб- раться, не является ли это способом игно-

рирования существующих проблем, ухода от их решения из-за инфантилизма и безответственного отношения к жизни.

1. Бедова, Н. С. Некоторые аспекты культуры XXI: молодежь как субъект деятельности / Н. С. Бедова. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kultury-xxi-veka-molodezh-kak-subekt-deyatelnosti> (дата обращения: 30.06.2022).

2. Войскунский, А. Е. Эпидемия одиночества в цифровом обществе: хикикомори как культурно-психологический феномен / А. Е. Войскунский, Г. У. Солдатова // Консультативная психология и психотерапия. — 2019. — Т. 27, № 3. — С. 22—43.

3. Дядык, Н. Г. Минимализм как форма философии повседневности / Н. Г. Дядык // Социум и власть. — 2019. — № 2 (79). — С. 106—118.

4. Луков, В. А. Ценностные ориентации российской молодежи в свете теории ценностей / В. А. Луков, В. А. Луков, Н. В. Захаров // Вестник Оренбургского государственного университета. — 2011. — № 2 (121). — С. 19—26.

5. Магун, В. С. Межпоколенная динамика жизненных притязаний молодежи и стратегий их ресурсного обеспечения: 1985—2001 гг. / В. С. Магун, М. В. Энгватов // Отцы и дети: поколенческий анализ современной России. — М.: Новое литературное обозрение, 2005. — С. 261—327.

6. Манович, Л. Instagram — это окно в мысли и воображение людей / Л. Манович. — URL: <https://strelka.com/ru/magazine/2015/06/03/interview-lev-manovich> (дата обращения: 30.06.2022).

7. Манович, Л. Теории софт-культуры / Л. Манович. — Н. Новгород: Красная ласточка, 2017. — 203 с.

8. Омельченко, Е. Л. От сытых нулевых — к молчаливым десяткам. Поколенческие уроки российской молодежи начала XXI в. / Е. Л. Омельченко // Социологический ежегодник. — 2011. — № 1. — С. 243—263.

9. Омельченко, Е. Л. Уникален ли российский случай трансформации молодежных культурных практик? / Е. Л. Омельченко // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. — 2019. — № 1. — С. 3—27.

10. Пильюччи, М. Как быть стойким: античная философия и современная жизнь / М. Пильюччи. — М.: Альпина нон-фикшн, 2018. — 279 с.

11. Радаев, В. В. Миллениалы на фоне предшествующих поколений: эмпирический анализ / В. В. Радаев // Социологические исследования. — 2018. — № 3. — С. 15—33.

12. Терехова, М. В. Знаково-символическая природа костюма как основание вестиментарных кодов в культуре / М. В. Терехова // Человек. Культура. Образование. — 2016. — № 4 (22). — С. 71—82.

13. Тесленко, А. Н. Молодежная культура как альтернативная модель социализации / А. Н. Тесленко // Вестник Костромского государственного университета. Серия: Педагогика. Психология. Социокинетика. — 2015. — Т. 21, № 2. — С. 241—248.

14. Hoffman, M. Nonprofits in Japan help 'shut-ins' get out into the open / M. Hoffman. — URL: <https://www.japantimes.co.jp/news/2011/10/09/national/media-national/nonprofits-in-japan-help-shut-ins-get-out-into-the-open/> (дата обращения: 30.06.2022).

15. Saito, T. Hikikomori: Adolescence Without End / T. Saito. — Minneapolis: University of Minnesota Press, 2013. — 216 p.

References

1. Bedova N. S. Nekotorye aspekty kul'tury HKHI: molodezh' kak sub'ekt deyatelnosti [Some aspects of XXI culture: youth as a subject of activity.], available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-aspekty-kultury-xxi-veka-molodezh-kak-subekt-deyatelnosti> (accessed 30.06.2022) [in Rus].

2. Vojskunsij A.E., Soldatova G. U. (2019) Epidemiya odinochestva v cifrovom obshchestve: hikikomori kak kul'turno-psihologicheskij fenomen [An epidemic of loneliness in a digital society: hikikomori as a cultural and psychological phenomenon]. *Konsultativnaya psihologiya i psihoterapiya*, vol. 27, no 3, pp. 22-43 [in Rus].

3. Dyadyk N.G. (2019) Minimalizm kak forma filosofii povsednevnosti [Minimalism as a form of everyday philosophy]. *Socium i vlast'* [Society and power], no. 2 (79), pp. 106-118 [in Rus].

4. Lukov V.A., Lukov V.A., Zaharov N.V. (2011) Cennostnye orientacii rossijskoj molodezhi v svete teorii cennostej [Value orientations of Russian youth in the light of the theory of values] *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 2 (121), pp. 19-26 [in Rus].

5. Magun V.S., Engovatov M. V. (2005) Mezhpokolennaya dinamika zhiznennyh prityazanij molodezhi i strategij ih resursnogo obespecheniya: 1985-2001 gg. [Intergenerational dynamics of youth life aspirations and strategies for their resource provision: 1985-2001.] *Otcy i deti: Pokolencheskij analiz sovremennoj Ros-*

sii, Moscow, *Novoe literaturnoe obozrenie*, pp. 261-327 [in Rus].

6. Manovich L. (2015) Instagram — eto okno v mysl i voobrazhenie lyudej [Instagram is a window into people's thoughts and imaginations.], available at: <https://strelka.com/ru/magazine/2015/06/03/interview-lev-manovich> (accessed 30.06.2022) [in Rus].

7. Manovich L. (2017) *Teorii soft-kul'tury* [Theories of soft culture.]. Nizhnij Novgorod, *Krasnaya lastochka*, 203 p. [in Rus]

8. Omel'chenko E.L. (2011) Ot sytyh nulevyh — k molchalivym desyatym. Pokolencheskie uroki rossijskoj molodezhi nachala XXI v. [From well-fed zero to silent tenths. Generational lessons of Russian youth at the beginning of the 21st century]. *Sociologicheskij ezhegodnik*, no. 2011, pp. 243-263 [in Rus].

9. Omel'chenko E. L. (2019) Unikalen li rossijskij sluchaj transformacii molodezhnyh kul'turnyh praktik? [Is the Russian case of transformation of youth cultural practices unique?]. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i social'nye peremeny*, no 1, pp. 3-27 [in Rus].

10. Pil'yuchchi M. (2018) *Kak byt' stoikom: Antichnaya filosofiya i sovremennaya zhizn'* [How to be a Stoic: Ancient Philosophy and Modern Life.]. Moscow, Al'pina non-fikshn, 279 p. [in Rus]

11. Radaev V. V. (2018) *Millenialy na fone predshestvuyushchih pokolenij: empiricheskij analiz* [Millennials Against the Background of Previous Generations: An Empirical Analysis]. *Sociologicheskie issledovaniya*, no. 3. pp. 15-33 [in Rus].

12. Terekhova M.V. (2016) *Znakovo-simvolicheskaya priroda kostyuma kak osnovanie vestimentarnyh kodov v kul'ture* [The sign-symbolic nature of the costume as the basis of vestimentary codes in culture], *Chelovek. Kul'tura. Obrazovanie*, no. 4 (22), pp. 71-82 [in Rus].

13. Teslenko A. N. (2015) *Molodezhnaya kul'tura kak al'ternativnaya model' socializacii* [Youth culture as an alternative model of socialization], *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika. Psihologiya. Sociokinetika*. no 2, vol. 21, pp. 241-248 [in Rus].

14. Hoffman M. (2011) *Nonprofits in Japan help 'shut-ins' get out into the open*, available at: <https://www.japantimes.co.jp/news/2011/10/09/national/media-national/nonprofits-in-japan-help-shut-ins-get-out-into-the-open/> (accessed 30.06.2022) [in Eng].

15. Saito T. (2013) *Hikikomori: Adolescence Without End*. Minneapolis, University of Minnesota Press, 216 p. [in Eng].

Статья поступила в редакцию 26.07.2022

For citing: Dyadyk N.G. Meaningful life guidelines for college kids of the digital generation / N.G. Dyadyk // *Socium i vlast' [Society and Power]*. — 2022. — № 4 (94). — P. 26—35. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-26-35. — EDN BHKVRZ.

UDC 128

EDN BHKVRZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-26-35

MEANINGFUL LIFE GUIDELINES FOR COLLEGE KIDS OF THE DIGITAL GENERATION

Natalya G. Dyadyk,

South Ural State
Humanitarian Pedagogical University,
Associate Professor at the Department
of Philosophy and Cultural Studies,
Cand. Sc. (Philosophy).
Chelyabinsk, Russia
E-mail: djadykng@cspu.ru

Abstract

The article discusses the results of studying the value sphere of the digital generation. The author sets herself the goal of studying the meaningful life guidelines of the digital generation representatives. The author uses the results of students' surveys of two Chelyabinsk universities for the humanities as a basis for the research. The author uses general scientific methods of analysis and synthesis, empirical methods of observation and questioning.

As a result of analyzing the survey data and understanding the activity of young people in social communities, the author comes to the conclusion that material security, freedom, self-expression, and love should be considered as the main values of the digital generation. The meaning-of-life guidelines of the digital generation are more consistent with the values of hedonist philosophers (pursuit of pleasure) and stoics (acceptance of life circumstances).

The scientific novelty of the work lies in identifying the features of the value sphere of the digital generation. In the value aspect, the digital generation prioritizes education, career, self-development, travel and enjoyment of life. It has a focus on individualism, self-presentation in the process of virtual communication. A significant method of self-expression for the digital generation is the vestimentary way of revealing individuality. The digital generation is fully immersed in network communication. Virtual communication makes it possible to quickly exchange information, learn new ways to earn money through Internet technologies, but can lead to distortion of information, relativism in judgments and social deprivation.

Keywords:

digital generation,
millennials,
postmillennials,
vestimentary code,
meaningful life guidelines
values

Для цитирования: Градинарова, А. А. Особенности аллокации публичных финансов для особых территорий (на примере Донецкой Народной Республики) / А. А. Градинарова // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 36—47. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-36-47. — EDN PEOQZS.

УДК 336.5

EDN PEOQZS

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-36-47

ОСОБЕННОСТИ АЛЛОКАЦИИ ПУБЛИЧНЫХ ФИНАНСОВ ДЛЯ ОСОБЫХ ТЕРРИТОРИЙ (на примере Донецкой Народной Республики)

Градинарова Арина Александровна,
Донецкий национальный университет экономики и торговли имени Михаила Туган-Барановского, докторант, доцент кафедры туризма, кандидат экономических наук, доцент.
Донецк, Донецкая Народная Республика.
ORCID: 0000-0003-1632-5283
E-mail: 555arina@mail.ru

Аннотация

Введение. Актуальность тематики исследования определяется необходимостью изучения финансовых явлений и процессов для понимания экономической сущности публичных финансов в жизни общества. Стратегическим императивом формирования публичных финансов является разработка соответствующего обеспечения его реализации, адекватного сложным и переменчивым обстоятельствам развития территории.
Цель. Основная цель исследования заключается в выявлении особенностей реализации функций публичных финансов для регионов с особым режимом функционирования.

Методы. При решении поставленных задач использовались общелогические методы анализа: анализ, синтез, индукция, дедукция, аналогия; методы эмпирического уровня: наблюдение, описание, измерение, моделирование, а также частные и специальные методы научного исследования: сравнительного анализа, системного подхода, модель «робинзоады» (Crusoe model).

Научная новизна исследования. Научная новизна полученных результатов заключается в решении важной научной проблемы — выявлении особенностей реализации аллокационной функции публичных финансов в регионах с особым режимом функционирования (на примере Донецкой Народной Республики, где особая военная и политическая ситуация, мобилизационный тип экономики, переходный период в связи с встраиванием Республики в систему федеративных отношений РФ) с целью совершенствования системы управления публичными финансами подобных регионов.

Результаты. Основные результаты исследования состоят в характеристике процесса реализации аллокационной функции публичных финансов, позволяющего определить максимальный эффект экономических действий субъектов в сложившихся условиях, а также заложить основы для анализа следующей распределительной функции публичных финансов.

Выводы. Установлено, что в условиях усиления роли публичных финансов не только в обеспечении экономического развития Донецкой Народной Республики, но и в посткризисном восстановлении и стабилизации деловой активности важное значение приобретает реализация аллокационной функции публичных финансов.

Ключевые слова:

публичные финансы, функции публичных финансов, аллокационная функция, модель «робинзоады»

Введение

Трансформационные преобразования социально-экономической системы Донецкой Народной Республики обуславливают необходимость учета глобальных и национальных трендов общественного развития. К приоритетам экономического развития Республики относятся: преодоление бедности, улучшение благосостояния населения, снижение уровня безработицы, повышение качества образования и здравоохранения и т. д. Реализация этих задач в значительной степени зависит от состояния публичных финансов, являющегося маркером эффективности функционирующей системы управления. При этом аллокационная функция публичных финансов является основной, так как государство аккумулирует денежные средства в публичные фонды для того, чтобы впоследствии их распределить согласно общественным потребностям, что актуализирует реализацию аллокационной функции публичных финансов в социально-экономических условиях ДНР.

Важность исследований по проблеме публичных финансов обоснована в исследованиях зарубежных авторов D. Brümmerhoff, T. Büttner, J.W. Gruber, S.V. Kamin [15; 16], а также в работах отечественных ученых Н. С. Крыловой, И. А. Поветкиной; Е. В. Рябовой, А. Ю. Чаловой [7; 11—13].

Поскольку, несмотря на значительный научный и практический интерес к публичным финансам, до сих пор не сформировано их понятие, предлагаем в рамках настоящего исследования рассмотреть их в качестве отношений социально-экономического характера, которые проявляются при формировании, распределении или перераспределении части публичных финансовых средств конкретной территории (в том числе бюджетов Пенсионного фонда, Фонда социального страхования на случай временной нетрудоспособности и др.) и удовлетворяют различные формы публичного интереса субъектов экономической деятельности [2, с. 5—18].

Методы и материалы

Сущность экономической категории публичных финансов проявляется в их функциях. Путем реализации функций осуществляется объединение абстрактной сущности категории с практическими формами ее реализации. На протяжении истории развития финансовой науки обозначились две научные школы относительно функций публичных финансов.

Традиционная школа — ее придерживается ряд отечественных и зарубежных ученых [6, с. 199—210; 10, с. 76—85; 17], которые считают, что у публичных финансов, по аналогии с государственными, выделяется три функции: распределительная, контрольная и регулирующая.

Большинство ученых-исследователей данной проблематики также дополняют основные функции. Так, по мнению Е. В. Ваймер [3, с. 7—11], назначение публичных финансов проявляется в распределительной, контрольной, регулирующей, информационной и стабилизирующей функции публичных финансов. По мнению Г. Р. Гафаровой [4, с. 305—307], экономическая и правовая суть публичных финансов отражается в тех функциях, которые они выполняют для успешного функционирования и развития всей финансовой системы государства и отдельных ее звеньев, среди которых в настоящее время, особое значение приобретает информационная.

Основателем взглядов современной научной школы следует считать Р. Масгрейва. Американский экономист разделяет следующие функции публичных финансов: аллокационную, дистрибутивную и стабилизирующую [8]. Также, он акцентирует внимание на том, что первая из указанных функций проявляется в процессе удовлетворения общественных потребностей (называемых общественными благами) с помощью государственных средств. Частный бизнес аспири не может обеспечить подобные общественные услуги (оборона, соцпомощь и т. д.) либо может предоставить по необоснованно завышенным ценам. Структура государственного бюджета в основном направлена на оказание подобных услуг, а проявляющееся при этом движение денежных средств характеризует понятие «аллокация» (перераспределение ресурсов).

Нобелевский лауреат, специалист по государственному сектору экономики Джеймс Бьюкенен [18] так характеризовал учебник «Public Finance in Theory and Practice»: «эта книга... должна быть обязательной для всех заинтересованных исследователей, изучающих публичные финансы, и она должна оставаться стандартным источником для аспирантских и других продвинутых исследований на многие годы вперед».

Относительно позиции отечественных ученых, следует отметить, что понимание природы публичных финансов как одного из основных факторов общественной экономики раскрыто в работах Л. И. Якобсона, Б. И. Алехина, Г. Б. Клейнера [1; 5; 14] и

др. Так, первая глава учебника профессора Б. И. Алехина [1] посвящена триединой модели общественного сектора, представленной в монументальной работе Масгрейва «The Theory of Public Finance. A Study in Public Economy», автор также применяет ее для согласования бюджетной политики и функций налогов.

Основатель российской финансовой школы по проблемам общественного сектора Л.И. Якобсон [14, с. 45] отмечает, что публичные финансы предназначены для осуществления отдельных функций: аллокационной, распределительной (дистрибутивной) и стабилизирующей. Первая заключается в регулировании аллокации финансовых ресурсов, повышении уровня эффективности их перераспределения.

Другой Нобелевский лауреат в области экономики Джозеф Юджин Стіглиц согласен с существованием аллокационной функции публичных финансов «то что экономика эффективна по Парето, ничего не говорит о распределении публичных финансов; конкурентные рынки могут привести к неравному распределению, в результате чего некоторые люди могут остаться без достаточных средств к существованию [19, с. 295—301].

Таким образом, можно сделать вывод, что аллокационная функция публичных финансов состоит в перераспределении финансовых средств, при этом могут видоизменяться характер и объемы денежных потоков, обусловленные рыночными условиями, размерами налоговых отчислений, социальных выплат, госдолга и средств, которые его покрывают.

Что касается попыток исследования закономерностей аллокации публичных финансов на абстрактной модели, то здесь, в первую очередь, необходимо отметить появившееся в XVIII веке направление теоретической мысли, которое в дальнейшем получило название «робинзонада». Модель была разработана маржиналистами лозаннской школы (математической школы) Л. Вальрасом и В. Парето совместно с представителями английской школы У. Дживонсом и Ф. Эджвортом, которые инициировали внедрение математических методов в экономику [20, с. 425—440].

Модель робинзонады не является в экономической науке чем-то новым. Попытки ее применения в различных областях экономики и финансов успешно осуществили такие зарубежные ученые, как Хэл Р. Варриан, лауреат Нобелевской премии Д. Макфадден, Дж. Мирон и др. [21—23], а также известный русский экономист А. Д. Некипелов [9]

в монографии «Основание и функционирование экономических институтов: от Робинзона Крузо к рыночной экономике, основанной на индивидуальном производстве».

Модель экономики Робинзона Крузо можно рассмотреть в условиях социально-экономического развития ДНР, поскольку последняя также характеризуется рядом экономических ограничений.

Курс экономической изоляции по отношению к Донбассу сформировался еще в 2014 г., после указа украинского правительства прекратилось оказание любой социальной помощи и банковское обслуживание счетов населения. В 2017 г. в ДНР закрепили внешнее управление на предприятиях украинской собственности и сконцентрировали поставки на российский рынок сбыта, после чего Украина окончательно прервала транспортное сообщение с республиками¹.

15 ноября 2021 года Президент России Владимир Путин подписал Указ², согласно которому товары из непризнанных Донецкой и Луганской народных республик допускаются к участию в госзакупках наравне с российскими товарами, количественные ограничения по экспорту и импорту снимаются, это упрощает те сложнейшие схемы, по которым были вынуждены работать производители из ДНР и ЛНР, поставляя свою продукцию в РФ. 21 февраля 2022 года вступил в силу Указ Президента Российской Федерации «О признании Донецкой Народной Республики»³. 30 сентября текущего года В. В. Путин подписал указ о присоединении Донецкой Народной Республики к РФ⁴, этому событию предшествовал референдум, по

¹ Глава ДНР заявил об ожидаемом росте торгового оборота с Россией // ТАСС, Симферополь. 18.01.2022. URL: <https://tass.ru/ekonomika/13458047> (дата обращения: 22.08.2022).

² Об оказании гуманитарной поддержки населению отдельных районов Донецкой и Луганской областей Украины : Указ Президента Российской Федерации № 657 от 15.11.2021. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 22.08.2022).

³ О признании Донецкой Народной Республики : Указ Президента Российской Федерации от 21.02.2022 № 71 // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://ips.pravo.gov.ru:8080/default.aspx?pn=0001202202220002> (дата обращения: 23.08.2022).

⁴ О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта — Донецкой Народной Республики : Федеральный конституционный закон от 04.10.2022 № 5-ФКЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: publication.pravo.gov.ru/Document/Viaw/0001202210050005?ysclid=laasjuhwu296038804 (дата обращения: 10.11.2022).

результатам которого за присоединение к России проголосовали 99,23 %. Таким образом, по состоянию на сегодняшний день в Республике действует переходный период, необходимый для перенастройки действующей системы управления публичными финансами в соответствии с нормами российского законодательства.

Важно отметить, что период экономической, политической и военной нестабильности в ДНР (2014—2022 гг.) в части публичных финансов, является экстраординарным, поэтому вписывается в модель «робинзонады» только по формальным и абстрактным признакам. В рамках исследования указанной модели ограничим перераспределение публичных финансов в рамках конкретной экономической системы для того чтобы, абстрагировавшись от внешних факторов, рассмотреть движущие силы. Такой анализ позволит глубже понять механизм реализации аллокационной функции публичных финансов в условиях переходного этапа развития системы публичных финансов в ДНР.

Результаты

В рамках настоящего исследования предположим, что валовый внутренний продукт ДНР является результатом производственного процесса, то есть производство в Республике зависит от уровня технологии z и объема производства. Первым этапом в этом направлении должна стать оценка имеющегося объема публичных финансов в виде доходов, которые аккумулируются органами публичной власти Донецкой Народной Республики. Для простоты использования предположим, что будущая производительность точно известна, а также абстрагируемся от решений, касающихся найма рабочей силы.

$$Q_t = z_t F(K_t), \text{ при этом } F_K > 0 \text{ и } F_{KK} < 0. \quad (1)$$

Предложенная модель определяет производственную функцию $y_t = f(l_t)$, которая характеризует взаимосвязь производства и количество рабочей силы; производство в период t зависит только от объема рабочей силы в период t .

f — непрерывная функция, дифференцируемая; предельный продукт труда (PML) соответствует увеличению выпускаемого объема продукции, разделенного на переменный ресурс, например, использование новой рабочей силы или нового оборудования.

$$\frac{dy_t}{dl_t} = f'(l_t) > 0 \text{ в случае, когда предельный}$$

продукт труда положительный;

либо $\frac{d^2y_t}{dl_t^2} = f''(l_t) < 0$ — когда он отрицательный.

Построим график производственной функции в этом случае:

Как видно из рис. 1, невозможно получить в бюджете финансовые средства выше $f(l)$, однако можно получить любой размер публичных финансов ниже $f(l)$. Например,

$$f(l) = l^\alpha \quad 0 < \alpha < 1, \quad (2)$$

тогда $\frac{df(l)}{dl} = f'(l) = \alpha l^{\alpha-1} > 0$ в случае, когда предельный продукт труда положительный;

либо $\frac{d^2f(l)}{dl^2} = \alpha(\alpha - 1)l^{\alpha-2} < 0$ — когда он отрицательный.

Рассмотрим ситуацию параллельного смещения производственной функции в этом случае (b — прирост объема публичных финансов в текущем периоде).

Как видно из рис. 2 наклон производственной функции остается неизменным, предельный продукт труда тоже не изменится.

Производственная функция параллельно смещается на $y = f(l) + b = l^\alpha + b$ $0 < \alpha < 1$, но размер (PML) предельного продукта труда функции $f(l)$ и функции $f(l) + b$ одинаковый.

$\frac{dy}{dl} = f'(l) = \alpha l^{\alpha-1} > 0$ при PML — положительный,

$\frac{d^2y}{dl^2} = \alpha(\alpha - 1)l^{\alpha-2} < 0$ при PML — отрицательный.

Рассмотрим пропорциональное смещение производственной функции на основе появления технологических новаций z , что увеличит объем производства на определенный постоянный процент, то есть $z > 1$.

Наклон функции меняется, поэтому (PML) предельный продукт труда тоже смещается. Теперь новое производство описывается функцией $y_t = (1 + z)f(l_t)$, а функция PML как $\frac{dy_t}{dl_t} = (1 + z)f'(l_t)$.

В случае положительного (PML) предельного продукта труда

$$\frac{dy}{dl} = \frac{f}{(l)(1+z)} = (1 + z)\alpha l^{\alpha-1} > 0 \quad (3)$$

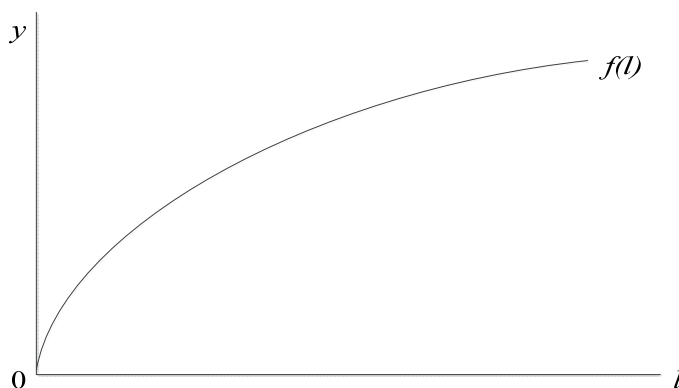

Рис. 1. Зависимость объемов производства от факторов реализации аллокационной функции публичных финансов

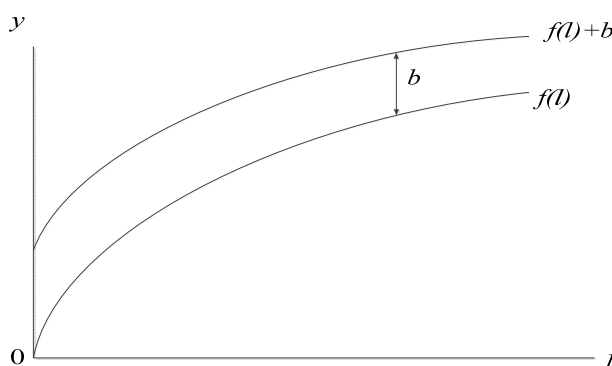

Рис. 2. Параллельное смещение функции в случае, если $b > 0$

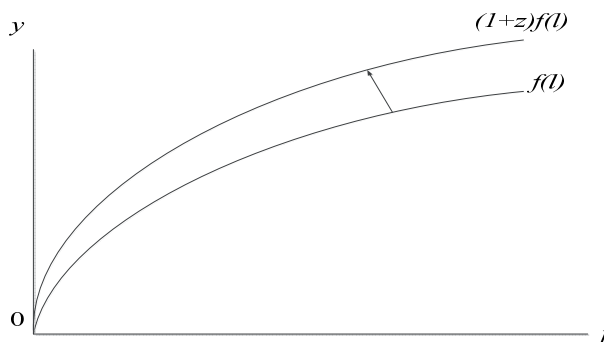

Рис. 3. Пропорциональное смещение в случае когда $z > 0$

при условии смещения

$$\frac{dy}{dl} = \frac{f}{(l)(1+z)} = (1+z)\alpha l^{\alpha-1} > 0, \quad (4)$$

если

$$\frac{dy}{dl} = \frac{f}{l} = \alpha l^{\alpha-1} > 0, \quad (5)$$

функция смещается вверх

$$z > 0 \Rightarrow (1+z)f'(l) > f'(l),$$

если

$$-1 < z < 0 \Rightarrow (1+z)f'(l) < f'(l), \quad (6)$$

функция смещается вниз.
В случае отрицательного (PML) предельного продукта труда l_r .

$$\frac{d^2y}{dl^2} = \alpha(1+z)(\alpha-1)l^{\alpha-2} < 0. \quad (7)$$

Таким образом, физический объем потребления в Донецкой Народной Республике согласно рассмотренной модели равен физическому объему производства; при этом потребление зависит от объема производства в каждый период времени t ; что в свою очередь зависит от объема труда l_t .

Далее следует провести оценку объема финансовых затрат, необходимых для обеспечения и выполнения целей производства общественных благ при выполнении властными структурами ДНР своих функциональных обязанностей. На этом этапе основным заданием является оценка объема расходов, необходимых для решения социальных проблем и общественных отношений в Республике, которые необходимо будет направить на противодействие бедности, обеспечение условий для достойной занятости и условий жизни, социальной безопасности, развитие отраслей социальной сферы: образования, здравоохранения, ЖКХ, культуры и др.).

В качестве методологического обеспечения необходимо использовать подход идентификации социальных проблем в обществе на основе использования методов априорного ранжирования, анализа иерархий, кластерный метод и др.

Эффект от перераспределения публичных финансов в отличие от их накопления в республиканском и местных бюджетах описывается функцией полезности $U_t = U(c_t, l_t)$.

U — непрерывная дифференцируемая функция $\forall c_t, l_t \geq 0$.

Предельная полезность потребления $\frac{\partial U}{\partial c} = U_1 > 0$ — это изменение общей полез-

ности при небольшом (бесконечно малом) изменении объема перераспределения публичных финансов $\frac{\partial^2 U}{\partial c^2} = U_{11} < 0$.

На рис. 4 изобразим кривые безразличия на карте изоквант.

Чтобы определить наклон кривой безразличия, продифференцируем функцию полезности

$$dU = \frac{\partial U}{\partial c} dc + \frac{\partial U}{\partial l} dl = U_1 dc + U_2 dl. \quad (8)$$

Как видно из данных рис. 4, кривые безразличия на карте изоквант не пересекаются и не касаются друг друга.

Общая производная равна

$$dU = U_1 dc + U_2 dl = 0. \quad (9)$$

Из общей производной можно определить наклон $\frac{dc}{dl} = -\frac{U_2}{U_1} \cdot \frac{U_2}{U_1}$ — это предельная норма замещения (MRS) между потреблением и перераспределением.

Предположим $\frac{d^2c}{dl^2} \geq 0$. При условии, что выражение > 0 — наклон увеличивается, поэтому кривые безразличия имеют форму дуг;

При условии, что выражение $= 0$ — кривые безразличия представляют собой прямые линии.

На этапе перераспределения и перемещения финансовых ресурсов, необходимых для производства общественных благ важно понимать, что экономическая система Донецкой Народной Республики аккумулирует публичные финансы для личного потребления. Предположим, производится $q \geq 0$ единиц товаров, вводится i ресурсов производства, потребляются оставшиеся $x = q - i$, тем самым получается полезность

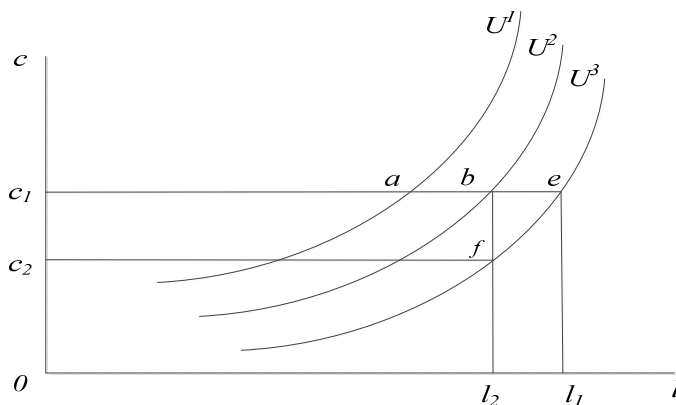

Рис. 4. Изокванты производственной функции

$u(q - i)$. В начале следующего периода остается $f(i)$ объема публичных финансов и процесс продолжается, функция полезности u , так же как и производственная функция f являются вогнутыми и неубывающими $[0, \infty)$ при этом $f(0) = 0$. Ценность реализации аллокационной функции публичных финансов $V(q)$ представляет собой — наивысшее числовое множество стратегических альтернатив и управленческих решений по максимизации объема публичных финансов в Республике.

$$\sum_{n=1}^{\infty} \beta^{n-1} u(x_n), \quad (10)$$

где x_n — объем аккумулированных публичных финансов в период n ;

$\beta \in (0, 1)$ — коэффициент дисконтирования.

В этом случае, не имея возможности перераспределения публичных финансов, ценность функции V удовлетворяет уравнению Беллмана, что является достаточным условием для оптимальности, ассоциируемой с математическим методом оптимизации, называемым динамическим программированием и базируется на принципе оптимальности:

$$V(q) = \max_{0 \leq i \leq q} [u(q - i) + \beta V(f(i))], \quad (11)$$

Предположим, что на входе объем публичных финансов i_1 такой, что $f'(i_1) = 1/\beta$. Это, безусловно, так, при условии что и $f'(0) = \infty$ и $\lim_{i \rightarrow \infty} f'(i) = 0$. Пусть $q_1 = f(i_1)$.

Если начальный объем публичных финансов равен q_1 , то оптимальная стратегия состоит в том чтобы вводить i_1 каждый период. Следовательно, .

$$V(q_1) = \frac{1}{1-\beta} u(q_1 - i_1). \quad (12)$$

Теперь предположим, что возможно не только аккумулировать i объем публичных финансов, но и перераспределять j объем последних, где $0 \leq i \leq q$, $0 \leq j \leq q - i$. Агент потребляет остаток $q - i - j$. Аллокационная функция успешна с вероятностью $\xi(j)$, что приводит к улучшению производственной функции $g = (1 + \theta)f$, где $\theta > 0$.

Пусть V_1 функция полезности без учета возможности перераспределения публичных финансов, а V_2 описывает реализацию аллокационной функции публичных финансов, тогда

$$V(q) = \max_{\substack{0 \leq i \leq q \\ 0 \leq j \leq q - i}} [u(q - i - j) + \beta \{\xi(j)V_2(f(i)) + (1 - \xi(j))V_1(f(i))\}] \quad (13)$$

Пусть $\varphi(i, j)$ функция от i и j , для внутреннего оптимума составим уравнение Эйлера, которое используется в макроэкономике и финансовой науке для описания этих переменных:

$$\frac{\partial \varphi}{\partial i} = \frac{\partial \varphi}{\partial j} = 0. \quad (14)$$

Уравнение Эйлера представляет собой один из блоков динамических стохастических моделей общего равновесия, одного из наиболее популярных современных инструментов макроэкономического анализа.

Обсуждение

В настоящем исследовании сделана попытка показать, какие возможности предоставляет модель робинзонады для обоснования аллокационной функции публичных финансов в ДНР: ее оценка дает возможность в доступной форме охарактеризовать основные категории экономической теории, выявить эффективность экономических действий хозяйствующих субъектов, а также заложить основы для анализа следующей распределительной (дистрибутивной) функции публичных финансов согласно теории Р. Масгрейва.

Построение концептуальной модели реализации аллокационной функции публичных финансов в Донецкой Народной Республике на базе метода «робинзонады» должно опираться на функциональные связи традиционной экономической системы и логическую взаимосвязь элементов научного знания.

Для формирования специального целевого фонда публичных финансов требуется время, то есть аккумулированные публичные финансы в текущем периоде увеличивают их размер в будущем периоде.

На сегодняшний день идет активный рост валового внутреннего продукта в Республике. Так, согласно Программе социально-экономического развития ДНР предполагается рост валового внутреннего продукта более чем на 70 % к 2025 году (по сравнению с 2020 годом), планируется и аналогичный рост экспорта. Программа социально-экономического развития на 2022—2024 годы

включает в себя повышение зарплат и пенсий, создание десятков тысяч рабочих мест, меры поддержки бизнеса, развитие инфраструктуры¹.

Донецкая Народная Республика является промышленным регионом, на территории которого в прошлом году работали 932 промышленных предприятия, индекс их производства в сравнении с прошлым периодом увеличился на 11,3 %. Существенное улучшение конкурентных позиций, в частности, демонстрируют предприятия перерабатывающей промышленности (+16,5 %) далее следуют предприятия по снабжению электроэнергией, газом, паром и кондиционированным воздухом (+14 %). Уровень финансирования республиканского бюджета за период 2019—2020 гг увеличился на 25,1 %. Следует отметить рост показателей инвестиционной привлекательности, что выражается в увеличении объема капитальных инвестиций на единицу объема реализованной продукции. Внешнеторговое отрицательное сальдо в 2020 г. составило 72,4 млрд руб., в 1,5 раза больше прошлого года. В конце 2021 г. продолжилось замедление уровня безработицы. Количество ищущих работу и состоявших на учете в 2021 г. составило 34,7 тыс. человек. По состоянию на конец декабря на учете состояло 6,6 тыс. человек, ищущих работу².

Оценка налоговых и неналоговых доходов и поступлений, выступающих источниками публичных доходов, должна проводиться с использованием соответствующего метода обеспечения, например, подхода к оценке отчетности и направлений использования средств и источников их финансирования, который в свою очередь включает методы: анализа, синтеза, сравнения, обобщения и другие методы оценки. Перечислим основные условия предложенной методологии для дальнейшего описания процесса реализации аллокационной функции публичных финансов в ДНР:

¹ Программа развития экономики ДНР на 2022—2024 годы предусматривает рост ВВП более чем на 70 % // ДАН, Министерство экономического развития Донецкой Народной Республики 24.11.2021. URL: https://mer.govdnr.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=9629:programma-razvitiya-ekonomiki-dnr-na-2022-2024-gody-predusmatrivaet-rost-vvp-bolee-chem-na-70-dan-24-11-2021&catid=17&Itemid=172 (дата обращения: 23.08.2022).

² Экономика Донецкой Народной Республики: состояние, проблемы, пути решения : научный доклад / коллектив авторов ГУ «Институт экономических исследований»; под науч. ред. А. В. Полюяна, Р. Н. Лепы, Н. В. Шемякиной; ГУ «Институт экономических исследований». Донецк, 2021.

- публичные финансы, которые аккумулированы в текущем периоде, не влияют на потребление их в будущем; как и потребление их в прошлом периоде не влияет на этот процесс в текущем периоде; не рекомендуется сохранять публичные финансы для будущего потребления;
- экономическая система включает только внутреннее производство Республики; то есть потребление публичных финансов равняется производству в текущем периоде.

Заключение

Таким образом, реализация аллокационной функции публичных финансов базируется на использовании модели «робинзонады» (Cusoe model) в условиях социально-экономического развития Донецкой Народной Республики, поскольку последние также характеризуются рядом экономических ограничений. На основании анализа многочисленных зарубежных и российских литературных источников были исследованы перераспределительные процессы реализации функций публичных финансов территорий, при этом может меняться направленность и масштабы финансовых потоков, порождаемых и регулируемых рынком в зависимости от типа и объемов налоговых отчислений, публичных расходов и социальных выплат. Это дало возможность определить максимальный эффект экономических действий субъектов в сложившихся условиях, а также заложить основы для анализа распределительной (дистрибутивной) функции публичных финансов согласно теории Р. Масгрейва.

В целом установлено, что в условиях усиления роли публичных финансов не только в обеспечении экономического развития страны, но и в посткризисном восстановлении и стабилизации деловой активности, важное значение приобретает реализация аллокационной функции публичных финансов. Использование результатов исследования позволит на практике реализовать аллокационную функцию публичных финансов, что повысит действенность и прозрачность формирования финансовых ресурсов на федеральном, региональном и местном уровнях с целью оказания услуг по совместному потреблению общественных благ (оборона, социальная сфера, образование, здравоохранение и т. д.) в рамках государственных и муниципальных полномочий на территории республики.

1. Алехин, Б. И. Государственные финансы / Б. И. Алехин. — М. : Юрайт, 2019. — 184 с.

2. Ангелина, И. А. Публичные финансы в формировании понятийно-категориального аппарата финансовой теории / И. А. Ангелина, А. А. Градинарова // Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит». — 2021. — № 3 (23). — С. 5—18. — DOI: 10.5281/zenodo.5778744.

3. Ваймер, Е. В. Понятие, сущность и современное назначение финансов / Е. В. Ваймер // Финансовое право. — 2020. — № 12. — С. 7—11. — DOI: 10.18572/1813-1220-2020-12-7-11.

4. Гафарова, Г. Р. К вопросу об информационной функции публичных финансов / Г. Р. Гафарова // Научные исследования: фундаментальные и прикладные аспекты. — 2021. — С. 305—307.

5. Клейнер, Г. Б. Экономика. Моделирование. Математика / Г. Б. Клейнер / Избранные труды Российской академии наук. Центральный экономико-математический институт. — 2016. — 856 с.

6. Климова, С. Н. Особенности деятельности субъектов публичной администрации в сфере публичных финансов / С. Н. Климова // Проблемы законности. — 2017. — № 139. — С. 199—210. — DOI: 10.21564/2414-990x.139.115345.

7. Крылова, Н. С. Публичные (государственные) финансы: особенности процесса конституционализации в эпоху глобализации / Н. С. Крылова // Право. Журнал Высшей школы экономики. — 2018. — № 1. — С. 175—192.

8. Масгрейв, Р. А. Государственные финансы: теория и практика / Р. А. Масгрейв, П. Б. Масгрейв // Бизнес Атлас. — 2009. — 715 с. (Библиотека журнала «Бюджет»).

9. Некипелов, А. Д. От робинзоны к экономике чистого обмена / А. Д. Некипелов // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. — 2021. — Т. 14, № 6. — С. 33—48. — DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.2.

10. Омелехина, Н. В. Обеспечительная функция публичных финансов в контексте конституционных принципов социального государства / Н. В. Омелехина // Журнал российского права. — 2021. — Т. 25, № 8. — С. 76—85. — DOI: 10.12737/jrl.2021.100.

11. Поветкина, Н. А. Правовая форма интеграции информационных систем и информационных технологий в сферу публич-

ных финансов Н. А. Поветкина // Журнал российского права. — 2018. — № 5 (257). — С. 96—112.

12. Рябова, Е. В. Публичные финансы: концептуальный взгляд на содержание / Е. В. Рябова // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина. — 2017. — № 8 (36). — С. 34—41.

13. Чалова, А. Ю. Сбалансированность публичных финансов России в условиях макроэкономических рисков / А. Ю. Чалова // Публичные финансы в XXI веке. — 2017. — С. 236—241.

14. Якобсон, Л. И. Выбор пути: сценарии развития России / Л. И. Якобсон // Инвестиции в России. — 2013. — № 6. — С. 45.

15. Brümmerhoff, D. Finanzwissenschaft / D. Brümmerhoff, T. Büttner. De Gruyter Oldenbourg. — 2018. — pp. 7—14. — DOI: 10.1515/9783110530759.

16. Gruber, J. W. Corporate Buybacks and Capital Investment: An International Perspective / J. W. Gruber, S. B. Kamin. IFDP Notes. Board of Governors of the Federal Reserve System. — 2017. — DOI: 10.17016/2573-2129.30.

17. Cangiano, M. M. Public financial management and its emerging architecture / M. M. Cangiano, M. T. R. Curristine, M. M. Lazare. International Monetary Fund. — 2013. — 464 pp.

18. Buchanan, J. M. Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State / J. M. Buchanan, R. A. Musgrave. MIT Press. CESifo Seminar Series. — 1999. — 272 p.

19. Stiglitz, J. E. Some Lessons from the New Public Finance / J. E. Stiglitz, M. J. Boskin // The American Economic Review. — 1977. — № 67(1). — Pp. 295—301. — URL: <http://www.jstor.org/stable/1815919> (дата обращения: 13.09.2022).

20. Edgeworth, F. Y. Controversy between Pareto and Edgeworth / F. Y. Edgeworth, V. Pareto // *Giornale Degli Economisti e Annali Di Economia*. — 2008. — № 67 (Anno 121) (3). — Pp. 425—440. — URL: <http://www.jstor.org/stable/23248330> (дата обращения: 13.09.2022).

21. Varian, H. R. Recent Trends in Concentration, Competition, and Entry / H. R. Varian // *Antitrust LJ*. — 2018. — Т. 82. — P. 807.

22. Jenkins, M. The browser war — Analysis of Markov Perfect Equilibrium in markets with dynamic demand effects / M. Jenkins // *Journal of Econometrics*. — 2021. — Т. 222, № 1. — Pp. 244—260.

23. Miron, J. Overdosing on regulation: How government caused the opioid epidemic / J. Miron, G. M. Sollenberger, L. Nicolae // *Cato Institute Policy Analysis*. — 2019. — № 864. — 20 p.

References

1. Alekhin B. I. (2019) Gosudarstvennye finansy [Public finances]. Moscow: Izdatel'stvo Yurait [in Rus].
2. Angelina I. A., Gradinarova A. A. (2021) Publichnye finansy v formirovaniy ponyatijno-kategorial'nogo apparata finansovoy teorii [Public finance in the formation of the conceptual and categorical apparatus of financial theory]. *Sbornik nauchnykh rabot serii "Finansy, uchet, audit" = Collection of scientific papers of the series "Finance, accounting, audit"*, no. 3(23), pp. 5-18, DOI: 10.5281/zenodo.5778744 [in Rus].
3. Vaimer E. V. (2020) Ponyatie, sushchnost' i sovremennoe naznachenie finansov [The concept, essence and modern purpose of finance]. *Finansovoe pravo = Financial law*, no. 12, pp. 7-11, DOI: 10.18572/1813-1220-2020-12-7-11 [in Rus].
4. Gafarova G. R. (2021) K voprosu ob informacionnoy funktsii publichnykh finansov [On the issue of the information function of public finance]. *Nauchnye issledovaniya: fundamental'nye i prikladnye aspekty = Scientific research: fundamental and applied aspects*, pp. 305-307 [in Rus].
5. Kleiner G. B. (2016) Ekonomika. Modelirovanie. Matematika [Economy. Modeling. Mathematics]. *Izbrannye trudy Rossiiskoi akademii nauk. = Selected Works of the Russian Academy of Sciences. Tsentral'nyi ekonomiko-matematicheskii institut = Central Economic and Mathematical Institute* [in Rus].
6. Klimova S. N. (2017) Osobennosti deyatel'nosti sub"ektov publichnoy administratsii v sfere publichnykh finansov [Features of activity of subjects of public administration in the field of public finance]. *Problemy zakonnosti = Problems of legality*, no. 139, pp. 199-210, DOI: 10.21564/2414-990x.139.115345 [in Rus].
7. Krylova N. S. (2018) Publichnye (gosudarstvennye) finansy: osobennosti processa konstitucionalizatsii v epohu globalizatsii [Public (state) finance: features of the process of constitutionalization in the era of globalization] // *Pravo. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki. = Law. Journal of the Higher School of Economics*, no. 1, pp. 175-192 [in Rus].
8. Masgreiv R.A, Masgreiv P.B. (2009) Gosudarstvennye finansy: teoriya i praktika [Public finance: theory and practice]. *Biznes Atlas. Biblioteka zhurnala «Byudzhety» = Business Atlas. The library of the Budget magazine* [in Rus].
9. Nekipelov A.D. (2021) Ot robinzonady k ekonomike chistogo obmena [From Robinsonade to the economy of pure exchange]. *Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*, t. 14, no. 6, pp. 33—48 DOI: 10.15838/esc.2021.6.78.2 [in Rus].
10. Omelekhina N.V. (2021) Obespechitel'naya funktsiya publichnykh finansov v kontekste konstitucionnykh principov social'nogo gosudarstva [The security function of public finance in the context of the constitutional principles of the social state]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, t. 25, no. 8, pp. 76-85, DOI: 10.12737/jrl.2021.100 [in Rus].
11. Povetkina N.A. (2018) Pravovaya forma integratsii informacionnykh sistem i informacionnykh tekhnologiy v sfere publichnykh finansov [The legal form of integration of information systems and information technologies in the field of public finance]. *Zhurnal rossiiskogo prava = Journal of Russian Law*, no. 5 (257), pp. 96-112 [in Rus].
12. Ryabova E.V. (2017) Publichnye finansy: konceptual'nyy vzglyad na sodержanie [Public finance: a conceptual view of the content]. *Vestnik Universiteta imeni O. E. Kutafina = Bulletin of the O. E. Kutafin University*, no. 8 (36), pp. 34-41 [in Rus].
13. Chalova A.Yu. (2017) Sbalansirovanost' publichnykh finansov Rossii v usloviyah makroekonomicheskikh riskov [The balance of Russia's public finances in the context of macroeconomic risks]. *Publichnye finansy v XXI veke = Public Finance in the XXI century*, pp. 236-241 [in Rus].
14. Yakobson L. I. (2013) Vybor puti: scenarii razvitiya Rossii [Choosing a path: scenarios for the development of Russia]. *Investitsii v Rossii = Investments in Russia*, no. 6, pp. 1-45 [in Rus].
15. Brümmerhoff D., Büttner T. (2018) Finanzwissenschaft. *De Gruyter Oldenbourg*, pp. 7-14, DOI: 10.1515/9783110530759 [in Ger].
16. Gruber J.W., Kamin S.B. (2017) Corporate Buybacks and Capital Investment: An International Perspective. IFDP Notes. Board of Governors of the Federal Reserve System, DOI:10.17016/2573-2129.30 [in Eng].
17. Cangiano M. M., Curristine M. T. R., Lazare M. M. (2013) Public financial management and its emerging architecture. International Monetary Fund, 464 pp. [in Eng].
18. Buchanan J. M., Musgrave R. A. (1999) Public Finance and Public Choice: Two Contrasting Visions of the State. MIT Press. CESifo Seminar Series, 272 p. [in Eng].
19. Stiglitz J. E., Boskin M. J. (1977) Some Lessons from the New Public Finance. *The American Economic Review*, no. 67(1), pp. 295—301, available at: <http://www.jstor.org/stable/1815919> (accessed 13.09.2022) [in Eng].
20. Edgeworth F. Y., Pareto V. (2008) Controversy between Pareto and Edgeworth. *Gior-*

nale Degli Economisti e Annali Di Economia, no. 67 (Anno 121) (3), pp. 425—440, available at: <http://www.jstor.org/stable/23248330> (accessed 13.09.2022) [in Eng].

21. Varian H. R. (2018) Recent Trends in Concentration, Competition, and Entry. *Anti-trust LJ*, t. 82 [in Eng].

22. Jenkins M. (2021) The browser war—Analysis of Markov Perfect Equilibrium in mar-

kets with dynamic demand effects. *Journal of Econometrics*, t. 222, no. 1, pp. 244-260 [in Eng].

23. Miron J., Sollenberger G. M., Nicolae L. (2019) Overdosing on regulation: How government caused the opioid epidemic. *Cato Institute Policy Analysis*, 20 p. [in Eng].

Статья поступила в редакцию 13.09.2022

For citing: Gradinarova, A. A. Peculiarities of allocating public finances for special territories (as exemplified by the Donetsk People's Republic) / A. A. Gradinarova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 36—47. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-36-47. — EDN PEOQZS.

UDC 336.5

EDN PEOQZS

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-36-47

PECULIARITIES OF ALLOCATING PUBLIC FINANCES FOR SPECIAL TERRITORIES (AS EXEMPLIFIED BY THE DONETSK PEOPLE'S REPUBLIC)

Arina A. Gradinarova,

Donetsk National University of Economics
and Trade named after Mikhail Tugan-Baranovsky,
PhD student, Associate Professor
of the Department of Tourism, Cand.Sc.
(Economics), Associate Professor.
Donetsk, Donetsk People's Republic
ORCID: 0000-0003-1632-5283
E-mail: 555arina@mail.ru

Abstract

Introduction. The relevance of the research topic is determined by the necessity to study financial phenomena and processes in order to understand the economic essence of public finance in the life of society. The strategic imperative for the formation of public finance is the development of an appropriate provision for its implementation, adequate to the complex and changeable circumstances of the territory development. The main purpose of the study is to identify the features of performing the functions of public finance for regions with a specific mode of operating.

Methods. When solving the tasks, the author uses general logical methods: analysis, synthesis, induction, deduction, analogy; empirical level methods: observation, description, measurement, modeling, as well as private and special methods of scientific research: comparative analysis, system approach, the Robinsonade model (Crusoe model). Scientific novelty of the research. The scientific novelty of the results lies in solving an important scientific problem - identifying the features of implementing the allocative function of public finance in the regions with a specific mode of operating (as exemplified by the Donetsk People's Republic, where there is a special military and political situation, a mobilization type of economy, a transitional period due to the integration of the Republic into the system of the Russian Federation federal relations) in order to improve the system of public finance management in such regions. Results. The main results of the study consist in characterizing the process of implementing the allocation function of public finance, which makes it possible to determine the maximum effect of economic actions of the subjects in the current conditions, as well as to lay the foundations for analyzing the following distribution function of public finance. Conclusions. The author makes a conclusion that in the context of strengthening the role of public finance, not only in ensuring the economic development of the Donetsk People's Republic, but also in the post-crisis recovery and stabilization of business activity, the implementation of the allocation function of public finance becomes important.

Keywords:
public finance,
public finance functions,
allocation function,
robinsonade model

Для цитирования: Соловьева, С. В.
 Война в контексте проблемы
 социокультурного порядка / С. В. Соловьева //
 Социум и власть. — 2022. —
 № 4 (94). — С. 48—57. —
 DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57. —
 EDN IZYJCA.

УДК 130.122

EDN IZYJCA

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57

ВОЙНА В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ПОРЯДКА

Соловьева Светлана Владимировна,
 Самарский государственный университет
 путей сообщения,
 заведующая кафедрой философии
 и истории науки,
 доктор философских наук, доцент.
 Самара, Россия.
 ORCID: 0000-0002-1642-2000
 E-mail: metaphisica2@gmail.com

Аннотация

Введение. Философская рецепция оснований социального и принципов войны выступают как связанные процессы. Исторически конкретный тип социокультурного бытия порождает уникальный способ философской артикуляции о природе порядка общества и культуры, войны и мира.

Цель. Экспликация связи между типом концептуализации войны (классической, тотальной, новой войны) и осмыслением принципов социального порядка.

Методы. В качестве ведущей методологии в исследовании проблемы связи войны и социокультурного порядка использованы методы исторического и конструктивистского подхода.

Научная новизна исследования. Через выделение стратегических принципов разных теорий войны (классическая тринитарная война, концепция тотальной войны и мобилизации, теория «новых войн») показана связь порядка войны с фундаментальными основаниями общества и культуры на разных этапах исторического развития.

Результаты. Рассмотрение трех теорий войны позволяет представить их как разные проекты осмысления социокультурного порядка философии модерна. В статье выделены и проанализированы ведущие положения исторически различных теорий войн: «война как продолжение политики»; «тотальность войны и мобилизации» как основание социально-политического порядка; «новая война» как концепт культурного поворота.

Выводы. Современные исследования войны отличаются активным обращением к осмыслению связи вооруженных столкновений с конкретностью культурного бытия, которое и задает контекст, способ мышления и действия потенциальных акторов военных действий. В статье показано, что актуальные теории и практики войны характеризуются своеобразным сосуществованием разных по своей исторической глубине пластов социальной реальности.

Ключевые слова:

теория тринитарной войны,
 теория тотальной войны,
 теория «новых войн»,
 социокультурный порядок

Введение

Современность пребывает в состоянии изменения и перехода: институты и субъекты сталкиваются с невиданными футуристическими вызовами, изобретаются принципы нового порядка, углубляется контроль, повседневность автоматизируется и автономизируется. Как в новых обстоятельствах обнаруживает себя феномен войны — старый как человеческий мир? Произошла ли миграция зверств и ужасов войны в киберпространство, где насилие виртуализировано, а ущерб не всегда представляет собой опасность для жизни? Мир стал сложнее еще и потому, что в нем как бы сосуществуют разные по своей исторической глубине пласты, и война не стала здесь исключением.

В центре внимания статьи — осмысленные связи между типом концептуализации войны и принципами социального порядка. Проблема социального порядка в истории философии имеет давнюю традицию осмысления. Уже в Античности бытие общества толковалось как определённая форма порядка. В узком смысле категория «социальный порядок» выходит на первый план социальной онтологии только в XVII—XVIII вв. (преимущественно в теориях общественного договора) и получает свое научное воплощение в марксизме и функционализме. Развитие франкфуртской школы, рефлексивной социологии (П. Бурдьё), постструктурализма (М. Фуко), теорий символического интеракционизма приводит к расширению содержания категории «социальный порядок» за счет включения в материалистическое понимание порядка процессов производства современной культуры. Cultural Turn переформатировал проблему, переводя ее из ракурса социальной онтологии в план культурного поворота в области наук об обществе и культуре. Так проблема социального порядка получила новую постановку, но уже как проблема социокультурного порядка.

Через осмысление стратегических принципов разных исторических концепций войны можно эксплицировать связь порядка войны с фундаментальным порядком общества и культуры на том или ином этапе исторического развития. Философская рецепция общества и культуры, с одной стороны, порядка и принципов войны — с другой — выступают как связанные процессы. Исторически конкретный тип социокультурного бытия порождает уникальный способ философской артикуляции о природе порядка, где основания войны подчас неотличи-

мы от оснований социального и человеческого бытия. Цель представленной работы связана с экспликацией связи между типом концептуализации войны (в трех самых известных европейских доктринах классической, тотальной, новой войны) и осмыслением принципов социокультурного порядка. Реализация данной цели не предполагает представление собственного, оригинального определения категории «война», но сосредоточено на тех интерпретациях, которые в эксплицитном или имплицитном виде уже присутствуют в философском и научном дискурсе. Вне зависимости от типа перечисленных выше доктрин война рассматривается в них как вооруженная борьба между социальными субъектами (государства, армии, институты, группы) с использованием разнообразных ресурсов, начиная от военных, экономических, политических, заканчивая медийными.

Методы и материалы

Исследование было проведено с опорой на критическую и конструктивистскую методологию. Применение исторического подхода позволило рассмотреть связь трех крупных европейских теорий войны XIX — н. XXI (концепты тринитарной, тотальной войны и «новых», гибридных войн) со способом постановки и решения проблемы социокультурного порядка. Выбор данных теорий войны обусловлен тем обстоятельством, что проблема экспликации оснований порядка, власти в философии Нового и Новейшего время выступает не просто фундаментальной, но центральной для разработки любой социальной теории. Проблема порядка имплицитно обнаруживается в осмыслении самых разных социокультурных феноменов, включая исследования войны. Работы Клаузевица, Людендорфа, Фрэнка Г. Хоффмана (крупных военачальников, теоретиков, историков войны) представлены в контексте их критического осмысления российскими и зарубежными учеными.

Концепт тринитарной войны и проблема социального порядка

Принципы и порядок войны артикулируются в форме стратегии. Стратегия как рационализация порядка войны была изобретена задолго до Нового времени. История знает множество блестящих образцов полководческого и военного искусства — это цивилизации Древнего мира — Китай, Греция, Рим. Военная история прошлого

тесно переплетена с крупными изобретениями военно-теоретической мысли. Уже в VI в. до н. э. великий представитель древнекитайской школы военной философии Сунь-Цзы писал о том, что максимальный успех в деле войны — это побеждать вражеские армии без боя, захватывать города без осад, подчинять государство без изнурительных и долгих сражений [19, с. 39]. Кульминацией успешной стратегии выступает такая ситуация на театре военных действий, когда противник не имеет доступа к ресурсам, а победители добились капитуляции врага без боя. В военной философии Нового и Новейшего времени подобный подход к пониманию сущности вооруженных конфликтов остается актуальным, свидетельством тому выступает пополнение категориального аппарата темы понятиями «военная политика», «большая стратегия» и др. В книгах выдающегося британского военного историка и теоретика Б. Лиддел Гарта обсуждаемая идея находит максимальное воплощение [12; 13].

Общим методом для указанной традиции выступает положение о том, что война рассматривается как «разновидность общественной деятельности», следовательно, она ведется тем способом управления, той формой организации власти, который принят в конкретном обществе [9, с. 67]. Фундаментальной установкой в конструировании классической теории войны Нового времени было положение о связи военного и политического, при этом война рассматривается как продолжение политики.

Двести лет назад известный теоретик войны фон Клаузевиц писал, что война — это троица, объединяющая насилие (слепую природную вражду и ненависть), игру вероятностей и случаев (пространство свободы), оружие политики (основа для ее рационализации). Из этих базовых элементов войны конституируются соответствующие указанной последовательности субъекты войны — народ, полководцы с армией, правительство [7]. Насилие только тогда можно назвать войной, если война ведется между государствами, во имя государства, а значит, не требует никакого оправдания. Легитимация насилия в практике вооруженных столкновений проходила по водоразделу субъектов. В классической концепции войны четкое разграничение между армией и гражданским населением позволяло сгладить неизбежный контекст — возрастание грубого произвола, физического и психологического давления. Гражданское население, хотя и несет тяготы лишений, не должно быть полностью погружено во все

коллизии и схватки. Инструментом войны являются вооруженные силы, стоящие на службе правительства. Война ведется за счет народа и от его имени, но население страны должно как можно меньше участвовать в процессе вооруженного столкновения. Тринитарная структура войны включает в себя противостояние государства против другого государства, армии — против вражеской армии. Такое понимание войны схватывает ее суть — сосредотачивать в себе противоположности, управляя и направляя их в конкретные действия.

Немецкий теоретик создает концепт войны, предполагающий наличие невиданного объема ресурсов и «энергии». Огромный энергетический бюджет классической войны XIX — нач. XX вв. связан с «историзацией» войны (включение ее рефлексии в темпоральную перспективу), а также экспликацией связи боевого и социального порядка. Военные средства тогда будут эффективны, когда они являются продуктом «гражданского общества». Приоритет в любом случае остается за социально-политической трансформацией, эффектом которой была историзация (а не универсализация) стратегем, как это было в Античности) рационального военного искусства — стратегии [8, с. 59]. Порядок войны вторичен по отношению к социально-политическому порядку общества. Классическая концепция тринитарной войны очевидно демонстрирует решение фундаментальной для социальной философии Нового времени проблемы — проблемы порядка как центральной в конструировании теории и практики общества Модерна. Эта теория войны исполнена в магистральной постановке проблемы Гоббса, где темы истоков социального, оснований порядка, Левиафана и войны теснейшим образом переплетены. Концепт войны как продолжения политики интегрирован не только в постановку проблемы поиска оснований социального порядка «*par excellence*», но и решение ее (тринитарная структура войны) эксплицирует ядро модернистского понимания власти, представления о порядке как о «как телесе политического» [5].

Потенциальной ловушкой классической теории войны становится ее практическая реализация. Обнаруживается, что удерживать приемлемый уровень насилия под контролем институтов власти — сложнейшая задача, с которой не всегда возможно справиться. Война способна изживать социальный порядок, выходить из позиции «продолжения политики другими средствами». Иллюстрации не заставили себя долго

ждать. В период Первой мировой война превращается, как замечает Ван Кревельд, в самодостаточного монстра, с которым не могли справиться ни военные деятели, ни население, ни экономика, ни правительство [9, с. 81].

Теория «тотальной войны» и «мобилизации» как аннулирование различия войны и мира

Практика ведения воин индустриально-колониального капитализма XIX — нач. XX вв. привела часть философов к переводу фокуса своего внимания на выявление онтолого-антропологического истока войны. В частности, философский проект «консервативной революции» предложил в качестве фундаментального основания политического — различие врага и друга, взятое в «экзистенциальном», а не психологическом, метафорическом, символическом или нормативном смысле. Концепция Шмитта стала своеобразным симптомом перехода в концептуализации актуального уже для XX в. представления о войне как «тотальной». По разделительной линии «друг — враг» группируются народы — публично представленная «борющаяся совокупность людей», которая противостоит подобной же совокупности [22, с. 310]. Если устранить войну как способ обнаружения напряжения в бинарности «друг — враг», то мир окажется «миром без политики» [22]. По Шмитту, война не ведется на основании «чисто» религиозных, экономических, моральных или иных мотивов. Война как крайняя форма реализации вражды, и будет потенциальной возможностью для политики до тех пор, пока будет иметь «смысл понятие врага». Война — это «бытийственное отрицание чужого бытия», выражающее себя в физическом уничтожении врага [22, с. 309]. В проекте «консервативной революции» происходит онтологизация и поэтизация войны. Война начинает пониматься как бытийное условие существования политического как такового. Подобная милитаризация философского дискурса позволила увенчать концепцию «тотальной войны» ее апологией.

Так теория тотальности войны аннулировала классическую тринитарную войну, обернув («поставив с ног на голову»), ее исходные посылы. Уже не тип общества определяет стратегию и практику войны, но общество, тотально военизируясь, создает социально-политический порядок. В сфере стратегического искусства концепт

«тотальной войны» разработан Эрихом Людендорфом (1935 г.). Он возникает как продукт отказа (части немецкой философско-политической мысли XVIII — н. XIX в.) от идеи «вечного мира» в пользу рационализации войны как гаранта сохранения жизни [14]. В отличие от Клаузевица, который считал войну продолжением политики, немецкий генерал и теоретик войны XX в. Людендорф рассматривал мир и политику как реальности, подчиненные тотальности войны [18]. Формально это подавалось как переход от вооруженного столкновения армий к сражению наций. Отсюда концепт «тотальной войны» предполагал «тотальную мобилизацию», концентрацию всех видов сил, ресурсов (человеческих, технических, экономических, культурных и пр.) для победы. По мнению ряда исследователей, концепция «тотальной мобилизации» Э. Юнгера [23] выступает как один из проектов модерна, который можно интерпретировать как своего рода «трансцендентальную схему будущего», стоящую в одном ряду с «Черным квадратом» Малевича или творчеством Баухауза [3].

В теории тотальной войны обнаруживается фундаментальная философская проблема — соотношение мира и войны — традиционный сюжет диалектики. В теории тотальной войны словно изымается онтологическое различие мира и войны, первый исчезает как альтернатива второго. Мир теряет самобытное значение, общество превращается в единую «военную машину», что неизбежно привело к максимизации разрушений во Второй мировой войне. В период 1939—1945 гг. война приобрела приметы тотальности, становясь всеобъемлющей, захватывая все регионы повседневности, всю систему институтов. «“Мировые воины” с их «тотальностью» суть уже следствие бытийной оставленности», они разрушают границу, различие между «войной и миром», рожают такое состояние сущего, где война не воспринимается как война, а мир «становится бессмысленным и бессодержательным» [21, с. 188]. Бытие, истина покинули сущее, сущее отклонилась от подлинного, а значит, границы мира и войны стираются, и блуждание между этими состояниями сущего носит исключительно внешний характер.

Подобное решение проблемы отношения войны и оснований социального порядка решается через аннулирование мира как онтологически исходного состояния совместности людей друг с другом. Производится представление миропорядка в категориях тотальности войны, мобилизации, техники

и собственно жизни «как органической конструкции», имеющей глубоко метафизический смысл.

Концептуализация «новой войны» в контексте культурных поворотов

Мировые войны XX века стали как своеобразной кульминацией теории «тотальной войны», так и выступили свидетельством ее краха. Ужасы Второй мировой войны привели к отказу от концепта «тотальной войны», философы и военные теоретики, начиная с 50-х годов XX в. начинают разрабатывать теорию «ограниченной войны». Социальный порядок после падения фашизма и сопровождающих его ужасов (Холокост, концлагеря, преступления против мира, безопасности, человечности) стал иным, трансформировался сам способ рассуждения о вооруженных конфликтах в сторону большей гуманизации дискурса войны. Идея локализации конфликта низкой интенсивности в наиболее нецивилизованных регионах, разработка концепта «ограниченной ядерной войны» (современные доктрины войны ведущих ядерных государств мира), а позже моделей «информационной войны», «кибервойны» — вот главные приметы концептуализации войны нового типа. В настоящее время активно разрабатываются теории «новых войн» (включая «шестое поколение» войны, предполагающей обесценивание ядерного оружия и ставку на разгром противника с применением массированных информационных и высокоточных ударов не пилотируемым оружием). Эта теоретическая работа сопровождается дискуссиями о возможностях применения неконвенционального вооружения, о судьбах политики в случае развязывания «тотальной», в том числе и ядерной войны [2; 17].

Исторический подход к исследованию феномена войны в отличие от онтолого-метафизического предполагает рассмотрение войны в контексте эмпирически конкретного общества, эмпирически конкретной культуры. Альтернативной указанной выше консервативной рецепции войны и политики («тотальная война», «тотальная мобилизация», разделения на «друг — враг» и пр.) после 1945 г. становится так называемый постколониальный поворот в области исследований культуры. «Postcolonial turn» зафиксировал иные способы, механизмы и практики «другоизации» в области исследований культуры и общества [1, с. 218—219]. Война меняется вместе с типом культуры и социальности, поэтому войны XXI в., как убе-

дительно показывает А. Куманьков, существенно отличны от предыдущих. Наиболее заметные практики и формы современных вооруженных столкновений — терроризм, информационные и компьютерные войны, деятельность частных военных компаний в конфликтах «низкой интенсивности» и пр. [10; 11]. Это усложняет не только военнополитическое, но культурное содержание теории и практики современной войны. Конструирование концепта войны начиная со второй половины XX века, и тем более в начале XXI в., разворачиваются в мейнстриме «поворотов», трансформирующих как философский, так и социально-гуманитарный научный дискурс. Без лингвистического, антропологического, медиального, иконического, постколониального и прочих поворотов невозможно помыслить современное исследование войны.

Существует множество дискуссий по вопросу различия старых и новых войн. Исследователи задаются вопросом о том, можно ли считать войнами современные вооруженные конфликты? По мнению М. Калдор, новые войны безусловно существуют, и они отличаются от «старых» (концептуализированных Клаузевицем и другими теоретиками). Инновационными элементами и чертами современной войны выступает «отношения к глобализации и технологиям», что выразилось:

- в возможности вести «симметричную войну» между равными по силе противниками, а это существенно затрудняет победу;
- в наличии информационных технологий и разветвленности медиа, что быстро выводит локальные конфликты за свои границы, глобализуя их;
- в трансформации института государства, что проблематизирует установку на организованное насилие, порождает трудности в определении субъектов войны (размывание границы в понимании государственных/негосударственных, внутренних/внешних конфликтов, различий между комбатантом/нонкомбатантом и пр.);
- в стремлении к минимализации боевых и гражданских потерь, в снижении «смертоночности» войн (несмотря на то что этот тезис М. Калдор кажется спорным, она обосновывает позицию посредством анализа открытых данных, представленных самими разными организациями и сообществами: Opinion Research Business, UNAMA, Internal Displacement Mon-

iting Centre, Iraq Body Count, результатами социологических опросов общественного мнения в воюющих странах, данными Центра исследований и документации в Сараево, докладами Международного комитета спасения и пр.) [4, с. 382—400].

М. Калдор убеждена, что «новая война» — это комбинация войны («организованного в политических целях насилия»), преступления («организованного насилия в частных целях») и аннулирования прав человека («насилие против гражданского населения»). Если традиционная («тринитарная») война выстраивалась через «внешнеполитическую стратегию», а мобилизация выступала исключительно средством, то цель войны нового типа — это «мобилизация вокруг политического нарратива», а стратегия / политика — это форма ее апологии, оправдания [4, с. 402—404]. Война в сетевом обществе предполагает борьбу за идентичность в противоположность идеологии, ориентацию на политический (а не физический) контроль за населением с использованием страха и террора, насилием между различными комбинациями государственных и негосударственных образований.

По мнению Г. Мюнклера, теория «новых воин» пока не разработана, хотя М. Калдор были выделены важные характеристики «новых» воин (приватизация войны или утрата государством монополии на войну, «антисимметризация военного насилия», «демилитаризация войны» или потеря монополии регулярных сил на ведение войны) [15, с. 193—195]. Исследователь Г. Мюнклер убежден, что «новые» воины — это не просто революция в военной стратегии и военном деле, это более фундаментальный феномен, который демонстрирует «изменения в политических и социальных условиях», определяющих порядок ведения воин, трансформирующих стратегию и социально-политический порядок [15, с. 203].

Перечисленные признаки нового типа войны, очевидно, представляют бэкграунд глобально- и медиацентрированной культуры, где фон, сети, снижение реального и возрастание виртуального насилия, размывание границ становятся нормой дня. Современная культура создает разные, конкурентные типы нарративов, обслуживающих враждующие стороны конфликтов. Рождается новое поле боя — медиа и Интернет. Современные вооруженные конфликты осваивают цифровые и информационные технологии.

Активное развитие доктрин и практик кибервойны, создание киберармии, кибер-

безопасности и киберразведки начинается в 90-е годы XX в. в США, а позже и в Китае. Концепт кибербезопасности рассматривается как эквивалент ядерного сдерживания, альтернатива «реализма» в политики. В настоящее время многие страны наращивают потенциал в военном деле, экономике и управлении для расширения киберсдерживания [27]. Поворотным событием выступила известная операция США «Буря в пустыне». Уроком операции стала разработка Китаем стратегии «сетевизации» («wangluohua»), сокращение инвестиций в традиционные войска в пользу информационных технологий, конструирование «компьютерного поля боя». В США Национальная стратегия по безопасности киберпространства была утверждена президентом Дж. Бушем-младшим в 2003 году [6]. Стратегия, разрабатываемая Киберкомандованием США («Национальная военная стратегия ведения киберопераций»), декларирует оборонительный принцип, хотя киберпространство рассматривается как новый театр военных действий американской армии.

Культурно-антропологическая рецепция войны, история феномена вооруженного конфликта позволяет говорить о все большем усложнении ее строя и содержания. Это подтверждает современная гибридная война — соединение разных типов войны (где схватка пехоты сопровождается обстрелами беспилотников и «информационной бомбой»). Сложность ведения современной гибридной войны состоит в том, что элементы разных культур (от традиционных до кибернетических) необходимо превратить в слаженный ансамбль действий людей, машин, инфраструктуры [24]. И суть гибридации войны не только в затейливо устроенной политической, организационной, материальной организации, но также и в ее «мультикультурной слоистости». В каком-то смысле феномен гибридной войны встраивается в процесс индивидуализации культуры: «В гибридной войне противник скорее всего представляет уникальные комбинированные угрозы, <...> предназначен для устранения уязвимых мест» [25]. Подобно тому, как мультикультурализм соединяет когда-то автономные культуры (оказалось, задача оказалась не простой!), так и в конструировании новой войны соединяются «разные исторические коды». Это наделяет вооруженный конфликт дополнительными внутренними противоречиями и «нестыковками». Отсюда всякая победа в гибридной войне никогда не будет окончательной, потому что игра ведется на разных полях

боя: агональность все время мигрирует в широком ранжире форм противостояния (от реального боя и до кибератак). Искусство и наука (стратегия) современной войны состоит в конструировании уникально-индивидуализированной комбинации ансамблей элементов из разных исторических эпох и концептуальных стилей борьбы.

Заключение

Стратегия как наука и искусство ведения войны соответствует исторически конкретному типу общества и культуры. Военный конфликт в средневековой культуре отличен конфликта «низкой интенсивности» постиндустриального мира. Классические теории войны показали, что война была связана с тем буржуазным обществом и обществом капиталистической экспансии через создание, рост, конкуренцию колониальных империй. Мировые войны XX века становятся своеобразной кульминацией классических теорий войны и в то же время свидетельствуют об их крахе, о невозможности, антигуманности и антиморальности их возможной реализации

Одним из критериев, свидетельствующих о современности той или иной военной стратегии/тактики, выступает, по мнению М. Уолцера, «наивный» и кажущийся спекулятивным тезис о справедливости. Моральная теория ведения войны должна стать ее реальным ограничителем [20, с. 126—127]. Это демонстрирует не только множество социальных практик, но и объем философской рефлексии морали войны. В Стэнфордской философской энциклопедии статья «Война» посвящена преимущественно дискуссиям о «морали войны», «теории справедливой войны», принципам и отношению к «возможным жертвам войны» [26]. Российские философы также интегрированы в международные дискуссии по проблемам справедливости и этики войны [16]. Современные войны не могут уже оцениваться только с политических, военных или экономических позиций, она попадает в режим этической и культурологической рефлексии. Актуальное исследование войны в ракурсе сферы нормативного, ценностного и должного имеет безусловные перспективы.

Создаваемый на рубеже XX—XXI вв. концепт «новой войны» выступает продолжением феномена «поворотов» в сфере философского и социально-гуманитарного познания. Теперь «лицо» войны определяет не только элегантность решения проблемы социального порядка общества модерна, но

то исторически конкретное бытие культуры, которое и задает контекст, способ мышления и действия потенциальных акторов вооруженных действий. Современная теория и практика войны свидетельствует о том, что война — не просто продолжение политики, или способ тотализации, мобилизации всех ресурсов общества для утверждения господства, но и портрет культуры в миниатюре «локального вооруженного конфликта». Культуры и общества, изменяясь, наполняют уникальным содержанием базовые категории и установки: отношение к жертвам и смерти, формы коллективного действия, конструирование пространства/времени вооруженного конфликта, концепты справедливости, исторически конкретные способы наррации событий войны и пр. Так теории войны сосредотачивают в себе фундаментальные принципы ведения войны, представляя исторические «квинтэссенции» культурных категорий.

1. Бахманн-Медик, Д. Культурные повороты. Новые ориентиры в науках о культуре / Д. Бахманн-Медик ; пер. с нем. С. Ташкенова. — М. : Новое литературное обозрение, 2017. — 504 с.

2. Верхотуров, Д. Н. Ядерная война / Д. Н. Верхотуров. Все сценарии конца света. — М. : Эксмо, 2016. — 288 с.

3. Гузикова, М. О. «Тотальная мобилизация» Эрнста Юнгера как проект модерности: историческая реконструкция и интерпретация / М. О. Гузикова : дис. ... канд. истор. наук : 07.00.03 «Всеобщая история (соответствующего периода)». — Екатеринбург, 2004. — 166 с.

4. Калдор, М. Новые и старые войны: организованное насилие в глобальную эпоху / М. Калдор ; пер. с англ. А. Апполонова, М. Дондуковского ; ред. перевода А. Смирнов, В. Софронов. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2015. — 416 с.

5. Кильдюшов, О. Проблема социального порядка (Гоббсова проблема): к эвристике и прагматике конститутивного вопроса современной теории общества / О. Кильдюшов // Социологическое обозрение. — 2016. — Т. 15, № 3. — С. 122—149. — DOI: 10.17323/1728-192X-2016-3-122-149.

6. Кларк, Р. Третья мировая война: какой она будет? / Р. Кларк, Р. Нейк ; пер. с англ. Е. Кармановой. — М. : Питер, 2011. — 337 с.

7. Клаузевиц, К. О войне / К. Клаузевиц. — URL: <http://lib.rus.ec/b/141602/read#t3> (дата обращения: 10.08.2022).

8. Клаузевиц, К. От некоего военного к Фихте, автору статьи о Макиавелли, опубликованной в первом томе [журнала] «Веста» / К. Клаузевиц // Логос. — 2019. — Т. 29. — № 3. — С. 57—66.

9. Кревельд, М. Трансформация войны / М. Кревельд ; пер. с англ. ; ред. пер. Ю. Кузнецов. — М. ; Челябинск : Социум, 2020. — 322 с.

10. Куманьков, А. Война в XXI веке / А. Куманьков. — М. : Высшая школа экономики, 2020. — 296 с. — DOI: 10.17323/978-5-7598-1957-8.

11. Куманьков, А. Д. Современные классики теории справедливой войны: М. Уолцер, Н. Фуштин, Б. Орэнд, Дж. Макмахан / А. Д. Куманьков. — СПб. : Алетейя, 2019. — 268 с.

12. Лиддел-Гарт, Б. Решающие войны в истории / Б. Лиддел-Гарт ; пер. А. А. Цыпленкова. — М. : Центрполиграф, 2012. — 287 с.

13. Лиддел Гарт, Б. Стратегия непрямых действий / Б. Лиддел-Гарт ; пер. Б. Червякова, И. Козлова, С. Любимого. — М. : Эксмо ; СПб : Милгард, 2008. — 464 с.

14. Людендорф, Э. Тотальная война / Э. Людендорф ; пер. с нем. А. В. Петров. — М. : Эксмо, 2015. — 442 с.

15. Мюнклер, Г. Осколки войны: эволюция насилия в XX и XXI веках / Г. Мюнклер ; пер. с нем. А. И. Лоскутовой. — М. : Кучково поле, 2018. — 384 с.

16. Нравственные ограничения войны. Проблемы и примеры / под ред. Б. Коппитерс, Н. Фуштин, Р. Апресян. — М. : Гардарики, 2002. — 407 с.

17. Слипченко, В. И. Войны шестого поколения: оружие и военное искусство будущего / В. И. Слипченко. — М. : Вече, 2002. — 381 с.

18. Соловьева, С. В. Рационализация войны в современной философии / С. В. Соловьева // Наука и культура России. — 2022. — Т. 1. — С. 33—38.

19. Сунь-Цзы. Трактаты о военном искусстве / Сунь-Цзы, У-Цзы ; пер. с кит., предисл. и коммент. Н. Р. Конрада. — М. : АСГ ; СПб. : Terra Fantastica, 2002. — 558 с.

20. Уолцер, М. Триумф теории справедливой войны (и опасности успеха) / М. Уолцер // Логос. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 117—139.

21. Хайдеггер, М. Преодоление метафизики // М. Хайдеггер. Время и бытие. Статьи и выступления ; пер. В. В. Бибикина. — М. : Республика, 1993. — С. 177—191.

22. Шмитт, К. Понятие политического / К. Шмитт ; пер. с нем. А. Ф. Филлипова. — СПб. : Наука, 2016. — 567 с.

23. Юнгер, Э. Рабочий. Господство и гештальт; Тотальная мобилизация; О боли /

Э. Юнгер ; пер. с нем. А. В. Михайловского ; под ред. Д. В. Складнева. — СПб. : Наука, 2000. — 539 с.

24. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars. Hoffman, Frank G. *Conflict in 21st Century: The Rise of Hybrid Wars (link is external)*. — Arlington, VA : Potomac Institute for Policy Studies, 2007.

25. Hoffman, Frank (2009) Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict (Strategic Forum, Number 240, April 2009). — 9 p.

26. Lazar, Seth (2020) "War", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.). — URL: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/war/> (дата обращения: 08.10.2022).

27. Watanabe, S. (2020). States' Capacity Building for Cybersecurity // IR Approach / S. Watanabe, D. Kreps, T. Komukai, T. V. Gopal, K. Ishii (eds) Human-Centric Computing in a Data-Driven Society. HCC 2020. IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 590. Springer, Cham. — URL: https://doi.org/10.1007/978-3-030-62803-1_18. (дата обращения: 08.10.2022).

References

1. Bahmann-Medik D. (2017) Kulturnye povroty. Novye orientiry v naukah o kulture [Cultural twists. New landmarks in the sciences of culture] / Per. s nem. S. Tashkenova. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 504 p. [in Rus].

2. Verhoturov D.N. (2016) Jadernaja vojna. Vse scenarij konca sveta [Nuclear war. All doomsday scenarios]. Moscow, Jeksmo, 2016. 288 p. [in Rus].

3. Guzikova M. O. (2004) «Totalnaya mobilizatsiya» Ernsta Yungera kak proekt modernosti: istoricheskaya rekonstruktsiya i interpretatsiya [«Total mobilization» by Ernst Junger as a project of modernity: historical reconstruction and interpretation]: specialnost 07.00.03 "Vseobshaya istoriya (sootvetstvuyushogo perioda)": dissertatsiya na soiskanie uchenoj stepeni kandidata istoricheskikh nauk. Ekaterinburg, 166 p. [in Rus].

4. Kaldor M. (2015) Novye i starye vojny: organizovannoe nasilie v globalnuyu epohu [New and Old Wars. Organised Violence in a Global Era] / per. s angl. A. Appolonova, M. Dondukovskogo; red. perevoda A. Smirnov, V. Sofronov. Moscow, Izd-vo Instituta Gajdara, 416 p. [in Rus].

5. Kildyushov O. (2016) Problema socialnogo poryadka (Gobbova problema): k evristike i pragmatike konstitutivnogo voprosa sovremennoj teorii obshestva [The

problem of social order (Hobbesian problem): to the heuristics and pragmatics of the constitutive question of the modern theory of society]. *Sociologicheskoe obozrenie*, t. 15, no. 3, pp. 122-149. DOI 10.17323/1728-192X-2016-3-122-149 [in Rus].

6. Klark R., Nejk R. (2011) Tretya mirovaya vojna: kakoj ona budet? [Cyber War: The Next Threat to National Security and What to Do About It?] / per. s angl. E. Karmanovoj. Saint Petersburg, Piter, 337 p. [in Rus].

7. Klauzevic K. O vojne [About war], available at: <http://lib.rus.ec/b/141602/read#t3> (accessed 10.08.2022) [in Rus].

8. Klauzevic K. (2019) Ot nekoego voennogo k Fihte, avtoru stati o Makiavelli, opublikovanoj v pervom tome [zhurnal] «Vesta» [From a certain military man to Fichte, the author of an article on Machiavelli, published in the first volume of [magazine] Vesta]. *Logos*, t. 29, no. 3, pp. 57-66 [in Rus].

9. Kreveld M. (2020) Transformaciya vojny [The transformation of war] / per. s angl.; red. per. Yu. Kuznecov. Moscow; Chelyabinsk, Socium, 322 p. [in Rus].

10. Kumankov A. (2020) Vojna v XXI veke [War in the 21st century]. Moscow, "Vysshaya shkola ekonomiki", 296 p. DOI 10.17323/978-5-7598-1957-8 [in Rus].

11. Kumankov A. D. (2019) Sovremennye klassiki teorii spravedливой vojny: M. Uolcer, N. Foushin, B. Orend, Dzh. Makmahan [Modern classics of the theory of just war: M. Walzer, N. Foushin, B. Orend, J. McMahan]. Saint Petersburg, Aletejya, 268 p. [in Rus].

12. Liddel Gart B. (2012) Reshajushhie vojny v istorii [The decisive wars of history] / per. A. A. Cyplenkova. Moscow, Centrpoligraf, 287 p. [in Rus].

13. Liddel Gart B. (2008) Strategiya neprjamyh dejstvij [The strategy of indirect approach] / Perevod B. Chervjakova, I. Kozlova, S. Ljubimogo. Moscow, Jeksmo; Saint Petersburg, Milgard, 464 p. [in Rus].

14. Lyudendorf E. (2015) Totalnaya vojna [Totalitarian war] / per. s nem. A. V. Petrov. Moscow, Eksmo, 442 p. [in Rus].

15. Myunkler G. (2018) Oskolki vojny: Evolyuciya nasiliya v XX i XXI vekah [Fragments of War: The Evolution of Violence in the 20th and 21st Centuries] / Per. s nem. A. I. Loskutovoj. Moscow, Kuchkovo pole, 384 p. [in Rus].

16. Nравstvennye ogranicheniya vojny. Problemy i primary (2002) [Moral limits of war. Problems and examples] / Pod red. Koppiters B., Foushin N., Apresyan R. Moscow, Gardariki, 407 p. [in Rus].

17. Slipchenko V.I. (2002) Vojny shestogo pokolenija: oruzhie i voennoe iskusstvo budushhego [Sixth generation wars: weapons and martial arts of the future]. Moscow, Veche, 381 p. [in Rus].

18. Solov`eva S.V. (2022) Racionalizaciya vojny` v sovremennoj filosofii [Rationalization of war in modern philosophy]. *Nauka i kul`tura Rossii*, t. 1, pp. 33-38 [in Rus].

19. Sun'-Czy, U-Czy (2002) Traktaty o voennom iskusstve [Treatises on the art of war] / Per. s kit., predisl. i komment. H.R Konrada. Moscow, OOO «Izdatel'stvo ASG»; Saint Petersburg, Terra Fantastica, 558 p. [in Rus].

20. Uolcer M. (2019) Triumf teorii spravedливой vojny (i opasnosti uspeha) [The triumph of just war theory (and the dangers of success)]. *Logos*, t. 29, no. 3, pp. 117-139 [in Rus].

21. Hajdegger M. (1993) Preodolenie metafiziki [Overcoming metaphysics]. *Hajdegger, M. Vremya i bytie. Stati i vystupleniya* / per. V.V. Bibihina. Moscow, Respublika, pp. 177-191 [in Rus].

22. Shmitt K. (2016) Ponyatie politicheskogo [The concept of political] / per. s nem. A.F. Fillipova. Saint Petersburg, Nauka, 567 p. [in Rus].

23. Yunger E. (2000) Rabochij. Gospodstvo i geshtalt; Totalnaya mobilizaciya; O boli [Worker. Dominance and gestalt; Total mobilization] / per. s nem. A. V. Mihajlovskogo pod red. D. V. Sklyadneva. Saint Petersburg, Nauka, 539 p. [in Rus].

24. Conflict in the 21st Century: The Rise of Hybrid Wars (2007). Hoffman, Frank G.. *Conflict in 21st Century: The Rise of Hybrid Wars (link is external)*. Arlington, VA, Potomac Institute for Policy Studies [in Eng].

25. Hoffman Frank (2009) Hybrid Threats: Reconceptualizing the Evolving Character of Modern Conflict (Strategic Forum, Number 240, April 2009), 9 p. [in Eng].

26. Lazar Seth (2020) "War", The Stanford Encyclopedia of Philosophy (Spring 2020 Edition), Edward N. Zalta (ed.), available at: <https://plato.stanford.edu/archives/spr2020/entries/war/> (accessed 08.10.2022) [in Eng].

27. Watanabe S. (2020) States' Capacity Building for Cybersecurity: An IR Approach. In: Kreps, D., Komukai, T., Gopal, T.V., Ishii, K. (eds) Human-Centric Computing in a Data-Driven Society. HCC 2020. IFIP Advances in Information and Communication Technology, vol 590. Springer, Cham, available at: https://doi.org/10.1007/978-3-030-62803-1_18. (accessed 08.10.2022) [in Eng].

Статья поступила в редакцию 02.11.2022

For citing: Solovyova S.V. War in the context of the sociocultural order problem / S.V. Solovyova // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 48—57. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57. — EDN IZYJCA.

UDC 130.122

EDN IZYJCA

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-48-57

WAR IN THE CONTEXT OF THE SOCIOCULTURAL ORDER PROBLEM

Svetlana V. Solovyova,

Samara State Transport University,
Head of the Department of Philosophy
and History of Science,
Doctor of Philosophy, Associate Professor.
Samara, Russia.
ORCID: 0000-0002-1642-2000
E-mail: metaphisica2@gmail.com

Abstract

Introduction. The philosophical reception of the foundations of the social and the principles of war act as connected processes. A historically specific type of socio-cultural being generates a unique way of philosophical articulation about the nature of the order of society and culture, war and peace.

The purpose of the study is explicating the connection between the type of conceptualizing war (classical, total, new war) and understanding the principles of social order.

Methods. The author uses methods of the historical and constructivist approach as the leading methodology in studying the problem of the war and the sociocultural order connection. **Scientific novelty of the research.** By highlighting the strategic principles of different theories of war (classical trinitarian war, the concept of total war and mobilization, the theory of “new wars”), the connection between the order of war and the fundamental foundations of society and culture at different stages of historical development is shown. **Results.** Consideration of the three theories of war allows us to present them as different projects for understanding the socio-cultural order of the Art Nouveau philosophy. The author highlights and analyzes the leading provisions of historically different theories of wars: “war as a continuation of politics”; “the totality of war and mobilization” as the basis of the socio-political order; “new war” as a concept of cultural turn.

Conclusions. Modern studies of war are distinguished by an active appeal to understanding the connection between armed clashes and the concreteness of cultural life, which sets the context, way of thinking and actions of potential actors in military operations. The article shows that current theories and practices of war are characterized by a kind of coexistence of layers of social reality that are different in their historical depth.

Keywords:

trinitarian war theory,
total war theory,
theory of «new wars»
sociocultural order

Для цитирования: Тиллманнс, Мария да Венза (Tillmanns Maria daVenza). Социальные функции бренда в эпоху цифровой трансформации / М. да Венза Тиллманнс (M. daVenza Tillmanns) // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 58—66. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-58-66. — EDN WIZJPO.

УДК 101.1-3

EDN WIZJPO

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-58-66

КАК ПАРРЕСИЯ В ФИЛОСОФСТВОВАНИИ С ДЕТЬМИ СПОСОБСТВУЕТ ОБНАРУЖЕНИЮ КРИТЕРИЕВ («ПРОБНЫХ КАМНЕЙ») РЕАЛЬНОСТИ¹

**Тиллманнс Мария да Венза
(Tillmanns Maria daVenza),**
Калифорнийский университет,
доктор философии,
Сан-Диего, США.
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Аннотация

Понятие «парресия» впервые появляется в греческой литературе в V в. до н. э. Парресия — это возможность говорить свободно и открыто, не считаясь с авторитетами, говорить то, что без этого права может привести к наказанию или смерти. Парресия позволяла говорить правду властям, принося пользу тому, кто властвует, кому зачастую не хватает понимания сути реального положения дел.

В своей книге «Занятия философией с детьми в начальной школе: сложная деятельность» Берри Хисен утверждает, что занятие философией с детьми является формой парресии, поскольку побуждает детей говорить свободно и открыто.

Парресия изменяет отношения между взрослым и ребенком. Серьезное отношение взрослых к детям как полноправным гражданам дает детям возможность серьезно относиться к себе, а также нести ответственность за свои мысли и чувства. Обосновывая свои мысли и чувства и прислушиваясь к мнению своих сверстников, дети становятся критическими слушателями не только других, но и самих себя. Они узнают, что то, что они думают и чувствуют, имеет вес, имеет значение в глазах других, что повышает самооценку. В процессе философствования дети также вырабатывают свои собственные критерии («пробные камни») реальности. Более того, для ощущения целостности и обоснованности того, кто мы есть, необходимо самопознание, что дает нам осознание цели и направления развития.

Ключевые слова:

парресия,
критическое мышление,
философствование с детьми,
самопознание,
мета-когнитивные навыки

¹ Перевод статьи выполнен С. В. Борисовым по изданию: Tillmanns, Maria daVenza (2022). "How Parrhesia in Doing Philosophy With Children: Develops Their Touchstones of Reality". *International Journal of Philosophical Practice*, vol. 8, no. 1, pp. 1-11.

Конгресс не должен издавать ни одного закона, относящегося к установлению религии либо запрещающего свободное ее исповедание, либо ограничивающего свободу слова или печати...

Первая поправка к Конституции США, 1787 г.

Парресия впервые упоминается в греческой литературе в V в. до н. э. Это понятие имело много разных значений, но в основном относилось к праву говорить свободно и открыто, высказывать собственное понимание истины перед лицом тех, кто обладает властью. Как пронзительно заметил Вольтер (хотя считается, что это ему приписывают ошибочно): «Если вы хотите знать, кто манипулирует вами, посмотрите, кого вам не разрешено критиковать». Другими словами, не ваше дело подвергать сомнению или критиковать тех, кто имеет над вами власть на основании богатства, статуса, пола и т. д.

В «Речи и истине. Лекциях о парресии» (1982—1983) Мишель Фуко утверждает, что парресия — это вербальная деятельность, в которой говорящий выражает свое личное отношение к истине, ради которой он готов рисковать своей жизнью, потому что он признает правдивость как обязанность заботиться о других людях (а также о себе). В парресии говорящий пользуется своей свободой и выбирает откровенность вместо недомолвок, правду вместо лжи или молчания, риск смерти вместо жизни и безопасности, критику вместо лести и моральный долг вместо корысти и моральной апатии [4, р. 5].

Помимо этого, существовала также форма парресии, придуманная для того, чтобы дать человеку право говорить свободно, не опасаясь за свою жизнь. По сути, парресия *меняет динамику* отношений суверена и подчиненного, тем самым меняя на время «порядок вещей». Именно это лежит в основе парресии. Например, государь для борьбы с лестью, вызванной его статусом, должен знать реальное положение дел, и парресия была таким способом узнавать правду от подчиненных, не считая их бунтовщиками, что без этого права могло бы привести к их наказанию или смерти. Правитель, обладающий властью, но лишенный истины, дарует парресию тому, у кого есть истина, но нет власти.

Как будет показано в этой статье, наделение детей парресией меняет характер отношений между взрослыми и детьми и

дает детям свободу, возможность свободно говорить. Это позволяет детям говорить «от себя» и быть услышанными. Например, когда я организовывала с детьми дискуссионную философскую группу во втором классе, я спросила одного из мальчиков, согласен ли он с тем, что только что сказал его учитель, который всегда присоединялся к нашим дискуссиям, на что тот ответил: «О нет! Я полностью не согласен с мисс Толедо». Я помню, каким стало ее лицо, когда ребенок высказывал свое мнение, и поняла, что она возмущена его «дерзостью». Но мой вопрос был в контексте работы нашей дискуссионной группы, которая открыла ребенку возможность свободно и открыто выражать свои мысли.

Есть еще один смысл употребления парресии, который Плутарх обсуждает в своем трактате-наставлении «О Детоводстве, воспитании детей» [13]. Парресия требует силы и мужества, однако силу можно выразить и через высокомерие; гордое и невежественное высокомерие создает лишь «шумовой эффект», превращая уверенность говорящего в бахвальство [4, р. 24]. Парресия не выполняет свою функцию, если отсутствует матезис — образование или мудрость. Чтобы парресия имела положительный эффект, считает Плутарх, она должна быть связана с хорошим воспитанием, сформированным интеллектом и моральной стойкостью.

Самопознание (*self-scrutiny*) — это упражнение или практика парресии с самим собой, для того, чтобы преодолеть свое невежество, как указывает Сократ, или же самообман, основанный на эгоцентризме, как указывает Плутарх.

Для Сократа преодоление невежества было связано со стремлением «познать себя». Личное *отношение говорящего к истине* наделяет человека самопознанием. Именно благодаря знанию правды о себе человек лучше подготовлен к усвоению истины о мире. Все это вместе расширяет как самопознание, так и знание о мире. Цель состоит в том, чтобы искать истину, а не слепо верить, что ты ей обладаешь. Самопознание и обретение способности быть правдивым, а также понимание сложности мира, в котором мы живем, — вот что инициирует философия — любовь к мудрости.

Дэвид Бом говорит о необходимости осознания своего мышления, чтобы меньше отождествлять себя с нашими неисследованными привычками или моделями мысли, в которых мы укоренились, чтобы у нас была возможность контролировать свои мысли и чувства, а не просто иметь

их в наличии или полностью от них зависеть [1; 7, р. 29].

Мета-осознание (*meta-awareness*) — это форма самопознания, посредством которой происходит переход от «частной точки зрения переживания к точке зрения свидетеля (наблюдателя) самого содержания нашего разума и сознания» [7, р. 26]. В качестве свидетеля мета-осознание (или самоосознание) служит «пробным камнем» для самопознания. Таким образом, важность самопознания заключается в том, чтобы иметь возможность обрести независимость от социальных сил, которые могут (негативно) влиять на отношение человека к самому себе. Другими словами, самопознание в конечном итоге формирует независимое мышление.

В «Речи и истине. Лекциях о парресии» Фуко утверждает, что базисная роль Сократа — это роль «пробного камня» [4, р. 37]. Эта роль «*basanos*» или «пробного камня», отмечает Фуко, характеризуется проверкой степени соответствия между жизнью человека (*bios*) и его интеллектом (*logos*). Сократ никогда не «отпустит» собеседника пока тщательно и должным образом не проверит все пути развития мысли. Греческое слово «*basanos*» этимологически означает кусок камня, который используется для проверки подлинности золота путем изучения полосы, оставленной на камне при прикосновении к тестируемому объекту. Такая роль Сократа позволяет ему определить истинную природу отношений между *logos* и *bios* тех, кто вступает в диалог.

У детей, как правило, нет расхождения между тем, как они живут и как они думают. Между их *logos* и *bios* нет «завора». Поскольку дети, особенно маленькие дети, действуют в соответствии с целостной включенностью в бытие, их способ вопрошания также основывается на целостном понимании мира. Таким образом, занятия философией с детьми помогают лучше понять суть самой философии. Ведь большая часть западной философии основана на *logos*, хотя, пожалуй, исключение составляют экзистенциальные философы, которые все-таки были сосредоточены на интеграции *bios* — *logos*.

В своей книге «Занятия философией с детьми в начальной школе: сложная деятельность» Берри Хисен показывает, что занятия философией с детьми — это форма парресии, поскольку она поощряет детей говорить свободно, прямо из своего собственного опыта, своих собственных мыслей и чувств [9, р. 43]. Исходя из этого, можно утверждать, что парресия коренным обра-

зом изменяет отношения взрослого и ребенка, ребенок больше не чувствует себя подчиненным в отношении взрослого и окружающего мира. Дети говорят *всем своим существом*, ничего не утаивая, свидетельствуя. Они говорят откровенно, как понимают мир и свидетельствуют о встрече с истиной. Они говорят, исходя из своего понимания истины, из своего собственного «*basanos*», генерирующего вопросы окружающему миру. Понимание истины, конечно, может меняться со временем, но главное, что постигнут сам способ встречи с истиной, «место» внутри себя, из которого каждый может выстраивать свои отношения с миром.

Часто по мере взросления мы склонны терять эту тесную связь *bios* — *logos*, что приводит к расколу между ними и миром из-за того, что у нас не было шанса развить внутренние основания представления о себе для исследования себя (самопознания) и мира вокруг нас.

Я утверждаю, что философствование с детьми, пока у детей еще есть эта тесная связь, позволяет не только ее поддерживать, но и посредством нее достигать самосознания и самопознания, тем самым развивая способность к самообладанию и независимому мышлению.

Однако на мой взгляд в философствовании с детьми слишком много внимания уделяется только *логосу* для развития хорошего мышления и навыков рассуждения. Но само по себе это развитие не даст детям опыта нахождения своего собственного «*basanos*», который находится в пределах отношений *bios-logos*.

Как отмечает Даррен Четти, предоставить детям форум для свободного самовыражения — легче сказать, чем сделать, учитывая тот факт, что данный «форум» как правило организовывается по принципам «закрытого» исследовательского сообщества [2; 3, р. 39]. Недостаточно уметь подвергать сомнению определенные мысли и предположения, если это не предполагает в конечном итоге выхода за пределы «закрытого» сообщества. Согласно Четти, «закрытое» сообщество принимает «реальность» без ее «историчности, без изучения и оспаривания господствующих представлений» [3, р. 39] о том, что эта реальность представляет собой, или, как замечает Бом, без обращения к «неисследованным привычкам ума или образцам мышления», с которыми мы отождествляем себя. В этом контексте Четти отмечает, что пока, например, превосходство белых является принятой нормой и составляет наше основное понимание ре-

альности, мы существуем и действуем в «закрытом» сообществе. Более того, как только мы начинаем подвергать сомнению норму превосходства белых, мы сталкиваемся с тем, что Хейнс и Маррис называют «запретными зонами» (*“no-go” areas*) [8, p. 296].

Вопрос заключается в том, может ли философия с детьми функционировать как форум, посредством которого меняется динамика отношений взрослый-ребенок, предоставляя детям возможность открыть свой собственный голос или «*basanos*» даже в условиях «закрытого» сообщества?

Приведу несколько примеров из собственного опыта занятий философией с детьми, чтобы показать, как можно осуществить и задействовать «*basanos*».

После небольшого вступления, например, чтения книжки с картинками и постановки проблемного вопроса, дети обсуждают, какое значение эта история имеет лично для них. Для меня ключом к началу обсуждения является вопрос-апория детям, то есть вопрос, который создает ситуацию апории, *замешательства* или *изумления*, чтобы дети ощутили свое недоумение, замешательство.

Вопрос-апория открывает в детях состояние парресии, теперь им приходится говорить исходя из того, в чем они действительно уверены, чтобы разрешить запутанную проблему. Им не на что опереться, кроме собственного критерия истины, или «*basanos*», с помощью которого можно работать с этими головоломными вопросами. Таким образом, парресия позволяет им свободно говорить, исходя из их собственных «пробных камней» реальности, парресия становится основой для действительно независимого мышления. То, что они говорят, имеет значение, и дает им уверенность, что их голос слышат и воспринимают всерьез.

В процессе обсуждения этих сложных вопросов со своими одноклассниками у детей развивается более глубокое понимание проблемы, основанное на том, что они прислушиваются к тому, что говорят другие. Когда дети вступают в диалог, исходя из собственного чувства истины, они также учатся прислушиваться к истинам своих сверстников. То, что сказано, имеет значение и создает пространство для правдивой речи и слушания, не разграничивая эти процессы.

Занимаясь философствованием, дети учатся интегрировать точки зрения других и более широко смотреть на обсуждаемую тему. Замешательство, возникающее при обнаружении различных точек зрения, должно дать новое понимание реальности,

которое нельзя свести к простым «согласен» или «не согласен».

Парресия не только развивает у ребенка «*basanos*», но также поощряет самопознание и саморефлексию. Таким образом, дети укрепляют свое основание во взаимосвязи *bios-logos*, что предотвращает в дальнейшем по мере инкультурирования возможность раскола.

Многие диалоги Платона оставляют нас в состоянии апории, философской загадки и, казалось бы, неразрешимого тупика в исследовании. По поводу того, что мы думали, что знали, основываясь на нашем логосе, возникает незнание. Тем не менее, в самом процессе диалога мы можем все больше осознавать, например, что значит быть мужественным, даже если мы не можем объяснить это рационально. В нас развивается более глубокое понимание проблемы.

К сожалению, некоторые методики философствования с детьми сосредотачиваются исключительно или в основном на логосе, развивая хорошие навыки критического мышления и улучшая способность детей логично рассуждать. Я подчеркиваю: «к сожалению», потому что, хотя эти навыки для ребенка ценны, они не должны мешать открытию и развитию собственных критериев («пробных камней») реальности.

Вот несколько примеров использования апорий, чтобы побудить детей откровенно говорить о том, как они видят и понимают те или иные проблемы.

После прочтения книжки с картинками всем классом мы переходим к обсуждению истории в кругу на полу с одной половиной класса в то время как другая половина выполняет письменную работу. Обсуждение сосредотачивается на вопросах в контексте прочитанного.

Итак, новелла «Клуб» из книги Арнольда Лобеля «Кузнечик в пути» [11]:

Кузнечик идет по дороге и видит стаю жуков с табличками, на которых написано, что они любят утро. Жуки любят утро и каждое утро встречают праздником. Завидя Кузнечика, они спрашивают его, любит ли он утро, на что получают утвердительный ответ. Жуки в восторге и принимают его в свой клуб «Любителей утра». Однако вскоре жуки узнают, что Кузнечик любит не только утро, но также и день, и ночь. В возмущении жуки срывают с него знаки принадлежности к своему клубу, утверждая, что никто из тех, кто любит день или ночь, не может быть членом нашего клуба. И Кузнечик идет своей дорогой, любясь блеском росы на солнце, продолжая при этом любить утро.

Дети подняли вопрос в том, имеют ли жуки право исключить Кузнечика из клуба. Обнаружились разные представления об этом. Некоторые говорят «да», потому что это клуб жуков, и они учреждают правила. Другие говорят «нет», и жуки должны оставить Кузнечика в клубе, поскольку он также любит утро.

Апория возникла в понимании *справедливости*. Справедливо ли было исключать Кузнечика? Ведь даже если у жуков есть право исключать из клуба, должны ли они его применить к Кузнечику? Дети полагают, что это было бы несправедливо, ведь жуки не сообщили ему о своих правилах с самого начала. Они сделали его членом клуба, потому что он любит утро, и выгнали его, когда он сказал, что любит еще день и ночь. Получается, что у самого Кузнечика не было ни права выбора, ни права голоса. С другой стороны, другие дети предположили, что Кузнечик сам мог догадаться, что жуки любят только утро, потому что весь их ритуал свидетельствовал об этом. Однако и в этом случае дети решили, что было бы несправедливо выгонять Кузнечика, потому что в этом видится проявление грубости и насилия со стороны жуков.

На основе этого возникает другая апория: а что в этом случае можно считать справедливым? Один ребенок предложил следующее: пусть какой-то жук отведет Кузнечика в сторону и объяснит ему правила клуба, а затем пусть все жуки проявят к Кузнечику уважение и дадут ему право самому решить остаться или уйти.

Третий вопрос-апория возник по поводу того, откуда мы вообще знаем, что справедливо, а что нет? Как мы вообще определяем справедливость? Большинство высказалось за то, что в любом случае быть грубым и недобрым несправедливо.

Когда с учениками третьего класса мы обсуждали понятие справедливости, одна ученица спросила, справедливо ли то, что ее попросили убраться не только в своей комнате, но и в комнате брата? С одной стороны, исходя из ценностей ее семьи, родители «справедливо» ожидают, что она будет убирать и комнату брата. Но она полагает, что эти ценности могут быть подвергнуты сомнению на каком-то ином, личностном уровне. Дело не в том, что, подвергая сомнению ценности своей семьи, она решила больше их не соблюдать, а в том, что у нее есть *личная осознанная способность* поставить под сомнение эти ценности. Это дает представление о более широких возможностях, о способности управлять своим мышлением и развивать его независимость.

Опять-таки, дело не в согласии или несогласии с ценностями ее родителей как таковыми. И она вполне может и дальше придерживаться традиционных ценностей своей семьи. Однако это не должно повлечь за собой противоречие. Это должно сформировать осознание, что существует множество способов смотреть на одни и те же вещи и множество способов понимания того, что делает что-то справедливым или нет в конкретных ситуациях.

Морис Фридман, известный ученик Мартина Бубера, придумал для этого фразу: «удерживать напряжение», имея в виду способность противодействовать, с одной стороны, дихотомическому мышлению «или-или» и, с другой стороны, любой попытке поспешного синтеза [5, р. 336; 15].

В рассматриваемом выше случае девочка также не скатывается в дихотомию «или-или», противопоставляя ценности своей семье своему собственному пониманию истины о справедливости. Она в состоянии «удерживать напряжение» между двумя «реальностями», считающимися справедливыми. Она может по-прежнему следовать правилам своей семьи, но не отказываться при этом от собственного чувства истины. «Удержание напряжения» позволяет ей уважать ценности своей семьи, а также уважать себя, руководствуясь собственным «пробным камнем» реальности. Теперь она в состоянии и дальше пребывать в отношении *bios — logos*, реагируя на окружающую ее действительность так, как она считает нужным. Она ответственна за свое мышление, она по-настоящему сильный независимый мыслитель. Без развития самоконтроля, развитого в результате практики парресии в отношении себя, она, вероятно, оставила бы вопрос о критериях реальности за границей своего исследования.

Продолжая тему справедливости, один ученик предположил, что грубость сама по себе является актом несправедливости. Он применил понятие справедливости не только к тому, было ли справедливо или нет исключить кого-либо из клуба на основании правил клуба, но и к тому, *как* это было сделано. Этот пример показывает, какие аргументы приводились не только в пользу или против допущения кого-либо в клуб, но и как они могут применяться к более широкой картине того, что значит принадлежать к клубу. Имеем ли мы право плохо или даже грубо обращаться с кем-то, кто, по нашему мнению, не принадлежит к нашему клубу? Это справедливо?

Вот еще одна новелла «Драконы и гиганты» в книге «Неразлучные Лягушка и Жаба» Арнольда Лобеля [10]:

Лягушка и Жаба хотят узнать, храбры ли они, поскольку по их внешнему виду этого не скажешь. Они решают подняться на гору, чтобы познать свою храбрость. При этом они натываются на змею, которая хочет их съесть, потом на их пути оказывается лавина катящихся камней, а на самой вершине горы над ними проносится ястреб. Все эти встречи приводят их в ужас. Наконец, достигнув вершины горы, они со всех ног бегут обратно вниз, к дому Жабы, где Жаба в страхе заползает под одеяло, а Лягушка прячется в чулане. Они проводят там долгое время, осознавая, насколько они храбры.

Итак, вопрос: храбры ли Лягушка и Жаба? Многие дети говорят, что, если ты смелый, ты не должен бояться, а поскольку Лягушка и Жаба боятся, их нельзя назвать храбрыми.

На основе это возникает более глубокий вопрос-апория в том, всегда ли тот, кто смелый, ничего не боится? Если вы ничего не боитесь, что же делает вас храбрым? Если вы не боитесь собак, когда видите их на улице, означает ли это, что вы смелы? Дети озадачены этим вопросом и не всегда сходу могут найти выход из этой дилеммы, пока не придут к мысли, что элемент опасности играет решающую роль в определении смелости или боязливости. Змея из рассказа представляла собой элемент опасности, как и лавина, и ястреб. Один ребенок заметил, что, если вы не боитесь, вы просто не осознаете, в какой опасности вы находитесь.

Еще один вопрос апории: храбры ли Лягушка и Жаба, когда всеми доступными средствами спасаются от змеи, лавины или ястреба? Кажется, это не характеризует Лягушку и Жабу как храбрецов. Но не было бы просто глупой беспечностью если бы Лягушка и Жаба не защищали себя?

Третий вопрос апории: откуда мы узнаем, что мы глупы или храбры, сталкиваясь с опасностью?

Особенностью этих вопросов-апорий является то, что они кажутся нелогичными и противоречивыми. На первый взгляд, эти вопросы не имеют смысла. Дети озадачены, они «в замешательстве», пока не осознают, что за очевидным парадоксом скрывается понимание того, что значит быть смелым в реальной жизненной ситуации. Только «чистый» разум говорит вам, что вы не можете быть храбрым и бояться одновременно. Но жизнь подсказывает, что, не зная о сопутствующей опасности и не испытывая страх, который приходит вместе с этим знанием, вы не сможете проявить храбрость.

Я прошу детей привести примеры того, когда они были храбрыми, связывая наше обсуждение с тем, что значит быть храбрым в контексте того, что мы думаем об этом (logos) и как это происходит в реальной жизни (bios).

Некоторые упомянули, что им пришлось проявлять смелость в первый день в школе, или когда им доводилось противостоять хулигану, или когда они впервые учились плавать. Во всех этих примерах дети описывали, как им приходилось преодолевать свой первоначальный страх: страх неудачи, страх перед неизвестностью, страх перед кем-то сильным. Таким образом, дети продемонстрировали *осознание* связи мышления и бытия.

Это также может быть форматом обсуждения важных вопросов, связанных с проявлением любой жизненной активности. Детская «воля», как бы сказала Мария Монтессори, взаимодействует с окружающей внешней реальностью, и благодаря своей активности развивает сознание [12, р. 96—99]. Без этой активности сознание или самосознание ребенка не может быть авторитетным в плане навыка владения собой, «познания самого себя». Если не отождествлять себя со своими мыслями и чувствами, а просто осознавать их, то блокируется также творческий потенциал мышления и понимания.

Когда теряется эта связь с собой в результате «подавления воли ребенка», утрачивается и его способность к самостоятельному (волевому) решению, самостоятельному (волевому) анализу и подлинно независимому мышлению. Элис Миллер называет такую практику «ядовитой педагогией»: попытками сломить дух ребенка, чтобы установить власть взрослого «для твоего же блага» [14]. Когда подавлено чувство собственного достоинства, то теряется также способность слушать голоса других и принимать их в качестве равноправных.

Монтессори подчеркивает важность *активного* включения воли ребенка в процесс обучения. Наказание и требование послушания лишают ребенка внутреннего авторитета, необходимого для того, чтобы он был в дальнейшем вектором его деятельности. Без этого усиливается зависимость и, в конечном счете, потребность подчиняться. Если ребенок не научился действовать по собственной воле, то неудивительно, что в результате у него не сформируется чувство собственного достоинства.

Занимаясь философствованием, дети осознают, что их мысли и чувства имеют значение, что они являются реальными

участниками образовательного процесса. А это осознание значимости собственных мыслей и чувств приводит к осознанию значимости мыслей и чувств сверстников, которые тоже заслуживают того, чтобы к ним прислушивались и принимали на равных. В таком образовательном процессе дети учатся говорить, опираясь на тесную связь *bios* — *logos*, исходя из уверенности, что их будут воспринимать всерьез. Одни мнения всегда бывают лучше других, и дети учатся признавать это: «О, то, что сказала Трейси, заставило меня передумать». Вот пример работы самопознания.

1. Bohm, D. *On Dialogue* / D. Bohm ; ed. Lee Nichol. — New York : Routledge, 1996.

2. Chetty, D. "The Elephant in the Room: Picturebooks, Philosophy for Children and Racism" / D. Chetty. *Childhood and philosophy*. Rio de Janeiro. — 2014. — № 10 (19). — Pp. 11—31.

3. Chetty, D. "Racism as 'Reasonableness': Philosophy for Children and the Gated Community of Inquiry" / D. Chetty. *Ethics and Education*. — 2018. — № 13 (1). — Pp. 39—54.

4. Foucault, M. *Discourse and Truth: The Problematization of Parrhesia* (Six lectures given by Michel Foucault at Berkeley, Oct. — Nov. 1983) / M. Foucault. 2006. — URL: <https://foucault.info/parrhesia> (дата обращения: 17.10.2022).

5. Friedman, M. *Martin Buber and the Human Sciences* / M. Friedman. — New York : State University of New York, 1996.

6. Friedman, M. *A Heart of Wisdom: Religion and Human Wholeness* / M. Friedman. — New York : State University of New York, 1992.

7. Gunnlaugson, O. "Bohman Dialogue: A Critical Retrospective of Bohm's Approach to Dialogue as a Practice of Collective Communication" / O. Gunnlaugson. *Journal of Dialogue Studies*. — 2020. — № 2 (1). — Pp. 25—34.

8. Haynes, J. "The Provocation of an Epistemological Shift in Teacher Education through Philosophy with Children" / J. Haynes, K. Murriss. *Journal of Philosophy of Education*. — 2011. — № 49 (2). — Pp. 285—303.

9. Heesen, B. *Filosofieren met kinderen op de basisschool: een complexe activiteit* / B. Heesen. — Enschede : Instituut voor Leerplanontwikkeling, 1990.

10. Lobel, A. "Dragons and Giants" in *Frog and Toad Together* / A. Lobel. — New York : Harper & Row Publishers, 1972.

11. Lobel, A. "The Club" in *Grasshopper on the Road* / A. Lobel. — New York : Harper Collins Publishers, 1978.

12. Montessori, M. *The Secret of Childhood* / M. Montessori. Trans. M. Joseph Costelloe, S. J. — New York : Ballantine Books, 1966.

13. Plutarch. *Moralia, De liberis educandis* (The Education of Children) / Plutarch / as published in Vol. I of the Loeb Classical Library edition, 1927. — URL: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Plutarch/Moralia/De_liberis_educandis*.html. (дата обращения: 17.10.2022).

14. Steinem, G. "Self-Esteem" / G. Steinem. Audiobook, Published June 1st 2001 by Better Listen Audio, 1991.

15. Tillmanns, M. *daVenza Philosophical Counseling and Teaching: "Holding the Tension" in Dualistic World* / M. daVenza Tillmanns. Michigan : ProQuest Dissertation Services, Chapter 1: The Philosophical Counseling Movement, 1998.

References

1. Bohm D. (1996) *On Dialogue*, ed. Lee Nichol, New York: Routledge [in Eng].

2. Chetty D. (2014) "The Elephant in the Room: Picturebooks, Philosophy for Children and Racism". *Childhood and philosophy*, Rio de Janeiro, no. 10 (19), pp. 11-31 [in Eng].

3. Chetty D. (2018) "Racism as 'Reasonableness': Philosophy for Children and the Gated Community of Inquiry". *Ethics and Education*, no. 13 (1), pp. 39-54 [in Eng].

4. Foucault M. (2006) *Discourse and Truth: The Problematization of Parrhesia* (Six lectures given by Michel Foucault at Berkeley, Oct. — Nov. 1983), available at: <https://foucault.info/parrhesia> (accessed 17.10.2022) [in Eng].

5. Friedman M. (1996) *Martin Buber and the Human Sciences*. New York, State University of New York [in Eng].

6. Friedman M. (1992) *A Heart of Wisdom: Religion and Human Wholeness*. New York, State University of New York [in Eng].

7. Gunnlaugson O. (2020) "Bohman Dialogue: A Critical Retrospective of Bohm's Approach to Dialogue as a Practice of Collective Communication". *Journal of Dialogue Studies*, no. 2 (1), pp. 25-34 [in Eng].

8. Haynes J. and K. Murriss (2011) "The Provocation of an Epistemological Shift in Teacher Education through Philosophy with Children". *Journal of Philosophy of Education*, no. 49 (2), pp. 285-303 [in Eng].

9. Heesen B. (1990) *Filosofieren met kinderen op de basisschool: een complexe activiteit*

---

iteit. Enschede, Instituut voor Leerplanontwikkeling [in Eng].

10. Lobel A. (1972) "Dragons and Giants" in *Frog and Toad Together*. New York, Harper & Row Publishers [in Eng].

11. Lobel A. (1978) "The Club" in *Grasshopper on the Road*. New York, Harper Collins Publishers [in Eng].

12. Montessori M. (1966) *The Secret of Childhood*, trans. M. Joseph Costelloe, S.J. New York, Ballantine Books [in Eng].

13. Plutarch. *Moralia, De liberis educandis* (The Education of Children) as published in Vol. I of the Loeb Classical Library edition, 1927,

available at: https://penelope.uchicago.edu/Thayer/E/Roman/Texts/Plutarch/Moralia/De_liberis_educandis*.html. (accessed 17.10.2022) [in Eng].

14. Steinem G. (1991) "Self-Esteem". Audiobook, Published June 1st 2001 by Better Listen Audio [in Eng].

15. Tillmanns M. daVenza (1998) *Philosophical Counseling and Teaching: "Holding the Tension"* in *Dualistic World*. Michigan, ProQuest Dissertation Services, Chapter 1: The Philosophical Counseling Movement [in Eng].

Статья поступила в редакцию 17.10.2022

For citing: Tillmanns Maria daVenza.
Social functions of the brand in the era
of digital transformation / M. daVenza Tillmanns //
Socium i vlast' [Society and Power]. — 2022. —
№ 4 (94). — P. 58—66. —
DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-58-66. —
EDN WIZJPO.

UDC 101.1-3

EDN WIZJPO

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-58-66

**HOW PARRHESIA
IN PHILOSOPHIZING
WITH CHILDREN
CONTRIBUTES
TO THE DISCOVERY
OF CRITERIA
("TOUCHSTONES") OF REALITY**

Tillmanns Maria da Venza,
University of California, Ph.D,
San Diego, USA.
E-mail: davenza@sbcglobal.net

Abstract
Parrhesia first appeared in Greek literature in the fifth century BC. Essentially, parrhesia refers to being granted the liberty to speak freely and openly without being deemed insubordinate to someone of greater authority and could otherwise lead

to punishment or death. Parrhesia allows one to speak truth to power, essentially benefiting the one in power who lacks insight into the truth of a situation. In his book, *Filosoferen met kinderen op de basisschool: een complexe activiteit*, Berrie Heesen describes how doing philosophy with children is a form of parrhesia in that it encourages children to speak freely and openly. Parrhesia changes the adult/child relationship. Taken seriously by adults as full-fledged human beings creates a space for children to take themselves seriously while also being held responsible for what they think and feel. By giving reasons for their thoughts and feelings, and listening to those of their peers, children not only become critical listeners of others but also of themselves. They learn that what they think and feel matters — that they matter in the eyes of others and themselves, raising their self-esteem as well. In the process, children also develop their own touchstones of reality. Moreover, (self-) scrutiny is essential to feeling whole and grounded in who we are, giving us a sense of purpose and direction.

Keywords:
parrhesia,
critical thinking,
philosophizing with children,
self-knowledge,
meta-cognitive skills

Для цитирования: Резвушкина, С. А. Мифологическое в парадигме постмодерна: историографический этюд / С. А. Резвушкина // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 67—82. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-67-82. — EDN GLJGST.

УДК 1 (091)

EDN GLJGST

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-67-82

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ В ПАРАДИГМЕ ПОСТМОДЕРНА: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ЭТЮД¹

Резвушкина Софья Александровна,
Южно-Уральский государственный университет,
преподаватель кафедры философии.
Челябинск, Россия.
E-mail: Finntundra@gmail.com

Аннотация

Введение. Лексема «миф» является ординарной для современного человека, однако её значение представляет собой расплывчатый круг дефиниции. Автор задаёт вопрос, как понимает миф современный человек, как его использует и какие подходы к изучению проявлений мифологического используются в современной науке. Но для того чтобы корректно ответить на эти вопросы, необходимо уточнить понятие «современность». По мнению автора, корректно обосновать понятие современности можно посредством использования метода парадигмального анализа А. Г. Дугина. В русле этого подхода понятие «современность» является концептуально тождественным парадигме постмодерна.

Цель. Провести ревизию современной литературы (литературы парадигмы постмодерна), посвящённой научному исследованию мифа и проявлений мифологического в бытии человека, осуществить её анализ в русле парадигмального подхода. Ввести в научный оборот новые источники и на основании совокупности новых и существующих источников предложить подробный историографический обзор литературы.

Методы. Основным методом, используемым в данной работе, заявлен парадигмальный анализ А. Г. Дугина. Помимо него был использован системный подход и общенаучные методы — анализ и синтез, индукция, дедукция, абстрагирование.

Научная новизна исследования. Основную научную новизну исследования составляет использование метода парадигмального анализа в изучении мифологического. Помимо этого в научный оборот вводится ряд новых источников (изданных в период с 2020 по 2022), посвящённых теме мифа.

Результаты. В рамках данной статьи было проанализировано свыше 60 работ по теме мифа и мифологического. На их основании произведен исчерпывающий историографический обзор существующей современной литературы, посвященной исследованиям мифа и проявлений мифологического в бытии человека. Выделены ключевые аспекты мифа, подвергающиеся изучению в настоящее время.

Выводы. Рассматривая представленную литературу в русле парадигмального подхода, автор эксплицирует основные аспекты изучения мифологического, являющиеся характерными для этой парадигмы, и предполагает дальнейшие векторы её развития. По мнению автора, миф всё больше интегрируется в цифровую и виртуальную среду, что актуализирует потребность его изучения уже в русле цифровой антропологии. Также автор выдвигает тезис, что навыки цифровой грамотности могут способствовать снижению идеологической нагрузки мифа, проявляющейся в цифровой среде в виде фейк-ньюс и прочих инструментов гибридных войн.

Ключевые слова:

миф,
мифологическое,
парадигмальный анализ,
историографический обзор,
цифровая антропология,
цифровая грамотность,
виртуальная среда,
парадигма постмодерна

¹ Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда. Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

Введение

Слово «миф» является довольно ординарной лексемой для человека, несмотря на расплывчатый круг дефиниций: под мифом понимается одновременно как чудесное предание, так и совершенная небыллица. Такая широкая трактовка может быть обусловлена всеохватностью мифа — человеческое бытие пронизано различными мифологемами разной степени отрефлексированности. Более того, российский философ А. М. Лобок утверждал, что именно стремление к мифотворчеству и дальнейшее подчинение человеческого сообщества мифоцентричной культуре в ущерб (!) естественным инстинктам является основополагающей характеристикой человека как вида [33].

Само по себе слово «миф» восходит к древнегреческому «μῦθος» и означает «слово, речь, рассказ». Те же значения имеют слова «ἔπος» и «λόγος». И для того чтобы понять термин «миф» предельно корректно, необходимо разграничить эти термины этимологически, поскольку, имея в греческом языке изначально одинаковое значение «слово, рассказ», они различаются по своему этимону и в связи с этим отражают разные смысловые оттенки.

Термин «λόγος» восходит к праиндоевропейскому корню *leg — «собирать» и в большей степени обозначает слово как результат конструирующей деятельности мышления, смысл чего-либо [34]. В свою очередь «ἔπος» происходит от праиндоевропейского корня *wekw — «говорить». Это слово художественное, изречённое [61].

Показательно, что для «μῦθος» этимологию установить не удаётся [46]. В таком случае попытаемся реконструировать его первичное значение исходя из реляции с остальными терминами. Изначально «μῦθος» как совокупность ценностных и мировоззренческих сакральных истин противопоставлялся профанному и эмпирическому «ἔπος», но уже начиная с V в. до н. э. антагонистом мифа вместо эпоса стал «λόγος» [15]. Из этого первичного антагонизма понятий возникает предположение, что в отличие от «эпоса» — речения или слова профанного, мифос — это слово сакральное, изрекаемое «не просто так».

Согласно М. Элиаде, «миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена “начала всех начал”. Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла

своего воплощения и осуществления...» [58, с. 15].

Таким образом, получаем, что эпос — это героический нарратив, который рассказывается, в то время как мифы — «актуализируются». При их изложении восстанавливается и переустанавливается эпоха «золотого века», и, как следствие, «в определённой мере человек становится соучастником упоминаемых событий» [58, с. 28]. Собственно, из этого и возникает антагонизм с логосом — миф нельзя превратить в сухой экстракт, для реактуализации рассказываемый нарратив должен быть предельно полным и магическим.

Таким образом, напрашивается вывод, что в своём первичном значении миф представлял собой онтоисторический нарратив, содержащий в себе прескриптивный культурный код эпохи и расшифровывающий наиболее референтные для данного исторического периода смыслы.

Конвенциональная современная дефиниция утрачивает в мифе онтологическое измерение, сводя миф к повествованию, передающему представления людей о мире, месте человека в нём, о происхождении всего сущего, о богах и героях и предполагающему приоритет режима одновременности восприятия и мышления» [52, с. 75—81]. Эта утрата онтологического измерения упрощает миф, сводя его к набору символов и аллегорий, которые могут быть прочитаны как код. Однако «для тех, среди кого миф возникал и бытовал, его содержание никогда не могло быть символом и аллегорией — это была реальность» [6, с. 109]. Иначе говоря, если человек мыслит «внутри» мифа, внутри его структур, то он не может воспринимать сам миф критически, поскольку миф как нарратив представляет собой сюжетно-образную матрицу, которая содержит в свернутом виде основные экзистенциальные модели и детерминирует оптику мировосприятия.

Именно от такого понимания мифа отталкивается автор в настоящей статье аккумулируя под термином «миф» массив онтоисторических нарративов, которые транслируют человеку в метафорической форме ту или иную систему прескрипций. Исходя из этого также нужно ввести термин «мифологическое», понимаемый автором настоящей статьи как репрезентацию человеком отдельных архетипов коллективного бессознательного и/или целостных мифологем. Связка «миф» — «мифологическое» может быть описана в терминах «общего» и «частного», где мифологическое — это вариативное проявление отдельных элементов мифа в бытии человека.

При этом структуралистские и постструктуралистские изыскания в области компаративистской мифологии убедительно показывают, что упомянутая выше сюжетно-образная матрица едина для большинства известных учёным мифологем, а существующая вариативность внутри различных мифологий обусловлена климатическими и экономическими условиями. Так, в частности, Дж. Кэмпбелл в своей книге «Герой с тысячей лиц» называет общую для всех мифов секвенцию действий «мономифом», обстоятельства которой могут варьироваться в зависимости от региона, но сам нарратив остаётся универсальным и представляет собой в преувеличенном виде все обряды перехода [66, с. 23]. Концепция мономифа имеет некоторое родство с «Морфологией волшебной сказки» В. Я. Проппа, где он также описывает наиболее обязательные функции для развития сюжета [49]. Основные структурологические идеи В. Я. Проппа развил его ученик И. И. Земцовский в своей статье «Do it with Propp» [23, с. 70—72].

Обобщая выводы структуралистов, можно с полным правом заявить, что все мифологемы в сути своей родственны и восходят к архетипам коллективного бессознательного. При этом антропологи фиксируют движение архетипов от архаического мифа и ритуала через фольклорные и литературные модели к таким феноменам массовой культуры, как литература и кино. Показательно при этом, что упоминаемые выше работы «Герой с тысячей лиц», «Морфология волшебной сказки» и «Do it with Propp» используются в качестве руководства сотрудниками крупнейшей «фабрики мифов» XX века — Голливуда [22, с. 28]. Иными словами, кино адаптирует миф к современным реалиям. А тотальная цифровизация и мультикультурализм размывают понятие культурной вариации: современный человек от Африки до Финляндии получает одни и те же мифы и, соответственно, один и тот же прескриптивный код.

Но какие смыслы вкладывает современный человек в этот мифологический код? Какова его оптика? Какие подходы к пониманию мифологического он использует? Чем отличается его видение мифа в условиях тотальной цифровизации (и, следовательно, мифологизации) от видения мифа в предшествующую, доинформационную и доцифровую эпоху? Для этого необходимо провести историографический анализ современных работ, посвящённым тем или иным аспектам мифологического в массовой культуре. Однако здесь возникает вопрос,

как именно определять хронологические рамки современности. Очевидно, что если мы берем современность в её понимании как историческую единовременность, то в работе придётся учитывать и те сообщества, которые в настоящий момент находятся на родоплеменном этапе. Такое прочтение существенно «расшатывает» выборку, поскольку очевидно, что осмысление мифа в традиционном и информационном сообществе будет существенно отличаться. Другим ошибочным решением было бы трактовать современность как «modernity» — и противопоставлять современность традиции, традиционному обществу [8]. Этот подход даст нам слишком широкие хронологические рамки, в которые мы будем вынуждены включить индустриальное и постиндустриальное общество. При этом человек, хоть сколь-нибудь искушённый в истории философии, отметит, что понимание мифа в эти периоды также существенно отличается.

Методы

Это противоречие в интерпретации современности может быть снято посредством использования метода парадигмального анализа А. Г. Дугина. Этот метод предлагает рассматривать исторический процесс как деление всей истории человеческой мысли на три фундаментальные категории — традиционное общество (премодерн), общество Нового времени (модерн) и постиндустриальное информационное общество (постмодерн) [21, с. 5].

Наследуя это деление у Ю. Хабермаса, Дугин наполняет его философско-антропологическим значением — каждая категория понимается как парадигма, в центре которой стоит человек с определённым онтологическим, гносеологическим, этическим, аксиологическим и духовным миропониманием. В своей работе «Постфилософия: три парадигмы в истории мысли» А. Г. Дугин предлагает понимать под парадигмой комплекс имплицитных установок, детерминирующих манеру изучения природы реальности. Будучи эксплицитными, эти установки генерируют многообразные философские, научные, религиозные, культурные системы и комплексы, которые объединены общностью структуры их мышления [21, с. 19]. Такое понимание парадигмы созвучно описанному выше пониманию мифа, как онтоисторического нарратива, имплицитно содержащего в себе культурный код.

Парадигмальный анализ является перспективным методом для изучения

мифологического, поскольку внимательное изучение дугинистского понимания парадигм демонстрирует, что в сути своей они мифоцентричны, и каждая из этих парадигм определяется через отношение к архаичному пласту культуры и мышления. Так, парадигма премодеерна демонстрирует нам общество, в котором мифологическое сознание является оптимальным и единственным. Парадигма модерна отрицает мифологическое и на основании этого отрицания выстраивает рациональную картину мира. А постмодерн (в концепции А. Г. Дугина тождественный современному этапу развития большинства сообществ) обнаруживает нехватку иррационального, за счёт чего мифологические элементы бриколлажируются, рекомбинируются с рациональными и встраиваются в наличное бытие.

Деление сообществ по парадигмальному принципу удобно ещё и тем, что парадигма предшествует различению области гносеологии и онтологии. А. Г. Дугин описывает её как своего рода «примордиальную туманность» [21, с. 17], в которой не выделяется ни объект, ни субъект познания. Парадигма как предсистема обладает большей целостностью, что позволяет рассматривать её как саму структуру мышления в изначальном единстве. При этом концепция Дугина созвучна с идеей Мартина Бубера о двух формах миропонимания: «Я — Ты» и «Я — Оно» где отношение «Я — Ты» соответствует мироотношению в парадигме премодеерна, а «Я — Оно» тождественно утилитарно-материалистическому пониманию модерна [14]. Таким образом, мы видим, что обе эти концепции обнажают существующую проблему: как соотносится человек с миром в парадигме постмодерна, если для этой парадигмы характерно активное использование мифологических структур в форме, отличающейся от премодеернистской?

Выбор парадигмального анализа как методологической основы исследования требует чёткого очерчивания временных и концептуальных рамок. Под постмодерном в данном исследовании понимаются работы, написанные преимущественно в рамках западноевропейской философии в период со второй половины XX века по настоящее время. Очевидно, что для разных наук эта граница будет плавающей, следовательно, помимо хронологии следует обратить внимание и на определённые концептуальные маркеры.

Концептуально постмодернистские исследования мифологического являются постнеклассическими за счёт своей меж-

дисциплинарности, методологической диффузии (балансирующей порой на грани фейерабендовского эпистемологического анархизма), утилитаризма и ярко выраженной тенденции к эволюционизму в исследовании [51, с. 83—84]. Такой поворот к междисциплинарности и методологической гибкости мы можем обнаружить в момент зарождения. Он маркирует переходный период между научными студиями модерна и постмодерна, поскольку обращается к изучению премодеерна не через отрицание или постулирование его как «идеальной модели», а через построение объективного знания о нём, через поиск точек контакта и общей структуры.

Таким образом, в выборку данного литературно-историографического обзора войдут исследования в области мифологического, начиная с 1928 года — даты публикации одной из первых подлинно структуралистских работ «Морфология волшебной сказки» В. Я. Проппа и по настоящее время. Это несколько сдвинет конвенциональную рамку хронологии постмодерна, но позволит комплексно рассмотреть парадигмальные особенности изучения мифологического в постмодерне за счёт фундирования их в истории философии. Для большего удобства работы будут располагаться в хронологическом порядке их выхода в печать и не делиться на направления.

Результаты

Упомянутая выше работа В. Я. Проппа «Морфология волшебной сказки» интересна тем, что она одна из первых задействует методы структурной антропологии на поле фольклористики, за счёт этого занимая промежуточное положение между этнографией и филологией. В целом следуя воззрениям Фрэзера, В. Я. Пропп изучает корпус волшебных сказок и выделяет в волшебной сказке метасюжет, состоящий из различных функций. Этот сюжет является подвергшимся варьированию деталей мифом [49, с. 23]. Также Пропп выдвигает гипотезу, что сказка восходит напрямую к обрядам инициации и является отражением цикла представлений о времени и смерти.

Приблизительно в это же время во Франции Ж. Дюмезиль предлагает теорию трёхфункциональной структуры европейских мифов, используя в некоторых работах методы неомифологического ритуализма и функционализма [59, с. 178]. Поставив проблематику триадной структурной модели и показав её иерархически, Дюмезиль тем са-

мым положил краеугольный камень в основание структурализма.

В. Вундт, написавший такие работы, как «Психология народов», «Миф и религия», изучал мифологическое через призму психологии [17]. Именно он увидел связь между аффективными состояниями, сновидениями, ассоциативными цепями и мифами. По Вундту, мифологическая «апперцепция» первична, мифологические представления транслируют наличное бытие, которое дополнено ассоциативными представлениями. З. Фрейд подхватывает идею «апперцепций» и переносит её на концепт бессознательно. В «Тотем и табу» он показывает, что в эдиповом комплексе имплицитно содержатся зачатки религиозных представлений, понятия нравственности, морали, общества, искусства [55, с. 573]. Запреты на инцестуальные отношения, столь широко представленные в мифах, превращают племя в род, и возникают нормы морали. Таким образом, миф для Фрейда и его последователей — это иллюстрация вытесненных сексуальных желаний, которые являются одним из важнейших аспектов становления личности.

Более витальная попытка связать мифы с бессознательным принадлежит К. Г. Юнгу, который исследовал глубинный коллективно-бессознательный слой психики человека. Он предположил, что бессознательное продуцирует схемы, априорно формирующие представления человека [2, с. 113]. Эти схемы, мотивы и комбинации понятий Юнг определил как архетипы, являющиеся содержанием коллективного бессознательного, проявляющегося в связи с мифами [63, с. 11]. В соавторстве с К. Кереньи он описывает миф как почву, в которой фундаментальна психологическая жизнь человека [62, с. 20].

Символическую интерпретацию мифа, хоть и с определённым феноменологическим уклоном, даёт Э. Кассирер. Он рассматривает мифологию как автономную символическую форму культуры, для которой характерен особый способ символической объективации чувственных данных. Для Кассирера миф — тотальный способ мышления, который существует с самого начала человеческой культуры и является необходимой фазой в развитии любой символической формы [25, с. 3—30]. Характерной особенностью этой фазы он называет тождество реального и идеального. Такое соотношение влечёт за собой трансформацию смежных явлений в причинную последовательность посредством материальной метаморфозы.

Таким образом, отношения между феноменами отождествляются, а не синтезируются, и часть становится функционально равна целому [24].

Другим автором, создавшим фундаментальную концепцию мифа в этот же исторический период, можно назвать А. Ф. Лосева. Он концептуализировал миф как «...диалектически необходимую категорию сознания и бытия, которая дана как вещественно-жизненная реальность субъект-объектного, структурно выполненного (в определённом образе) взаимодействия, где отрешённая от изолированно-абстрактной вещиности жизнь символически претворена в до-рефлексивно-инстинктивный, интуитивно понимаемый умно-энергетический лик» [35, с. 115].

Парадоксально, но сходный образ мифа рисует и отец философии традиционализма Рене Генон. В «Эзотеризме Данте» он обращается ко вневременному символическому мифологическому уровню культуры, тем обнаруживая пласт универсального, не затрагиваемого хронологическими частностями и индивидуальными привнесениями [18, с. 429]. Генон обозначает этот пласт как «примордиальную традицию», в которой индивидуальное и партикулярное в бытии человека подчинено высшему, сверхчеловеческому порядку.

Идеи Генона развивает его друг и идейный последователь Юлиус Эвола. Испытав значительное влияние «философии жизни», Эвола синтезирует её с традиционалистским дискурсом, тем самым помещая Ф. Ницше в среду исследователей примордиальной традиции. Особенно ярко это видно в его статье «Дионис и Путь левой руки», где он даёт эзотерическую трактовку «Рождению трагедии из духа музыки». Мифологические фигуры Аполлона и Диониса Эвола предлагает прочитывать не как конкретных божеств, но как символы или способы мышления, определяющие характер экзистирования сообщества [56]. Также ему не чужд и методологический тезаурус юнгианства. Проявляя интерес к герменевтике символа, Эвола открыто постулирует его связь с бессознательными структурами человеческой психики и выдвигает гипотезу, что мифы и символы выражают реальность высшего, архетипического порядка [57, с. 25].

В рамках феноменологического религиозоведения идеи Р. Генона и Ю. Эволы подхватил и развил М. Элиаде. Для него миф — это нуминозный опыт, в центре которого стоит архетип. Таким образом, в его концепции в первую очередь миф является онтоисторическим нарративом, и только

потом — преданием: «Миф излагает сакральную историю, повествует о событии, произошедшем в достопамятные времена “начала всех начал”. Миф рассказывает, каким образом реальность, благодаря подвигам сверхъестественных существ, достигла своего воплощения и осуществления...» [58, с. 15]. При изучении мифа для Элиаде решающее значение имела герменевтика, сам свой метод он называл именно герменевтикой феноменологии религии [20, с. 12]. Он считал, что «правильный анализ мифов и мифической мысли, символов и первоначальных образов, особенно религиозных образов творения... является <...> единственным способом открыть западный ум и ввести новый, планетарный гуманизм... Таким образом, правильная процедура понимания их значения заключается не в натуралистской “объективности”, но в разумной симпатии герменевта. Это убеждение руководило моим исследованием значения и функции мифов, структуры религиозных символов и в общем диалектикой сакрального и профанного» [68, с. 87].

Значимым этапом в истории изучения мифологического стал выход в 1949 г. ранее упоминаемой монографии Дж. Кэмпбелла «Тысячеликий герой». Базируясь на изысканиях Фрейда, Юнга, Фрэзера и Ф. Боаса, Кэмпбелл демонстрирует переход компаративистской мифологии на качественно новый уровень. Анализируя корпус источников, ему удаётся выделить общую сюжетную структуру, в основе которой лежит путешествие архетипического героя, развивающееся по единой фабуле с незначительным количеством вариаций [66, с. 23]. По Кэмпбеллу, прохождение всего пути героя приводит его актора к максимально полной реализации личностного потенциала. Кэмпбелл склонен видеть в мифах и символах некие аффективные образы, которые корреспондируют с внутренними потребностями большинства индивидов и являются «энергосберегающими и предписывающими знаками» [65, с. 129].

Следующая работа, которой необходимо уделить внимание в рамках данного историографического обзора, это «Структурная антропология» К. Леви-Стросса, которая сформировала и закрепила методологический тезаурус структурализма, выросший из структурной лингвистики Ф. де Соссюра [32, с. 241—244]. Согласно воззрениям структуралистов, миф является одной из универсальных структур, действующих как бессознательный механизм и выступающих в качестве регулятора духовного бытия чело-

века. Эти структуры могут быть исследованы как единая знаковая система, связывающая языковой пласт культуры с фундированными в коллективном бессознательном универсалиями. Леви-Стросс, а за ним Ж. Лакан и М. Фуко считали, что изучение символического опыта способно повлечь за собой его социальное выражение, трансформируя дискурсивные практики [31, с. 29].

Дискурсивный потенциал мифа дал импульс для нового витка изучения мифологического, поскольку миф как форма трансляции дискурса или экспликации его бессознательных интенций мог стать одной из ключевых форм управления обществом в информационном обществе. Особенно ярко такое понимание мифа было раскрыто в сборнике «Мифологии» Р. Барта, вышедшем в 1957 г. Согласно его концепции, миф — это не архаика, но живая реальность, которая наполняет общество, являющееся, по сути, знаковой системой [12, с. 5—53]. В этой оптике миф интерпретируется как дискурс, функция которого «удалять реальность, <...> он ощущается как её отсутствие» [12, с. 270]. За счёт этого миф превращается в совокупность коннотированных означаемых, которые образуют имплицитно содержащийся в их сумме идеологический посыл мифообразующего дискурса [11]. Из этого следует двойственная природа мифа по Барту: с одной стороны, он активно действует в сторону трансформации реальности и приведению в максимальное соответствие с ценностными ожиданиями носителей мифологического сознания; с другой — он озабочен сокрытием своей собственной идеологичности и приведению себя к виду максимальной естественности.

В том же 1957 году выходит «Анатомия критики» канадского филолога Н. Фрая, в которой он делает неожиданный для того времени ход. Согласно изысканиям Фрая, не миф является производной от литературы, но литература от мифа. Он утверждает абсолютное единство мифа и архетипа, видя разницу лишь в означаемом. Миф по Фраю — это повествование, а архетип — значение. Но при этом эссенциально они тождественны и являются продуктом ритуала и сна в форме вербальной коммуникации [37, с. 232—263].

Символическую интерпретацию мифа в этот период развивал Э. У. Каунт, полагавший, что важнейшим аспектом сапиентизации человека является акт мифопоэтической символизации. В своей работе «Миф как мировоззрение. Биосоциальный синтез» он высказывает гипотезу, что психозеология

человека порождает мировоззрение. В этой связи мифопоэтическое мышление воспринимается им как «символотворящая матрица», которая может быть эксплицирована либо в форме повествования (миф, легенда, сказка), либо в форме действия (ритуал, обряд) [54, с. 580—627].

Миф как проявление воображения изучал Я. Э. Голосовкер. Он охарактеризовал миф как «запечатленное в образах познание мира», метаморфоза образов которого детерминирует его внутреннюю логику. События мифа обусловлены двумя аспектами: желание и абсолютность. Он выделил два основных закона мифа: «закон метаморфозы», который гласит, что все в миф может быть подвергнуто превращению и «закон абсолютного достижения цели», согласно которому, в мифе возможно выполнение невыполнимого [19].

Вопрос о соотношении мифоса и логоса изучал советский философ Ф. Х. Кессиди. В своей работе «От мифа к логосу (становление греческой философии)» он предположил, что развитие философской мысли стало возможным в результате поэтапного перехода от мифологического отождествления к художественному сравнению, а от него к научной аналогии [26, с. 313—314].

Общей проблематикой мифа и герменевтикой отдельных символов занимался С. С. Аверинцев [4, с. 876]. Основным его научным интересом было раннее христианство и в нем он обнаруживает определённый мифологический пласт, который он определял как «комплекс представлений, образов и символов, связанных с христианством и развивающихся во взаимодействии христианской доктрины с фольклорными традициями христианских народов» [1, с. 1061—1066]. Помимо работ, уже процитированных в данном исследовании, необходимо упомянуть статью «К истолкованию символики мифа об Эдипе». В ней Аверинцев предлагает свою, отличную от Фрейда интерпретацию вопроса, почему эта мифологема является популярной и притягательной для переосмысления [2, с. 90—102].

В рамках семиотики культуры вопросами мифа занимался Ю. М. Лотман. В 1973 году он опубликовал две статьи посвященные мифу: «Миф — имя — культура» и «Происхождение сюжета в типологическом освещении» [36, с. 3—40]. В этих работах Лотман особенно подчёркивает отождествление в мифе коннотата и денотата, что влечёт за собой известную асемиотичность мифа [39]. Для него миф императивно предъявляет каждому человеку матрицу его личности, позволяя последнему

идентифицировать себя на уровне своей первосущности. Чуть позже в статье «Литература и мифология» Лотман предлагает описание воздействия мифа на историческое или бытовое сообщение. Он полагал, что мифологическое означающее насыщалось элементами сверхъязыковой организации, тем самым из цепочки знаков превращаясь в текст, как единый знак [38, с. 40]. Это приводит его к идее, что миф является кодом и, более того, что в художественном языке код всегда содержит в себе историю кода [37, с. 64].

Большой вклад в изучение мифа и мифологического внёс Е. М. Мелетинский. Будучи продолжателем традиций А. Н. Веселовского, он обращается к мифу с целью изучения архаической словесности, её движения и генезиса [45, с. 114—132]. В своих статьях и монографиях он анализирует как архаические мифы, передававшиеся устно [43] и письменно [42, с. 68—133], так и их отголоски в классической средневековой литературе [41, с. 38—52]. Также Мелетинский разрабатывал проблематику соотношения мифа и сказки, объединяя в своей методологии структурно-семантический, парадигматический и синтагмический метод В. Я. Проппа. Разрабатывая эту проблему, он ставил перед собой задачу обнаружить точку отграничения мифа как первобытной синкретической идеологии от сказки как искусства [40]. Свои изыскания Е. М. Мелетинский обобщил в раннее фундаментальной монографии «Поэтика мифа», которая описывает мифологию, начиная с её наиболее архаических форм, и заканчивает анализом проявлений «мифологизма» в прозе Кафки, Джойса, Томаса Манна [44].

Нетривиальный взгляд на миф предложил в своей «Антропологии мифа» А. М. Лобок. Эта работа замечательна тем, что она предельно является предельно междисциплинарной. В поисках отправной точки мифа и его подлинного назначения автор рассматривает эволюцию высших гоминид и трансформацию их морфологического облика. Для этого он привлекает археологические изыскания, анализирует раннюю человеческую историю с позиций философской антропологии, философии культуры, сексологии и педагогики. Результатом такого всестороннего исследования становится фундаментальная монография, посвященная культурному, социальному и физическому генезису мифа. В этой работе Лобок полемизирует с Леви-Брюлем, утверждая, что мышление первобытного человека не имеет принципиальных различий с мышлением современника и эссенциальная

разница между ними состоит лишь в различии культурных истин [33, с. 20]. Миф и мифология же представляют собой совокупность культурных истин и специфическую форму их ретрансляции. Лобок увязывает культуру с генезисом человека с обузданием его животной сексуальности, и первобытный миф, будучи предельно сексуализованным, в этой оптике выполняет функцию инвертированной педагогики [33, с. 225—226]. Лобок понимает такой миф как историю о сексуальной вседозволенности, которая приводит человечество к краху, и человек, проживая такой миф в рамках инициации, на опыте узнает деструктивный потенциал промискуитета [33, с. 260—273]. В ритуале, исходящем от мифа, человек реализует свои подавленные сексуальные желания инцеста или инбридинга в социально приемлемой форме и отказывается от их удовлетворения в реальности.

Идею, что мифы являются способом связи триединой реальности человеческого бытия, предложил А. Ф. Косарев. В монографии «Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость» он описывает бытие человека как триаду реальностей: физической (мир вещей), метафизической (мир отношений) и трансцендентной (мир смыслов). Миф в этой концепции «задает систему мировоззренческих координат, выйти из которой непозволительно даже технологическим новшествами» [30, с. 40].

Уже цитируемая в рамках данного исследования С. З. Агранович исследовала миф с лингвистических позиций, видя в мифе и фольклоре нечто вроде «генетического кода искусства» [50]. В своей монографии «Миф в слове: продолжение жизни. Очерки по мифолингвистике» Агранович реконструирует генезис ряда славянских концептов с точки зрения мифа и ритуала [5]. Эта же идея продолжается в её работе «У корней мирового древа. Миф как культурный код». Анализируя работы Пушкина, Хемингуэя, отдельные лингвистические концепты и многое прочее, Агранович убедительно демонстрирует, что в поэтическом искусстве существует некая сюжетно-образная матрица, которая имплицитно содержит базовые для культуры фольклорно-мифологические модели [7, с. 110].

Существенный вклад в сохранение и изучение славянских мифологем, передающихся изустно, внесла Полесская этнолингвистическая экспедиция в украинское, белорусское и русское Полесье под руководством академика Н. И. Толстого. Результатом стало формирование единого корпуса мифологических мотивов и публикация сбор-

ников, системно излагающих полученный полевой материал [48].

Исследования мифологии в современной науке довольно часто осуществляются через призму психоанализа и психологии. Одним из апологетов такого подхода является Дж. Питерсон. В своей работе «Карты смысла: архитектура веры» он особенно подчеркивает, что миф является не «примитивной протонаукой», а «типичным для архаики описанием реальности» [70, с. 20].

Изучением соотношения мифа с философией Платона занималась К. А. Морган. В книге «Миф и философия от досократиков до Платона» исследуется динамическое взаимопроникновение мифа и философии. Автор выступает с критикой той части греческой философии, которая клеймит миф как «иррациональный» [69]. Морган считает, что такая позиция ведёт к редукции понимания мифа и теряет такое его значение, как способ философского мышления.

Вопросами античной мифологии в этот период активно занимается Д. О. Торшилов. Он разрабатывает идею античной мифологии в рамках классической филологии. В частности, Торшилов ставит вопрос о том, какими способами греческие и римские поэты и ученые собирали, систематизировали и излагали мифы. По его мнению, пристальное изучение мифологии способно продемонстрировать, как реализуется потенция мифа в литературе и как литература отражает принципы строения мифа [53, с. 10].

Продолжая идеи Юнга и Питерсона, миф и его потенциал в психотерапии исследовала К. П. Эстес. Её докторская диссертация объединяла методы этно-клинической и аналитической психологии и использовала миф как инструмент воздействия на бессознательное человека. Во время терапии совместно с пациентом исследуются мифы различных народов с целью отыскания «направляющего» мифа, который имплицитно содержит некоторую прескрипцию, следуя которой, человек снижает уровень собственной фрустрации [61, с. 18]. Следует отметить, что миф используется Эстес в прикладном аспекте, и изучается не сколько его содержательная составляющая, сколько прикладной и лечебный потенциал для герменевтики сновидений, сказкотерапии, драматерапии и прочих способов психотерапии и психоанализа.

Интересную оптику изучения мифа предложила К. Армстронг. В монографии «Краткая история мифа» она изучает мифы в соответствии с археологической периодизацией истории человека: мифы палеолита, мифы неолита, мифы древнейших цивили-

заций, мифы осевого и послеосевого периода, мифы времён Великого преобразования Запада. Идеи Армстронг созвучны с большинством позднейших авторов, видящих в мифе код или прескрипцию — она говорит о мифологии как о ранней форме психологии [9, с. 19]. Армстронг пишет, что в результате глобализационных процессов национальные сообщества стали более сепарированными и враждебными друг другу. И миф мог бы стать метанарративом, который апеллирует не к национальной, религиозной или культурной самоидентификации, но к общечеловеческим ценностям, таким как сострадание и гуманизм [9, с. 147]. Таким образом, она солидаризируется с теми, кто видит в мифе прескриптивный потенциал для индивидуальной трансформации, но идёт дальше и доказывает возможность реализации его потенциала одновременно для больших групп.

Следующими хронологически являются работы современного российского философа Д. В. Козолупенко. При исследовании мифа она выделяет два доминирующих направления: интерпретативно-поэтическое и социально-психологическое — с целью выявления ведущих функций мифа [27, с. 69—85]. В монографии «Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры)» Д. В. Козолупенко ставит своей целью выявить специфику организации мифопоэтического мировосприятия в его отношении к пространственно-временной организации, различным формам социальной организации, различным формам проявления в различных областях и сферах культуры. В русле её концепции определение и изучение мифа может базироваться только на «мифопоэтическом понимании причинности, а не на привычной строгой причинно-следственной цепочке» [28].

Выпустивший в 2007 году книгу «Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино» К. Воглер продолжает идеи Дж. Кэмпбэлла, но в прикладном аспекте. Его интересует миф как наиболее понятный глубинно нарратив, на фабуле которого можно построить наиболее выигрышный киносценарий. Анализируя наиболее кассовые фильмы, Воглер убедительно показывает, что зрителю достаточно элемента вариативности в обстоятельствах повествования при условии, что структура останется неизменной и будет чётко соответствовать

архетипическому пути героя, выведенному Кэмпбэллом [16, с. 17].

Из последних российских исследований необходимо упомянуть изданный в 2019 году курс лекций А. Л. Барковой по мировой мифологии. В этом труде она рассматривает мифологические системы Древнего Египта, Греции, Рима, Скандинавии и Индии в качестве единой системы [10, с. 25]. Подобный подход позволяет ей сделать особенный акцент на том, что она называет «мифологическими универсалиями», тем самым отграничивая свой термин от архетипа.

Интересную оптику исследования мифа предлагает религиовед К. Михайлов. В изданной в 2019 году книге «Маленький плохой заяц, или Взаимосвязь религии и окружающей среды» он показывает, насколько сильно мифотворчество зависит от климатических и ландшафтных условий и как религиозные воззрения способны воздействовать на окружающую среду [47].

Весьма полезна для всех, интересующихся темой мифа и мифологического, книга А. Сигала «Анализ мифа». В ней автор ставит своей целью дать исчерпывающий историографический обзор за последние полтора века и выделить доминирующие на сегодняшний день теории мифа. По мнению А. Сигала, возможность сопоставить все существующие актуальные теории повлечёт за собой возможность создания новых, более широких концепций [71, с. 22].

Последняя рассматриваемая в рамках данного историографического обзора книга — «Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики» М. Б. Ямпольского. В этой книге в первую очередь подвергается рефлексии и ревизии концепция противопоставления мифа логосу, которая стала одной из отправных точек для настоящего исследования. Ямпольский убедительно демонстрирует, как модернизм апроприрует миф, тем самым похищая у мира отчётливость и структурность. По его мнению, именно в мифе современный человек может найти творческую потенцию к осмыслению первичной недифференцированной темноты мира [64, с. 36—37]. Вслед за Шеллингом Ямпольский постулирует тезис, что миф и мифология сменяют друг друга. Под мифом он предлагает понимать недифференцированную потенциальность, а мифологией — обратную мифу, но порождённую им систему нарративов. Относительно России Ямпольский утверждает, что начиная с последних десятилетий XX века по сегодняшний день она

находится на этапе актуализации мифа [64, с. 52—53].

Выводы

Настоящий историографический обзор литературы о мифе, созданной в рамках постмодерна, убедительно продемонстрирует существование устойчивого интереса к мифу на протяжении всей парадигмы и попыток осмысления его значимости для постмодернистского человека. Использование метода парадигмального анализа как мифоцентричной оптики исследования истории философии позволило выявить основные подходы к изучению мифа и довольно точно их концептуализировать. Так, в своих работах, посвящённых различным аспектам проявления мифологического, исследователи периода постмодерна обращают пристальное внимание на идеологический, психологический, онтологический, семиотический и культурный и философско-антропологический аспекты мифа. Большинство авторов видят экспликацию мифологического в повседневных практиках человека как проявление его глубинных психологических потребностей и структур, и их удовлетворение способствует гармонизации внутреннего бытия человека.

Этот тренд, возникший с постмодернизмом, показывает нам, что изучение мифологического необходимо не только с точки зрения абстрактного теоретического знания о мифе, но и с потенциальным выходом на определённый человекоориентированный праксис. Более того, настоящий историографический обзор показал, что потенциал прикладной стороны мифа уже используется при построении политических дискурсов, создании киносценариев, воздействии на психотравмы человека и прочих сферах социальной жизни. Мы видим, что миф выступает связующим звеном между человеком с его (в сути архаичными) психологическими структурами и современным миром. Постмодерн отрицает модернистскую картину мира таким образом, чтобы не произошло реставрации пре модернистского видения мира: он бриколлажирует элементы обеих парадигм, посредством рекомбинации создавая новые смыслы. При этом в постмодерне полученный в результате семиозиса знак может и не иметь денотата, что создает парадигму цифровых симулякров.

Обзор источников через призму парадигмального анализа также позволяет предположить дальнейшее развитие постмодернистской современности. С высокой

степенью вероятности тенденция вплетения мифа в цифровые практики (такие как кино, видеоигры, мемы и иные продукты интернет-индустрии) будет только усиливаться. Это позволит с большим комфортом фундаментализировать человека в цифровом мире, снижая уровень фрустрации от разрыва между реальным и виртуальным. Исходя из этого, становится очевидной необходимость изучения проявлений мифа в виртуальной среде с позиций цифровой антропологии. Вторым прогнозируемым вектором развития мифологического в парадигме постмодерна можно назвать его предельную идеологизацию. Постулированное Бартом использование мифа как идеологического инструмента на сегодняшний день находит своё отображение в концепции гибридных войн [29]. Их основным инструментом являются фейк-ньюс, представляющие собой искусственно созданный онтоисторический нарратив (то есть миф) [13].

Соблазнительно предположить, что знание доминирующих мифологических сюжетов, репрезентирующихся в конкретном сообществе, и их контекстуальный анализ позволит быть критичными относительно возникающих внове нарративов. А использование базовых навыков цифровой грамотности будет способствовать их успешной деконструкции и интерпретации содержащейся в них информации вне идеологического контекста.

1. Аверинцев, С. С. Христианская мифология / С. С. Аверинцев // Мифы народов мира : энциклопедия. Электронное издание, 2008. — С. 1061—1066.

2. Аверинцев, С. С. Аналитическая психология К. Г. Юнга и закономерности творческой фантазии / С. С. Аверинцев // О современной буржуазной эстетике. — 1972. — Вып. 3. — С. 113.

3. Аверинцев, С. С. К истолкованию символики мифа об Эдипе / С. С. Аверинцев // Античность и современность. — 1972. — С. 90—102.

4. Аверинцев, С. С. Мифы / С. С. Аверинцев // Краткая литературная энциклопедия. — Т. 2. — М., 1967. — С. 876.

5. Агранович, С. З. Миф в слове: продолжение жизни : очерки по мифолингвистике / С. З. Агранович, Е. Е. Стефанский. — Самара : СаГА, 2003.

6. Агранович, С. З. Фольклор и поэтика Чингиза Айтматова / С. З. Агранович // Проб-

лемы истории критики и поэтики реализма. — 1980. — С. 109.

7. Агранович, С. З. У корней мирового древа. Миф как культурный код / С. З. Агранович. — Самара : Бахрах-М, 2015.

8. Алфёров, А. А. Современность: два среза понятия / А. А. Алфёров // Информационный гуманитарный портал «Знание. Понимание. Умение». — 2011. — № 3. — URL: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Alferov_Modernity/ (дата обращения: 07.11.2022).

9. Армстронг, К. Краткая история мифа / К. Армстронг. — М.: Открытый Мир, 2005.

10. Баркова, А. Л. Мировая мифология / А. Л. Баркова. — М.: РИПОЛ классик, 2019.

11. Барт, Р. Миф сегодня // Р. Барт. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. — М.: Прогресс; Универс, 1994. — URL: <http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt> (дата обращения: 07.11.2022).

12. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — М.: Изд-во им. Сабашниковых, 1996.

13. Бодрийяр, Ж. Дух терроризма. Войны в заливе не было / Ж. Бодрийяр. — М.: РИПОЛ классик, 2016.

14. Бубер, М. Два образа веры / М. Бубер. — М.: Республика, 1995.

15. Вернан, Ж.-П. Происхождение древнегреческой мысли / Ж.-П. Вернан. — М.: Прогресс, 1988.

16. Воглер, К. Путешествие писателя. Мифологические структуры в литературе и кино / К. Воглер. — М.: Альпина нон-фикшн, 2019.

17. Вундт, В. Миф и религия / В. Вундт. — СПб.: Брокгауз — Ефрон, 1913. — URL: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003801884?page=2&rotate=0&theme=white (дата обращения: 07.11.2022).

18. Генон, Р. Эзотеризм Данте / Р. Генон // Царство количества и знамения времени. Очерки об индуизме. Эзотеризм Данте. — М.: Беловодье, 2003.

19. Голосовкер, Я. Э. Логика мифа / Я. Э. Голосовкер. — М.: Наука, 1987. — URL: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa> (дата обращения: 07.11.2022).

20. Горохов, А. А. Феноменология религии Мирчи Элиаде / А. А. Горохов. — СПб.: Алетейя, 2020.

21. Дугин, А. Г. Постфилософия. Три парадигмы в истории мысли / А. Г. Дугин. — М.: Академический проект, 2020.

22. Еремина, В. И. В. Я. Пропп — взгляд в будущее / В. И. Еремина // В. Я. Пропп. Морфология волшебной сказки. — СПб.: Питер, 2021.

23. Земцовский, И. И. Do it with Propp / И. И. Земцовский // Учёные записки Петро-

заводского университета. — 2015. — № 5 (150). — С. 70—72.

24. Кассирер, Э. Философия символических форм. — Т. 2 Мифологическое мышление / Э. Кассирер. — М.; СПб.: Университетская книга, 2002. — URL: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/kassirer-phil_simv_form-2-8l.pdf (дата обращения: 07.11.2022).

25. Кассирер, Э. Опыт о человеке: введение в философию человеческой культуры / Э. Кассирер // Проблема человека в западной философии. — М., 1988. — С. 3—30.

26. Кессиди, Ф. Х. От мифа к логосу (становление греческой философии) / Ф. Х. Кессиди. — М.: Мысль, 1972.

27. Козолупенко, Д. П. Миф. На гранях культуры (системный и междисциплинарный анализ мифа в его различных аспектах: естественно-научная, психологическая, культурно-поэтическая, философская и социальная грани мифа как комплексного явления культуры) / Д. П. Козолупенко. — М.: Канон+ Москва, 2005.

28. Козолупенко, Д. П. О специфике «древней» или «примитивной» мифологии: поэтический и социально-психологический подходы в исследовании мифов / Д. П. Козолупенко // Философия и культура. — 2012. — № 8(56). — С. 69—85.

29. Коровин, В. Третья мировая сетевая война / В. Коровин. — СПб.: Питер, 2014.

30. Косарев, А. Ф. Философия мифа: мифология и ее эвристическая значимость / А. Ф. Косарев. — М.: Университетская книга, 2000.

31. Леви-Стросс, К. Печальные тропики / К. Леви-Стросс. — М.: АСТ : Астрель, 2010.

32. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс. — М.: АСТ : Астрель, 2011.

33. Лобок, А. М. Антропология мифа / А. М. Лобок. — Екатеринбург : Банк культурной информации, 1997.

34. Логос // Wiktionary : интернет-энциклопедия. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/логос> (дата обращения: 07.11.2022).

35. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа / А. Ф. Лосев. — СПб.: Азбука : Азбука-Аттикус, 2018.

36. Лотман, Ю. М. Статьи по типологии культуры / Ю. М. Лотман. — Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1973.

37. Лотман, Ю. М. Лекции по структуральной поэтике / Ю. М. Лотман и тартуско-московская семиотическая школа. — М.: Гнозис, 1994.

38. Лотман, Ю. М. Литература и мифология / Ю. М. Лотман, З. Г. Минц // Семиотика культуры. — Тарту : Тартуский гос. ун-т, 1981. — С. 40.

39. Лотман, Ю. М. Миф — имя — культура / Ю. М. Лотман, Б. А. Успенский // Ю. М. Лотман. Избранные статьи : в 3-х т. — Т. 1. Статьи по семиотике и топологии культуры. — Таллин : Александра, 1992. — URL: <http://philologos.narod.ru/lotman/myth-name.htm>.
40. Мелетинский, Е. М. Миф и сказка / Е. М. Мелетинский // Фольклор и этнография. — 1970. — URL: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Literat/melet10/08.php (дата обращения: 07.11.2022).
41. Мелетинский, Е. М. Эдда и ранние формы эпоса; Скандинавская мифология как система / Е. М. Мелетинский // Труды по знаковым системам VII. — 1975. — С. 38—52.
42. Мелетинский, Е. М. Мифы древнего мира в сравнительном освещении / Е. М. Мелетинский // Типология и взаимосвязи литератур древнего мира. — 1971. — С. 68—133.
43. Мелетинский, Е. М. Палеоазиатский мифологический эпос (цикл Ворона) / Е. М. Мелетинский. — М. : Наука, 1979.
44. Мелетинский, Е. М. Поэтика мифа / Е. М. Мелетинский. — М. : Академический проект : Мир, 2012.
45. Мелетинский, Е. М. Предки Прометей (культурный герой в мифе и эпосе) / Е. М. Мелетинский // Вестник истории мировой культуры. — 1958. — № 3 (9). — С. 114—132.
46. Миф // Wiktionary : интернет-энциклопедия. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/миф>. (дата обращения: 07.11.2022).
47. Михайлов, К. Маленький плохой заяц, или Взаимосвязь религии и окружающей среды / К. Михайлов. — М. : Альпина нон-фикшн, 2019.
48. Народная демонология Полесья: публикации текстов в записях 80—90-х годов XX века. — М. : Языки славянских культур, 1996.
49. Пропп, В. Я. Морфология волшебной сказки; Исторические корни волшебной сказки; Русский героический эпос / В. Я. Пропп. — СПб. : Азбука : Азбука-Аттикус, 2021.
50. Саморукова, И. В. Сила метода / И. В. Саморукова // Вестник Самарского государственного университета. — 2014. — № 5 (116). — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-metoda>.
51. Стёпин, В. С. История и философия науки : учеб. для аспирантов и соискателей учёной степени кандидата наук / В. С. Стёпин. — М. : Академический Проект : Трикста, 2011. — 423 с.
52. Терин, В. П. Электронное мифотворчество для всех / В. П. Терин // Мир психологии. — 2003. — № 3. — С. 75—81.
53. Торшилов, Д. О. Античная мифография. Мифы и единство действия / Д. О. Торшилов. — СПб. : Алетейя, 1999.
54. Фрай, Н. Анатомия критики / Н. Фрай // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX—XX вв. Трактаты, статьи, эссе. — 1987. — С. 232—263.
55. Фрейд, З. Малое собрание сочинений / З. Фрейд. — СПб. : Азбука-классика, 2010.
56. Эвола, Ю. Дионис и Путьлевой руки / Ю. Эвола. — URL: https://askrsvarte.org/blog/post_139.
57. Эвола, Ю. Мистерии Грааля / Ю. Эвола. — М. ; Воронеж : TERRA FOLIATA, 2013.
58. Элиаде, М. Аспекты мифа / М. Элиаде. — М. : Инвест — ППП : СТ «ППП», 1996.
59. Элиаде, М. История веры и религиозных идей / М. Элиаде. — М. : Критерион, 2002.
60. Эпос // Wiktionary : интернет-энциклопедия. — URL: <https://ru.wiktionary.org/wiki/эпос>. (дата обращения: 07.11.2022).
61. Эстес, К. П. Бегущая с волками: Женский архетип в мифах и сказаниях / К. П. Эстес. — М. : София, 2020.
62. Юнг, К. Г. Душа и миф: шесть архетипов / К. Г. Юнг. — Киев : Гос. б-ка Украины для юношества, 1996.
63. Юнг, К. Г. Архетипы и коллективное бессознательное / К. Г. Юнг. — М. : АСТ, 2020.
64. Ямпольский, М. Б. Возвращение Адама. Миф, или Современность архаики / М. Б. Ямпольский. — СПб. : Изд-во Ивана Лимбаха, 2022.
65. Campbell, J. Mythic Worlds, Modern Words: On the Art of James Joyce / J. Campbell. — Novato : Joseph Campbell Foundation ; New World Library, 2003.
66. Campbell, J. The Hero with Thousand Faces. / J. Campbell. — Novato : Joseph Campbell Foundation ; New World Library, 2008.
67. Coingt, E. W. Myth as Word View / E. W. Coingt // Culture in History. — New York : Routledge, 1960.
68. Kitagawa, J. M. Eliade Mircea / J. M. Kitagawa // Encyclopedia of Religion. — New York ; London : Routledge, 1995.
69. Morgan, K. A. Myth and philosophy from the Presocratics to Plato / K. A. Morgan. — Cambridge : University Press, 2000.

70. Peterson, J. B. *Maps of Meaning: The Architecture of Belief* / J. B. Peterson. — New York : Routledge, 1999.

71. Segal, A. *Myth Analyzed* / A. Segal. — London : Routledge, 2020.

References

1. Averincev S.S. (2008) *Hristianskaja mifologija* [Christian Mythology]. *Mify narodov mira: Jenciklopedija. Jelektronnoe izdanie*, pp. 1061-1066 [in Rus].

2. Averincev S.S. (1972) *Analiticheskaja psihologija K.N. Junga i zakonomernosti tvorcheskoj fantazii* [Jung's Analytical Psychology of K.N. Jung and the Regularities of Creative Imagination]. *O sovremennoj burzhuaznoj estetike*. Vyp. 3, pp. 113 [in Rus].

3. Averincev S.S. (1972) *K istolkovaniju simboliki mifa ob Oedipe* [To the Interpretation of the Symbolism of the Oedipus Myth]. *Antichnost' i sovremennost'*, pp. 90-102 [in Rus].

4. Averincev S.S. (1967) *Mify* [Myths]. *Kratkaja literaturnaja jenciklopedija*. T.2, pp. 876 [in Rus].

5. Agranovich S.Z., Stefanskij E.E. (2003) *Mif v slove: prodolzhenie zhizni: Ocherki po mifologivistike* [Myth in a word: continuation of life: Essays on Mytholinguistics.]. Samara, SaGA [in Rus].

6. Agranovich S.Z. (1980) *Fol'kolor i pojetika Chingiza Ajmatova* [Folklore and Poetics of Chingiz Aymatov]. *Problemy istorii kritiki i pojetiki realizma*, pp. 109. [in Rus].

7. Agranovich, S. Z. (2015) *U kornej mirovogo dreva. Mif kak kul'turnyj kod* [At the Roots of the World Tree. Myth as a cultural code]. Samara, Bahrah-M [in Rus].

8. Alfjorov A. A. (2011) *Sovremennost': dva sreza ponjatija* [Modernity: two slices of the concept]. *Informacionnyj gumanitarnyj portal «Znanie. Ponimanie. Umenie»*. № 3. available at: http://zpu-journal.ru/e-zpu/2011/3/Alferov_Modernity/ (accessed 07.11.2022) [in Rus].

9. Armstrong K. (2005) *Kratkaja istorija mifa* [Brief History of Myth]. Moscow, Otkrytyj Mir [in Rus].

10. Barkova A.L. (2019) *Mirovaja mifologija* [World Mythology]. Moscow, RIPOL klassik [in Rus].

11. Barthes R. (1994) *Mif segodnja* [Myth today]. Moscow, Progress; Univers, available at: <http://lib.ru/CULTURE/BART/barthes.txt> (accessed 07.11.2022) [in Rus].

12. Barthes R. (1996) *Mifologii* [Mythology]. Moscow, Izd-vo im. Sabashnikovyh [in Rus].

13. Baudrillard Zh. (2016) *Duh terrorizma. Vojny v zalive ne bylo* [The Spirit of Terrorism. There was no war in the gulf]. Moscow, RIPOL

klassik, [in Rus].

14. Buber M. (1995) *Dva obraza very* [Two Images of Faith]. Moscow, Respublika [in Rus].

15. Vernan Zh. -P. (1988) *Proishozhdenie drevnegrecheskoj mysli* [The Origin of Ancient Greek Thought]. Moscow, Progress [in Rus].

16. Vogler C. (2019) *Puteshestvie pisatelja. Mifologicheskie struktury v literature i kino* [The writer's journey. Mythological structures in literature and cinema]. Moscow, Al'pina non-fikshn [in Rus].

17. Vundt V. (1913) *Mif i religija* [Myth and Religion]. Saint Petersburg, Brokgauz-Efron, available at: https://viewer.rusneb.ru/ru/000199_000009_003801884?page=2&rotate=0&the-me=white (accessed 07.11.2022) [in Rus].

18. Genon R. (2003) *Ezoterizm Dante* [Dante's esoterism]. Moscow, Belovod'e [in Rus].

19. Golosovker Ja. Je. (1987) *Logika mifa* [Logic of myth]. Moscow, Nauka, available at: <http://litresp.ru/chitat/ru/%D0%93/golosovker-yakov-emmanuilovich/izbrannoe-logika-mifa> (accessed 07.11.2022) [in Rus].

20. Gorohov, A. A. (2020) *Fenomenologija religii Mirchi Eliade* [The Phenomenology of Religion by Mircea Eliade]. Saint Petersburg, Aletejja [in Rus].

21. Dugin A.G. (2020) *Postfilosofija. Tri paradigmy v istorii mysli* [Postphilosophy. Three Paradigms in the History of Thought]. Moscow, Akademicheskij proekt [in Rus].

22. Eremina V.I. V.Ja. (2021) *Propp — vzgljad v budushhee* [V.Y. Propp — a Look into the Future]. Propp V.Ja. *Morfologija volshebnoj skazki*. Saint Petersburg, Piter [in Rus].

23. Zemcovskij I.I. (2015) *Do it with Propp. Uchjonye zapiski Petrozavodskogo universiteta*, no. 5 (150), pp. 70-72 [in Rus].

24. Kassirer Je. (2002) *Filosofija simbolicheskikh form: T. 2 Mifologicheskoe myshlenie* [Philosophy of Symbolic Forms: Vol. 2 Mythological Thinking]. Moscow; Saint Petersburg, Universitetskaja kniga, available at: http://yanko.lib.ru/books/philosoph/kassirer-phil_simv_form-2-8l.pdf (accessed 07.11.2022) [in Rus].

25. Kassirer Je. (1988) *Opyt o cheloveke: Vvedenie v filosofiju chelovecheskoj kul'tury* [Experience on Man: Introduction to the Philosophy of Human Culture]. *Problema cheloveka v zapadnoj filosofii*, pp. 3-30 [in Rus].

26. Kessidi F. H. (1972) *Ot mifa k logosu (stanovlenie grecheskoj filosofii)* [From Myth to Logos (The Formation of Greek Philosophy)]. Moscow, Mysl' [in Rus].

27. Kozolupenko D.P. (2005) *Mif. Na granjah kul'tury. (Sistemnyj i mezhdisciplinarnyj analiz mifa v ego razlichnyh aspektah:*

estestvenno-nauchnaja, psihologičeskaja, kul'turno-pojetičeskaja, filofsokskaja i social'naja grani mifa kak kompleksnogo javlenija kul'tury [Myth. On the Edges of Culture. (System and Interdisciplinary Analysis of the Myth in its Various Aspects: Natural-Scientific, Psychological, Cultural-Poetic, Philosophical and Social Myth as a Complex Phenomenon of Culture)]. Moscow, Kanon+Moskva [in Rus].

28. Kozolupenko D.P. (2012) O specifikie «drevnej» ili «primitivnoj» mifologii: pojetičeskij i social'no-psihologičeskij podhody v issledovanii mifov [On the Specificity of "Ancient" or "Primitive" Mythology: Poetic and Social-Psychological Approaches in Myth Research]. *Filosofija i kul'tura*, no. 8(56), pp. 69-85. [in Rus].

29. Korovin V. (2014) *Tret'ja mirovaja setevaja vojna* [The Third World Network War]. Saint Petersburg, Piter [in Rus].

30. Kosarev, A.F. (2000) *Filosofija mifa: Mifologija i ee jevrstičeskaja znachimost'* [Philosophy of Myth: Mythology and its Heuristic Significance]. Moscow, Universitetskaja kniga [in Rus].

31. Levi-Stross K. (2010) *Pechal'nye tropiki* [Sad Tropics]. Moscow, AST: Astrel', [in Rus].

32. Levi-Stross K. (2011) *Strukturnaja antropopogija* [Structural Anthropology]. Moscow, AST: Astrel' [in Rus].

33. Lobok A.M. (1997) *Antropologija mifa* [Anthropology of Myth]. Ekaterinburg: Bank kul'turnoj informacii [in Rus].

34. Logos [Logos]. *Internet-enciklopedija «Wiktionary»*, available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/logos> (accessed 07.11.2022) [in Rus].

35. Losev A.F. (2018) *Dialektika mifa* [Dialectics of Myth]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus [in Rus].

36. Lotman Ju.M. (1973) *Stat'i po tipologii kul'tury* [Articles on typology of culture]. Tartu: Tartuskij gos. un-t [in Rus].

37. Lotman Ju.M. (1994) *Lekcii po struktural'noj pojetike* [Lectures on Structural Poetics]. Moscow, Gnozis [in Rus].

38. Lotman Ju.M., Minc Z. G. (1981) Literatura i mifologija [Literature and Mythology]. *Semiotika kul'tury*, pp. 40 [in Rus].

39. Lotman Ju.M., Uspenskij B.A. (1992) *Mif-imja-kul'tura* [Myth- Name-Culture]. *Izbrannye stat'i v treh tomah. T. I . Stat'i po semiotike i topologii kul'tury*. Tallin: Aleksandra, available at: <http://philologos.narod.ru/lotman/myth-name.htm> (accessed 07.11.2022) [in Rus].

40. Meletinskij E.M (1970) Mif i skazka [Myth and Tale]. *Fol'klor i jetnografija*, available at: https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/

Literat/melet10/08.php (accessed 07.11.2022) [in Rus].

41. Meletinskij E.M. (1975) «Edda» i rannie formy jeposa; Skandinavskaja mifologija kak sistema [Edda and early forms of epic; Scandinavian mythology as a system]. *Trudy po znakovym sistemam*, vol. VII, pp. 38-52.

42. Meletinskij E.M. (1971) Mify drevnego mira v sravnitel'nom osvshhenii [Myths of the Ancient World in Comparative Illumination]. *Tipologija i vzaimosvjazi literatur drevnego mira*, pp. 68-133 [in Rus].

43. Meletinskij E.M. (1979) *Paleoaziatskij mifologičeskij jepos (cikl Vorona)* [Paleo-Asian mythological epos (The Crow cycle)]. Moscow, Nauka [in Rus].

44. Meletinskij E.M. (2012) *Pojetika mifa* [Poetics of Myth]. Moscow, Akademicheskij proekt; Mir [in Rus].

45. Meletinskij E.M. (1958) Predki Prometeja (Kul'turnyj geroj v mife i epose) [Ancestors of Prometheus (The Cultural Hero in Myth and Epic)]. *Vestnik istorii mirovoj kul'tury*, no. № 3 (9), pp. 114-132 [in Rus].

46. Mif [Myth]. *Internet-enciklopedija «Wiktionary»*, available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/mif>. (accessed 07.11.2022) [in Rus].

47. Mihajlov K. (2019) *Malen'kij plohoj zajac, ili Vzaimosvjaz' religii i okružhajušhej sredy* [The Little Bad Hare, or The Relationship between Religion and the Environment]. Moscow, Al'pina non-fikshn [in Rus].

48. *Narodnaja demonologija Poles'ja: Publikacii tekstov v zapisjah 80—90-h godov XX veka* (1996) [Folk Demonology of Polesie: Publications of the texts in the records of the 80-90s of the 20th century]. Moscow, Jazyki slavjanskih kul'tur [in Rus].

49. Propp V. Ja. (2021) *Morfologija Volshebnoj skazki; Istoricheskie korni volshebnoj skazki; Russkij geroičeskij epos* [Morphology of a Magic Tale; Historical Roots of a Magic Tale; The Russian Heroic Epic]. Saint Petersburg, Azbuka, Azbuka-Attikus [in Rus].

50. Samorukova, I.V. (2014) Sila metoda [The power of method]. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo universiteta*, no. 5 (116), available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/sila-metoda> (accessed 07.11.2022) [in Rus].

51. Stjopin V.S. (2021) *Istorija i filosofija nauki: Učebnik dlja aspirantov i soiskatelej uchjonoj stepeni kandidata nauk* [History and Philosophy of Science: Textbook for PhD students and applicants]. Moscow, Akademicheskij Proekt; Triksta [in Rus].

52. Terin V.P. (2003) Jelektronnoe mifotvorčestvo dlja vseh [Electronic Mythmaking for All]. *Mir psihologii*, no. 3, pp. 75-81 [in Rus].

53. Torshilov D. O. (1999) *Antichnaja mifografija. Mify i edinstvo dejstvija* [Antique mythography. Myths and the Unity of Action.]. Saint Petersburg, Aletejja [in Rus].
54. Frye N. (1987) Anatomija kritiki [Anatomy of Criticism]. *Zarubezhnaja jestetika i teorija literatury XIX—XX vv. Traktaty, stat'i, jesse*, pp. 232-263 [in Rus].
55. Freud Z. (2010) *Maloe sobranie sochinenij* [Small collection of essays]. Saint Petersburg, Izdatel'skaja gruppa «Azbuka-klassika» [in Rus].
56. Evola Ju. *Dionis i Put' Levoj ruki* [Dionysus and the Way of the Left Hand], available at: https://askrsvarte.org/blog/post_139/ (accessed 07.11.2022) [in Rus].
57. Evola Ju. (2013) *Misterii Graalja* [Grail Mysteries]. Moscow, Voronezh: TERRA FOLIATA [in Rus].
58. Eliade M. (1996) *Aspekty mifa* [Aspects of myth]. Moscow, «Invest — PPP», ST «PPP» [in Rus].
59. Eliade M. (2002) *Istorija very i religioznyh idej* [History of Faith and Religious Ideas]. Moscow, Kriterion [in Rus].
60. Epos [Epos]. *Internet-enciklopedija «Wiktionary»*, available at: <https://ru.wiktionary.org/wiki/jepos> (accessed 07.11.2022) [in Rus].
61. Estes K. P. (2020) *Begushhaja s volkami: Zhenskij arhetip v mifah i skazanijah* [Running with Wolves: The Female Archetype in Myths and Tales]. Moscow, OOO Knizhnoe izdatel'stvo «Sofija» [in Rus].
62. Jung K. G. (1996) *Dusha i mif: shest' arhetipov* [The Soul and the Myth: Six Archetypes]. Kiev, Gos. b-ka Ukrainy dlja junoshestva [in Rus].
63. Jung K.G. (2020) *Arhetipy i kollektivnoe bessoznatel'noe* [Archetypes and the collective unconscious]. Moscow, AST [in Rus].
64. Jampol'skij, M.B. (2022) *Vozvrashhenie Adama. Mif, ili Sovremennost' arhaiki* [he Return of Adam. Myth, or the Modernity of Archaicism]. Saint Petersburg, Izdatel'stvo Ivana Limbaha [in Rus].
65. Campbell J. (2003) *Mythic Worlds, Modern Words: On the Art of James Joyce*. Novato, Joseph Campbell Foundation; New World Library.
66. Campbell J. (2008) *The Hero with Thousand Faces*. Novato, Joseph Campbell Foundation; New World Library.
67. Coingt E.W. (1960) *Myth as Word View. Culture in History*. New York, Routledge.
68. Kitagawa J.M. (1995) *Eliade Mirchea. Encyclopedia of Religion*. New York-London, Routledge.
69. Morgan K.A. (2000) *Myth and philosophy from the Presocratics to Plato*. Cambridge, University Press.
70. Peterson, J.B. (1999) *Maps of Meaning: The Architecture of Belief*. New York, Routledge.
71. Segal A. (2020) *Myth Analyzed*. London, Routledge.

Статья поступила в редакцию 07.11.2022

For citing: Rezvushkina S.A. The mythological in the postmodern paradigm: a historiographic study / S.A. Rezvushkina // *Socium i vlast' [Society and Power]*. — 2022. — № 4 (94). — P. 67—82. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-67-82. — EDN GLJGST.

UDC 1 (091)

EDN GLJGST

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-67-82

THE MYTHOLOGICAL IN THE POSTMODERN PARADIGM: A HISTORIOGRAPHIC STUDY

Sofia A. Rezvushkina,

South Ural State University,
Lecturer at the Department of Philosophy.
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: Finntundra@gmail.com

Abstract

Introduction. The lexeme “myth” is ordinary for a modern person, but its meaning is a vague circle of definition. The author sets the question — how does modern man understand the myth, how does he use it, and what approaches to studying the manifestations of the mythological are used in modern science. But in order to correctly answer these questions, it is necessary to clarify the concept of “modernity”. According to the author, it is possible to correctly substantiate the concept of modernity by using the method of paradigm analysis by A.G. Dugin. In line with this approach, the concept of “modernity” is conceptually identical to the postmodern paradigm. The purpose of the study is to conduct a revision of modern literature (literature of the postmodern paradigm) devoted to the scientific study of the myth and the manifestations of the mythological in human existence, to analyze it in line with the paradigm approach. Introduce new sources into scientific circulation and, on the basis of a combination of new and existing sources, offer a detailed historiographic review of the literature.

Methods. The main method used in this work is the paradigm analysis by A.G. Dugin. In addition to it, a systematic approach and general scientific methods were used — analysis and synthesis, induction, deduction, abstraction.

Scientific novelty of the research. The main scientific novelty of the study is the use of the method of paradigm analysis in the study of the mythological. In addition, a number of new sources (published in the period from 2020 to 2022) dedicated to the topic of myth are being introduced into scientific circulation.

Results. Within the framework of this article, more than 60 works were analyzed and, on their basis, an exhaustive historiographic review of the existing modern literature devoted to the study of myth and manifestations of the mythological in human being was made.

Conclusion. Considering the presented literature in line with the paradigm approach, the author explicates the main aspects of the study of the mythological, which are characteristic of this paradigm and suggests further vectors of its development. According to the author, the myth is increasingly integrated into the digital and virtual environment, which actualizes the need to study it already in the mainstream of digital anthropology. The author also puts forward the thesis that digital literacy skills can help reduce the ideological load of the myth, which manifests itself in the digital environment in the form of fake news and other tools of hybrid wars.

Keywords:

myth,
mythological,
paradigm analysis,
historiographic review,
digital anthropology.
digital literacy,
virtual environment,
postmodern paradigm

Для цитирования: Воропанов, В. А. Государственное управление в новых реалиях: современные вызовы и возможности: итоги Всероссийской научно-практической конференции (26—27 октября 2022 года, Челябинск, Российская Федерация) / В. А. Воропанов, С. В. Нечаева // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 83—88. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-83-88. — EDN UVZYER.

УДК 334.021.1

EDN UVZYER

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-83-88

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
УПРАВЛЕНИЕ
В НОВЫХ РЕАЛИЯХ:
СОВРЕМЕННЫЕ ВЫЗОВЫ
И ВОЗМОЖНОСТИ:
ИТОГИ ВСЕРОССИЙСКОЙ
НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКОЙ
КОНФЕРЕНЦИИ
(26—27 октября 2022 года,
Челябинск,
Российская Федерация)**

Воропанов Виталий Александрович,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы, доктор исторических наук, доцент. Челябинск, Россия.
E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Нечаева Светлана Владимировна,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Челябинский филиал, заместитель директора, доцент кафедры политологии, истории и философии, кандидат исторических наук, доцент. Челябинск, Россия.
E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Аннотация
Статья посвящена обзору и анализу итогов Всероссийской научно-практической конференции «Государственное управление в новых реалиях: современные вызовы и возможности», состоявшейся в г. Челябинске 26—27 октября 2022 г., и представляет собой дайджест основных мероприятий конференции.

Ключевые слова:
конференция, государственное управление в условиях цифровизации, развитие государственной гражданской службы

26—27 октября 2022 года на площадках правительства Челябинской области и Челябинского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации» состоялась Всероссийская научно-практическая конференция «Государственное управление в новых реалиях: современные вызовы и возможности». *Соорганизаторами конференции выступили* Челябинский филиал РАНХиГС, правительство Челябинской области, учебно-методический совет по ГМУ РАНХиГС (г. Москва), Общественная палата Челябинской области. В 2022 году конференция стала мероприятием не только для традиционного обмена мнениями между органами публичной власти, учеными Президентской академии и представителями гражданского общества, но и фактически для подведения итогов развития высшего учебного заведения, специализирующегося на подготовке кадров для государственной и муниципальной службы, так как была приурочена к 30-летию Челябинского филиала РАНХиГС.

Немного истории. В 1991 году постановлением Правительства РСФСР № 21 от 27.11.1991, на базе высших партийных школ в регионах были открыты кадровые центры, в том числе на базе Свердловской высшей партийной школы Уральский кадровый центр. Приказом директора Уральского кадрового центра № 29 от 1.07.1992 был создан его филиал в Челябинске. Днем же основания высшего учебного заведения считается 26 октября 1992 года, когда постановлением администрации Курчатковского района города Челябинска № 1482 был зарегистрирован Челябинский филиал Уральского кадрового центра.

В настоящее время в Челябинском филиале РАНХиГС сложилась мощная база высшего и дополнительного образования, где можно продолжать непрерывное обучение. Вуз — это площадка, на которой реализуются научные исследования в интересах региональных и муниципальных органов власти и управления, предпринимательского сообщества.

Целью конференции в 2022 г. стало обсуждение изменений в законодательстве, научно-методических подходов и лучших практик, показавших свою эффективность, направленных на повышение качества государственного управления в новых реалиях.

Конференция была организована в смешанном формате, что позволило принять в ней участие как в очном, так и в онлайн-форматах представителям органов государст-

венной власти и местного самоуправления, научного сообщества и некоммерческих организаций из Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Нижнего Новгорода, Екатеринбурга, Кургана, Смоленска, Алтайского края, а также муниципальных образований Челябинской области.

В рамках конференции обсуждались две основные темы: актуальные вопросы развития государственной гражданской службы в Российской Федерации и перспективы повышения качества государственного управления в условиях цифровизации.

Открыли конференцию её организаторы — директор Челябинского филиала РАНХиГС Евгений Викторович Алдошенко и заместитель руководителя аппарата губернатора и правительства Челябинской области — начальник управления государственной службы правительства Челябинской области Татьяна Николаевна Язовских. Были зачитаны поздравления коллективу Челябинского филиала РАНХиГС с 30-летием, в частности губернатора Челябинской области Алексея Леонидовича Текслера, отметившего заслуги вуза в подготовке высококлассных специалистов в области государственного и муниципального управления и пожелавшего его коллективу новых успехов. Первому директору филиала Сергею Григорьевичу Зырянову вручили благодарственное письмо¹.

Затем участники конференции приступили к экспертным дискуссиям, которые модерировали Руслан Николаевич Корчагин, и. о. директора Института государственной службы и управления РАНХиГС, и. о. председателя учебно-методического совета по ГМУ РАНХиГС, заведующий кафедрой информатики и прикладной математики РАНХиГС, кандидат технических наук, и Виталий Александрович Воропанов, заведующий кафедрой государственного управления, правового обеспечения государственной и муниципальной службы Челябинского филиала РАНХиГС, доктор исторических наук, доцент.

Первым с докладом на тему «Актуальные вопросы развития государственной гражданской службы Российской Федерации» выступил Леонид Евгеньевич Вахнин, заместитель директора Департамента проектной деятельности и государственной политики

¹ В Челябинске рассмотрели вопросы развития государственного управления в современных реалиях // Официальный сайт правительства Челябинской области. URL: <https://pravmin.gov74.ru/prav/news/view.htm?id=10899202&ysclid=la0x60i8g7801943472>.

в сфере государственной и муниципальной службы Министерства труда и социальной защиты Российской Федерации. Автор сосредоточил основное внимание на необходимости актуализации нормативно-правовой базы государственной гражданской службы в современной России.

Илья Борисович Шебураков, декан факультета оценки и развития управленческих кадров Высшей школы государственного управления РАНХиГС, член экспертного совета Всероссийского конкурса управленцев «Лидеры России», кандидат психологических наук, доцент, сделал аналитический доклад на тему «Современная система управления кадрами в органах публичной власти: комплексный подход оценка потенциала проектных команд». Автор заявил, что отечественный опыт реализации и внедрения кадровых и управленческих технологий на государственной гражданской службе показал, что часто используются неэффективные процессы, а гражданские служащие и в целом культура гражданской службы слабо готовы к совершенствованию процессов и использованию современных технологий. Илья Борисович пояснил, что «трансформировать систему управления кадрами на гражданской службе возможно только «сверху вниз» — от вышестоящих должностных лиц к нижестоящим, и выделил два ключевых фактора, которые влияют на эффективность сотрудников любого уровня: компетентность и мотивация. Автор описал систему управления кадрами и непрерывного развития организации через развитие её кадров, разработанную на факультете оценки и развития управленческих кадров Высшей школы государственного управления РАНХиГС.

Максим Валерьевич Долгов, старший преподаватель факультета оценки и развития управленческих кадров ВШГУ РАНХиГС, заведующий кафедрой технологий командного менеджмента Академии социальных технологий, эксперт по развитию управленческих команд и системным проектам развития корпоративной культуры на основе ценностей, предложил вниманию участников доклад на тему «Государственное управление: в новых реалиях: современные вызовы и возможности оценка потенциала проектных команд». Автор пришёл к выводу о том, что если ранее предприятия работали с учётом строгой вертикали иерархии, то в настоящее время на первый план вышло сотрудничество и командная работа. Докладчик охарактеризовал модель формирования и развития команды и указал на основные критерии оценки потенциала проектных команд.

Следующим слово взял Р. Н. Корчагин, раскрывший тему «Субъектность вузов в личностно-профессиональном развитии кадров для единой системы публичной власти» о ключевой роли высших учебных заведений как разработчиков новых способов развития квалификации в подготовке управленческих кадров в России.

В докладе Т. Н. Язовских описание получила система оценки эффективности государственных гражданских служащих Челябинской области и, в частности, критерии ежегодной оценки эффективности руководителей исполнительных органов государственной власти, условия материального стимулирования по результатам эффективности и результативности деятельности руководителей, а также инициативы, реализуемые в рамках проекта «Эффективный регион».

Валентина Анатольевна Дудникова, первый заместитель руководителя администрации губернатора Новосибирской области и правительства Новосибирской области — руководитель департамента организации управления и государственной гражданской службы администрации губернатора Новосибирской области и правительства Новосибирской области, представила участникам конференции результаты применения системы аудита деятельности региональных исполнительных органов в качестве инструмента оценки эффективности управления.

В завершение первой части конференции заместитель министра информационных технологий, связи и цифрового развития Челябинской области Екатерина Вячеславовна Давыдова сообщила участникам конференции о состоянии развития цифровых компетенций государственных и муниципальных служащих, результатах реализации программы по развитию личностных и профессиональных компетенций государственных и муниципальных служащих.

Материалы докладов вызвали оживлённые экспертные дискуссии между участниками научно-практической конференции. Коллеги обменялись актуальными вопросами и комментариями.

В рамках второй экспертной площадки участники конференции анализировали перспективы повышения качества государственного управления в условиях цифровизации.

Заместитель губернатора Челябинской области Александр Сергеевич Козлов рассказал о стратегии в области цифровой трансформации отраслей экономики, социальной сферы и государственного

управления, принятой в Челябинской области в 2021 г., об основных показателях рейтинга регионов по цифровой трансформации, привел примеры цифровых проектов, реализованных на Южном Урале, в том числе перевод массовых социально значимых услуг в электронный вид, сообщил о платформах обратной связи. В итоге выступления Александр Сергеевич обозначил точки роста в данном направлении и констатировал, что Челябинская область на сентябрь 2022 года входит в ТОП-2 субъектов РФ в рейтинге руководителей цифровой трансформации, а также размещается на 11 месте в рейтинге субъектов по совокупному объему разработки программного обеспечения.

В. Н. Южаков, директор Центра технологий государственного управления Института прикладных экономических исследований РАНХиГС, доктор философских наук, профессор, доложил о подходах Центра технологий государственного управления РАНХиГС и ключевых результатах в 2022 году по вопросу мониторинга цифровизации госуправления. Владимир Николаевич осветил не только теоретические аспекты и публикации Центра по заявленной теме, но и презентовал результаты социологического исследования по восприятию россиянами процессов цифровизации госуправления.

Руководитель ЦУР Челябинской области А. Ф. Фахрутдинов описал роль Центра управления регионом Челябинской области в развитии цифровой коммуникации представителей государственного сектора с населением региона, сообщил о задачах, установленных распоряжением губернатора Челябинской области от 30.06.2020 г. № 641-р. Кроме того, Артур Фидаильевич рассказал об информационных и аналитических системах, процессах и методологии, которые задействует ЦУР в своей работе, как информирует население о доступных сервисах и услугах, работе власти и направлениях развития Челябинской области.

Тему цифровизации в госуправлении продолжил Сергей Сергеевич Гордеев, заведующий лабораторией «Модели пространственного развития» Челябинского филиала РАНХиГС, кандидат экономических наук, который представил свою точку зрения по вопросу экспертно-аналитического сопровождения управленческих процессов.

Завершил работу второй экспертной площадки резонансный доклад Н. Р. Балынской, проректора по молодежной политике и воспитательной работе ГБОУ ВО «Южно-Уральский государственный институт искусств им. П. И. Чайковского», доктора

политических наук о специфике использования искусственного интеллекта и возможностей цифровизации в работе с молодежью. В частности, Наталья Ринатовна обратила внимание на использование цифровых технологий в обучении, социальных сетях во взаимодействии с молодежью и призвала коллег интегрироваться в современные цифровые платформы.

Второй день конференции, 27 октября, был заявлен как молодежный и прошел на площадке Челябинского филиала РАНХиГС. В рамках его программы состоялись: деловая игра «Строим будущее вместе: город», проектная сессия «Государственное управление и развитие России: взгляд молодых», публичная лекция «Что значит быть лидером. Взгляд с точки зрения культуры», юрвиз «Знатоки права», а также финал открытого интеллектуально-творческого конкурса «Горжусь Отечеством!».

Вопросы пространственного и территориального развития являются предметом пристального внимания не только органов государственного и муниципального управления, профессионального сообщества, ученых, экспертов, но и широкой общественности. В 2021 году Челябинский филиал РАНХиГС был включен в пилотный проект создания региональных центров компетенций в сфере пространственного развития. Проект был инициирован кафедрой территориального развития им. В. Л. Глазычева Института общественных наук РАНХиГС и поддержан Фондом ДОМ.РФ. Целью деятельности Центра является создание открытой площадки эффективного взаимодействия власти, бизнеса, ученых и общественности по вопросам развития территорий Уральского региона. До конца 2022 г. в планах Центра организация программы переподготовки по теме «Городские проекты», в реализации которой будут участвовать опытные преподаватели и эксперты из Москвы и Челябинска, что позволит участникам разработать проекты развития территорий, которые в дальнейшем будут представлены на различные специализированные конкурсы.

В связи с реализацией данного проекта в Челябинском филиале организовали и провели деловую игру под руководством Марии Борисовны Ворошиловой, и. о. заместителя директора УИУ — филиала РАНХиГС, кандидата философских наук, доцента, и Антона Юрьевича Фомина, начальника научного отдела УИУ — филиала РАНХиГС. В ходе деловой игры студенты из вузов Челябинска и Екатеринбурга с интересом «строили будущее», создавали идеальные города.

Параллельно с деловой игрой состоялась проектная сессия на тему «Государственное управление и развитие России: взгляд молодых», модераторами которой выступили Дарья Валерьевна Аверьянова, заведующий лабораторией «Прикладная политология и социология» Челябинского филиала РАНХиГС и В. А. Воропанов. Авторы из Екатеринбурга и Челябинска презентовали результаты реализованных ими проектов:

- студент Челябинского филиала РАНХиГС Даниил Юрьевич Соколов — информационно-аналитический интернет-ресурс «Публичный бюджет Челябинска»;
- студентка Уральского филиала РАНХиГС Анастасия Андреевна Грехова — «Сервис для эффективного тайм-менеджмента государственных служащих «Floater»»;
- магистрант Челябинского филиала РАНХиГС Елизавета Олеговна Ляхова — проект «Юридическая клиника как инструмент формирования правовой культуры общества»;
- студенты Уральского филиала РАНХиГС Платон Кириллович Дрожженко и Александр Сергеевич Золотухин — результаты исследования по теме «Профсоюзы. Современное положение и перспективы развития».

Магистранты Челябинского филиала РАНХиГС Марина Владимировна Гез и Валентина Наилевна Низаметдинова представили проект, который не оставил никого равнодушным — «Играют дети: проблемы формирования социально активной личности детей, оставшихся без попечения родителей, посредством театральной деятельности».

Программу продолжили юрквиз «Знатоки права», модераторами которого выступили Елизавета Ляхова и Данияр Мирманов, сопредседатели СНО Челябинского филиала РАНХиГС, и финал открытого интеллек-

туально-творческого конкурса «Горжусь Отечеством!». Конкурс был организован в рамках Года культурного наследия народов Российской Федерации, Десятилетия науки и технологий и направлен на воспитание патриотизма и интеллектуально-познавательной культуры молодежи. Студентам вузов и ссузов предложили исследовать одну из тем и создать видеоролик в рамках следующих номинаций: «Горжусь малой Родиной», «Горжусь героями», «Горжусь культурой, почитаю традиции», «Горжусь моей семьей», «Горжусь альма-матер». Работы на конкурс поступили со всей страны и 27 октября 2022 г. прошли демонстрации роликов победителей номинаций, а также церемония их награждения. Два приза были отправлены в филиалы РАНХиГС в Казани и Хабаровске.

Завершила молодежный день конференции публичная лекция Леонида Клейна, начальника отдела студенческой просветительской деятельности РАНХиГС, вызвавшая живой отклик у аудитории. В своей лекции Леонид рассуждал о том, что значит быть лидером с точки зрения культуры. В частности, он проанализировал различные типы лидерства на примере героев романа Л. Н. Толстого «Война и мир», предложил свою формулу лидерства по просьбе слушателей.

В завершение Всероссийской научно-практической конференции участники высказали мнение, что её мероприятия позволили ученым и практикам, экспертам и молодежи сверить векторы развития, дали почву для новых идей повышения качества государственного и муниципального управления в условиях новых вызовов.

Организационный комитет благодарит всех, кто присоединился к работе Всероссийской научно-практической конференции! С материалами конференции можно будет ознакомиться в РИНЦ и на сайте Челябинского филиала РАНХиГС <https://chel.ranepa.ru>.

Статья поступила в редакцию 16.11.2022

For citing: Voropanov V.A. Public administration in new realities: modern challenges and opportunities: results of the All-Russian scientific and practical conference (October 26—27, 2022, Chelyabinsk, Russian Federation) / V.A. Voropanov, S.V. Nechaeva // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 83—88. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-83-88. — EDN UVZYER.

UDC 334.021.1

EDN UVZYER

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-83-88

**PUBLIC ADMINISTRATION
IN NEW REALITIES:
MODERN CHALLENGES
AND OPPORTUNITIES:
RESULTS OF THE ALL-RUSSIAN
SCIENTIFIC AND PRACTICAL
CONFERENCE (October 26—27,
2022, Chelyabinsk,
Russian Federation)**

Vitaly A. Voropanov,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Professor at the Institute of Management and Regional Development, Head of the Department of Public Administration, Legal Support of the State and Municipal Service, Doctor of History, Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: vvoropanov@yandex.ru

Svetlana V. Nechaeva,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch, Deputy Director, Associate Professor at the Department of Political Sciences, History and Philosophy. Cand.Sc. (History), Associate Professor. Chelyabinsk, Russia. E-mail: nechaeva@chel.ranepa.ru

Abstract

The article is devoted to reviewing and analyzing the results of the All-Russian scientific and practical conference “Public administration in new realities: modern challenges and opportunities”, held in Chelyabinsk on October 26—27, 2022, and is a digest of the main events of the conference.

Keywords:

conference, public administration in the context of digitalization, development of the civil service

Для цитирования: Гордеев, С. С. Обновление «акцентов» устойчивого развития: обзор по итогам Юбилейного XV Международного Яснополянского форума / С. С. Гордеев // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 89—91. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-89-91. — EDN KOVKRN.

УДК 574

EDN KOVKRN

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-89-91

ОБНОВЛЕНИЕ «АКЦЕНТОВ» УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ: ОБЗОР ПО ИТОГАМ ЮБИЛЕЙНОГО XV МЕЖДУНАРОДНОГО ЯСНОПОЛЯНСКОГО ФОРУМА

Гордеев Сергей Сергеевич,

Российская академия народного хозяйства
и государственной службы
при Президенте Российской Федерации,
Челябинский филиал,
заведующий лабораторией
Моделей пространственного развития,
кандидат экономических наук.
Челябинск, Россия.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Аннотация

Анализируются основные вопросы устойчивого развития, рассмотренные на Юбилейном XV Международном Яснополянском форуме «Устойчивое развитие — Рациональное природопользование — Технологии здоровья». В первую очередь уделяется внимание новым направлениям в тематике устойчивого развития, начиная с экологического формирования экологической культуры, расширению возможностей практической реализации результатов исследований.

Ключевые слова:

устойчивое развитие,
рациональное природопользование,
экологическая культура

Юбилейный XV Международный Яснополянский форум, посвященный двадцатилетию Международной инициативы «Хартия Земли», мероприятия которого прошли 07—10 октября 2021 года в городах Москва, Туле и музее-усадьбе Ясная Поляна, уже своим названием «Устойчивое развитие — Рациональное природопользование — Технологии здоровья» декларировал расширение сферы рассматриваемых вопросов, связанных с различными аспектами устойчивого развития. На форуме были обсуждены итоги многолетней предшествующей работы, но, что более важно, были рассмотрены новые, достаточно важные и интересные, в первую очередь социокультурные, аспекты устойчивого развития. Это существенно расширило сферу рассмотрения вопросов и решения задач устойчивого развития.

Со времени Декларации по окружающей среде и развитию (принятой Конференцией ООН в Рио-де-Жанейро в июне 1992 года) устойчивое развитие традиционно рассматривалось в рамках решения глобальных проблем перспективного существования человечества и планеты Земля. Глобальность и международный статус конференции далее подчёркивался включением в повестку известной международной инициативы «Хартия Земли», одобренной на 32-й Генеральной конференции ЮНЕСКО в 2003 году, а также декларацией основополагающих принципов и ценностей, обеспечивающих создание справедливого, устойчивого и мирного глобального общества в XXI веке.

Во многом закономерно, что мировоззрение устойчивого развития по мере появления новых глобальных экологических и тесно связанных с ними социально-экономических проблем постепенно получает всё большую признательность. Обсуждение проблем устойчивого развития на 26-й Конференции ООН по изменению климата в Глазго в сентябре — октябре 2021 года, с участием политических лидеров, экспертов, представителей бизнеса и гражданского общества, в очередной раз подчеркнуло важность рассматриваемых вопросов устойчивого развития на глобальном уровне. Рассмотренные 26-й Конференции ООН проблемы заслужено становятся центром внимания человеческой цивилизации, и, кроме того, их изучение переходит с глобального на национальный или более низкий региональный уровни. Таким образом в решении задач устойчивого развития появляется национальная и местная специфика.

Однако столь же очевидно, что при решении текущих местных задач концептуальные основы устойчивого развития часто

уходят на второй план. Пока в управленческой практике «эффект колеи» с решением устоявшихся местных задач по-прежнему, часто превалирует над необходимостью погружаться в рассмотрение сложных и неоднозначных проблем глобального будущего. Здесь обозначается достаточно серьезный мировоззренческий и социокультурный аспект устойчивого развития, который и попал в фокус внимания на форуме.

Именно взаимосвязи культуры образования и науки в первый день Яснополянского форума на площадке Института биологии развития имени Н. К. Кольцова РАН была посвящена Международная научно-практическая сессия «Устойчивое развитие и изменение климата: экология, культура образование и наука» модератором которой был член-корреспондент РАН, доктор биологических наук, руководитель Центра устойчивого развития и здоровья среды ИБР РАН В. М. Захаров.

То, что основные традиционные вопросы (начиная с климатических) доминирующей триады устойчивого развития: экологии, социума, экономики стали дополняться вопросами образования, культуры и даже политики, отразило начало рассмотрения проблемы устойчивого развития на новом уровне общественного интереса, с дальнейшей интеграцией данных тем в актуальную управленческую практику. Подобное расширение «сферы» вопросов устойчивости развития, несмотря на все еще сохраняющийся некоторый скептицизм к ценностям данного концепта, можно рассматривать как объективную закономерность. Уже очевидно, что вопросы образования и культуры с акцентом на устойчивость развития займут своё место в проблематике ближайшего будущего. Обучение по тематике устойчивого развития уже стало реальностью в Московском университете им. С. Ю. Витте, и, по мнению ректора этого вуза А. В. Семенова, оно актуально и востребовано.

Здесь следует напомнить и о серьезном историческом наследии. Не случайно, что следующий круглый стол по теме «экология, образование и культура» был проведен в музее-усадьбе Ясная Поляна с непосредственным напоминанием о гуманитарных общечеловеческих ценностях, связанных с именем Льва Толстого.

Впрочем, обновление и расширение тематики по многим другим традиционным аспектам устойчивого развития также неизбежно под воздействием новых вызовов. Многие вопросы в условиях изменившейся реальности требуют более детального при-

стального изучения. Среди них: низкоуглеродная экономика, энергоэффективность, ресурсосбережение, структурная технологическая модернизация, экономика технологий замкнутого цикла и др. На повестке стоят вопросы ESG («экология, социальная политика и корпоративное управление»), как использование набора стандартов для оценки социальной ответственности при выборе проектов инвестирования, определяющих новые приоритеты управления. Возможно, уже в скором будущем они станут одними из краеугольных камней управленческой практики. Обзор таких перемены и перспектив представил в своем докладе профессор, заслуженный деятель науки РФ, д. э. н., заведующий кафедрой МГУ им. М. В. Ломоносова С. Н. Бобылев.

Еще один аспект демонстрирующей расширение тематики устойчивого развития связан со здоровьем и качеством жизни. Эти вопросы стали очень актуальными и важными для современного социума. Проблематика здоровья в данном случае рассматривается прежде всего во взаимосвязи с оценками качества окружающей городской среды. Здесь на первый план выходят вопросы пригодности существующей урбанизированной среды наших городов для эффективных решений проблем здоровья под влиянием происходящих масштабных климатических изменений. Это направление обозначил в своем выступлении лауреат Нобелевской премии мира в составе группы ООН по изменению климата, директор Центра энергоэффективности — XXI век, руководитель лаборатории прогнозирования качества окружающей среды и здоровья населения Института Народного хозяйственного Прогнозирования РАН, д. м. н. Б. А. Ревич.

Климатические риски, вызванные перемещением зон жары и холода, уже становится реальностью. Так, избыточная, в некоторых местах существенно выходящая за традиционные рамки летняя жара имеет негативные последствия для здоровья населения, сопоставимые по негативным последствиям с пандемией коронавируса. Рост заболеваемости и даже повышение смертности становятся тут привычными. Резкое и неожиданное повышение температуры до +40 °C хотя бы на пару недель более наглядно доводит для населения вопросы о рисках нарастающих климатических проблем, нежели абстрактная информация о повышении температуры на земном шаре на доли градуса в год. Здесь необходима соответствующая реакция.

В таких условиях проблематика здоровья тесно связана тематикой обеспечения

комфортности городской среды в условиях нарастающих климатических рисков. Формирование открытых зелёных пространств и обеспечение шаговой (максимум 15—20 минут) доступности таких комфортных зон здесь выступают альтернативой практики традиционного «псевдоблагоустройства» — массового асфальтирования городских территорий. Так во многом медицинский аспект устойчивого развития трансформируется в градостроительный.

Отдельное место занимают проблемы чистого воздуха. Формальное решение этой проблемы мало что даёт с точки зрения рисков для здоровья и даже психологического состояния населения.

Междисциплинарность и нарастающее расширение научно-практической сферы вопросов устойчивого развития, вбирающей в себя все новые направления, становится все более очевидно. Множество таких во многом уже прикладных вопросов были рассмотрены в рамках других обсуждений.

Вместе с тем очевидно, что появление все новых аспектов устойчивого развития требуют дальнейшего изучения и публично-го рассмотрения. Причём глобальные теоретические и методологические вопросы всё более будут соседствовать прикладными. Многоаспектность тематики исследований устойчивого развития, как и расширение возможностей практической реализации результатов данных исследований, становятся все более очевидными.

Статья поступила в редакцию 14.10.2022

For citing: Sergey S.S. Renewal of sustainable development “accents”: overview on the results of the 15th anniversary International Yasnopolyanskiy Forum / S.S. Gordeev // *Socium i vlast’ [Society and Power]*. — 2022. — № 4 (94). — P. 89—91. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-89-91. — EDN KOVKRN.

UDC 574

EDN KOVKRN

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-89-91

RENEWAL OF SUSTAINABLE DEVELOPMENT “ACCENTS”: overview on the results of the 15th anniversary International Yasnopolyanskiy Forum

Sergey S. Gordeev,

The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Chelyabinsk branch
Head of the Laboratory of Spatial Development Models, Cand. Sc. (Economics).
Chelyabinsk, Russia.
E-mail: sgordeev222@gmail.com

Abstract

The author analyzes the main issues of sustainable development discussed at the XV Anniversary International Yasnopolyanskiy Forum “Sustainable Development — Rational Environmental Management — Health Technologies”. First of all, attention is paid to new areas in the subject area of sustainable development, starting with environmental education and culture, as well as the multidimensionality of the subject of sustainable development research in general, as well as expanding the possibilities for implementing the research results into practice.

Keywords:

sustainable development,
environmental management,
environmental culture

Для цитирования: Борисов, С. В. Пробуждение «внутреннего философа» (рецензия на книгу Maria daVenza Tillmanns, *Why we Are in Need of Tales (Part III)*, Iguana Books, 2022, 60 pp.) / С. В. Борисов // Социум и власть. — 2022. — № 4 (94). — С. 92—98. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-92-98. — EDN UNCDTZ.

УДК 101.1-3

EDN UNCDTZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-92-98

ПРОБУЖДЕНИЕ «ВНУТРЕННЕГО ФИЛОСОФА»
(рецензия на книгу
Maria daVenza Tillmanns,
Why we Are in Need
of Tales (Part III),
Iguana Books, 2022, 60 p.)

Борисов Сергей Валентинович^{1, 2}

¹ Южно-Уральский государственный гуманитарно-педагогический университет,

² Южно-Уральский государственный университет (национальный исследовательский университет),

доктор философских наук, профессор.
Челябинск, Россия.
borisovsv69@mail.ru

Аннотация

Статья представляет собой рецензию на третью часть серии книг философа Марии даВенца Тиллманнс, объединенных общим названием «Зачем нам нужны сказки». В книге рассматриваются проблемы экзистенциального самоопределения и морального выбора в диалоге сказочных персонажей. По просьбе автора книги рецензия публикуется на английском языке и сопровождается переводом на русский язык с небольшими добавлениями.

Ключевые слова:

философская практика,
философия для детей,
философствование с детьми,
преподавание философии

Readers are awaiting a new encounter with stories united under the common title *Why We Are in Need of Tales*. Let me remind you that these deep philosophical books were written by Maria daVenza Tillmanns, a professional philosopher dedicated to the study of philosophizing with children, who has gained valuable experience in this field. Maria's books are inspired by her work with her students at El Toyon Elementary School in National City (California), with whom Maria held philosophy with children classes for three years before COVID-19. With parental permission, the children provided their drawings, which are used as illustrations for the books.

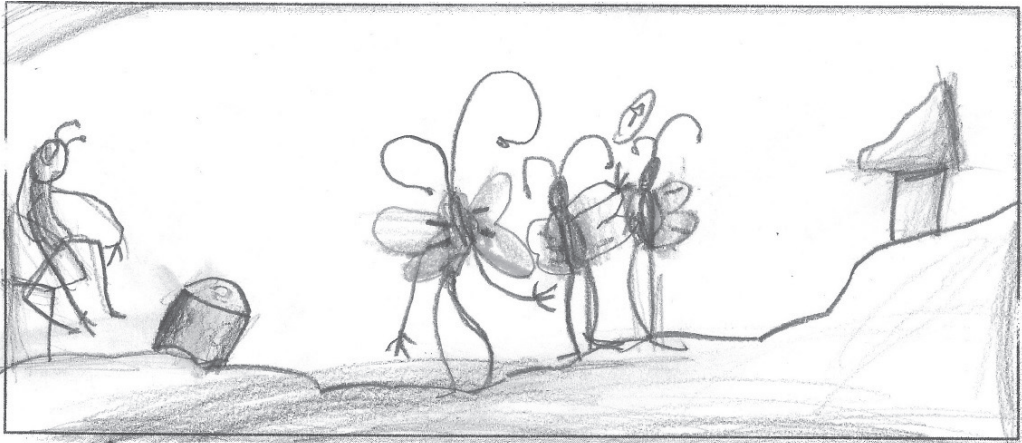
I read *Why We Are in Need of Tales*, Part III with great pleasure.

The focus of this book is on making decisions, sometimes very hard decisions. In Part II, the focus is on dreams — hopes and wishes we have for life. This book looks at how we may best decide how to make those hopes and wishes come true. And the answer Huk and Tuk suggest is deceptively easy: by making decisions “with your eyes wide open.” (5, p. ix).

The author of this excellent book managed to describe how to make decisions with your eyes wide open through the playful dialogue between Huk and Tuk. The books are written in dialogue so the reader immediately plunges into the context of a lively conversation. Dialogue not only sharpens attention, but also invites the reader to participate in the conversation. In this way, the reader becomes a listener at the same time.

In these stories, simple in content, but deep in meaning, the author managed to reflect the main existential questions that sooner or later arise in each of us. These questions address issues of everyday life, loneliness, authenticity, the integrity of the individual, life and death. And essentially, all are contingent on how we make our decisions in life.

The first story Huk and Tuk discuss with each other is the tale “Always” (in *Grasshopper on the Road*) by Arnold Lobel. Tillmanns makes an interesting transition from a routine and orderly existence in the world of everyday life, as portrayed by the butterflies in the story, to the theme of the meaning (meaninglessness) of life, providing a brilliant interpretation of Camus in the dialogue between Huk and Tuk. In the end, Tuk concludes: “Do you think that what matters isn't whether you always do the same thing or always something different, but that you decide what you do?” (5, p. 8).

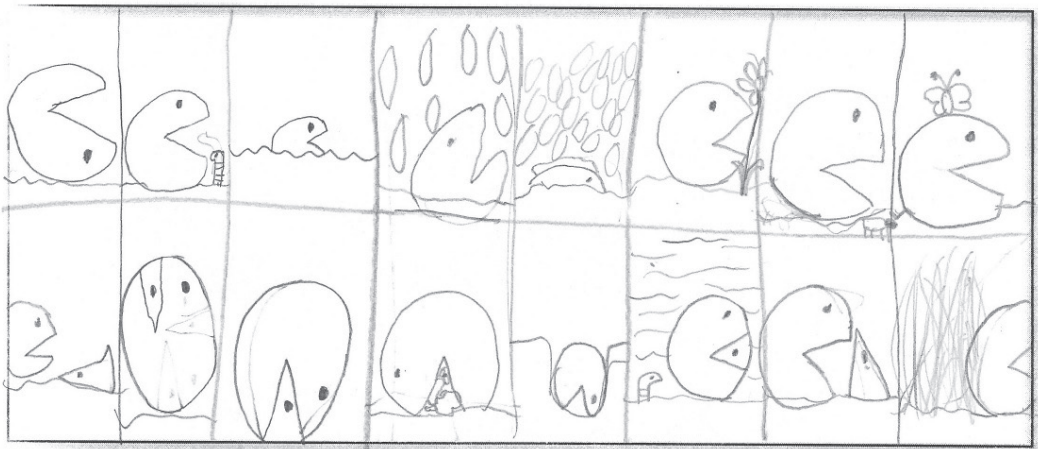
In the second story, "Alone," (in *Days with Frog and Toad*), also by Arnold Lobel, I enjoyed the transition from the theme of painful loneliness to the theme of peaceful solitude, when

Tuk says: "I think it's like when you and I sit quietly together gazing at the world around us. We're alone *and* we're together." (5, p. 15)

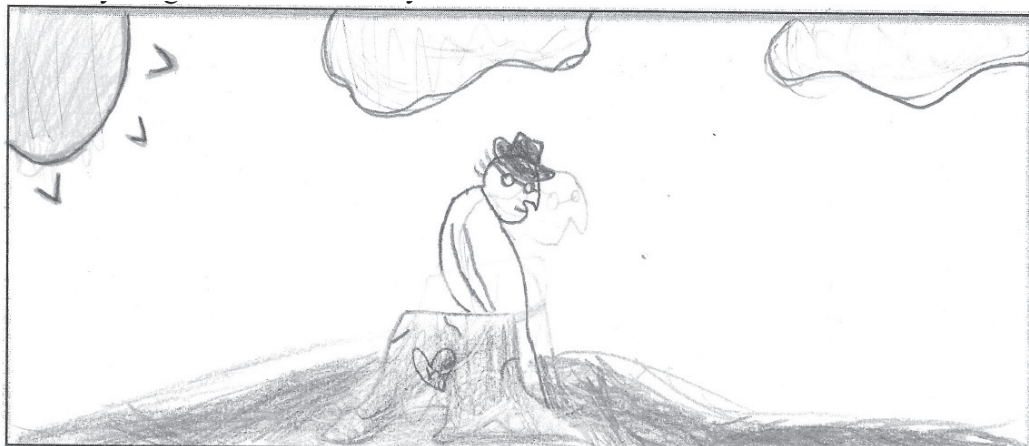
The third story Huk and Tuk discuss is *The Missing Piece*, by Shel Silverstein, which perfectly describes the understanding of the integrity of the person. Integrity is more than the sum of its parts and cannot be divided into sepa-

rate parts, such a pieces that make up a whole. "I think Sandy might have actually felt more whole without the missing piece, Huk replied. (5, p. 21) "So, she was whole all along but didn't realize it? Tuk asked." (5, p. 22) This is excellent!

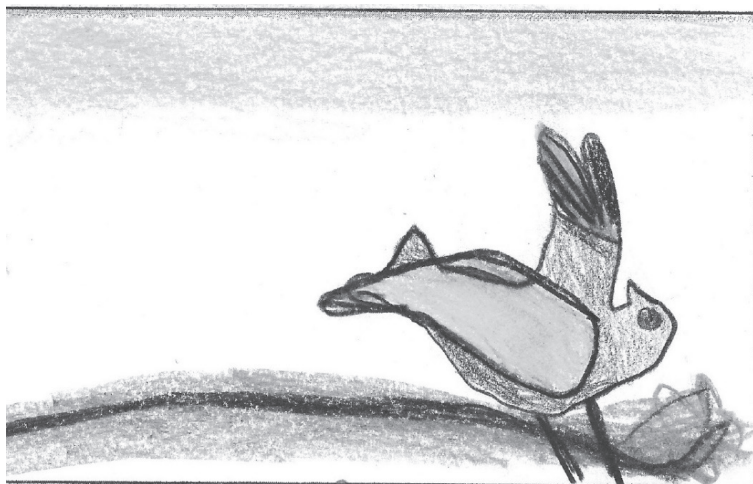
The Giving Tree, also by Shel Silverstein, does seem to contrast the integrity of the tree versus the tree as comprised of separate parts, her apples, her branches, her trunk. This is a very moving story about the relationship between a tree and a boy over time. Yes, of course, the tree has sacrificed everything (her apples, her branches, her trunk) in the name of love, but paradoxically even when she is dead and has nothing (no parts) left to give she continues to be useful. Even death is not

the limit for true and devoted love. The giving tree tells the boy: "I'm just an old stump, she said. And the boy replied, I don't need very much now, maybe just a quiet place to sit and rest. Well then, the tree said, come sit and rest. Stumps are good for sitting on and resting. And the boy did. And the tree was happy." (5, p. 31). Perhaps in this tale one can see the reconciliation of the "old" boy with his life and remorse for everything he did "with his eyes closed."

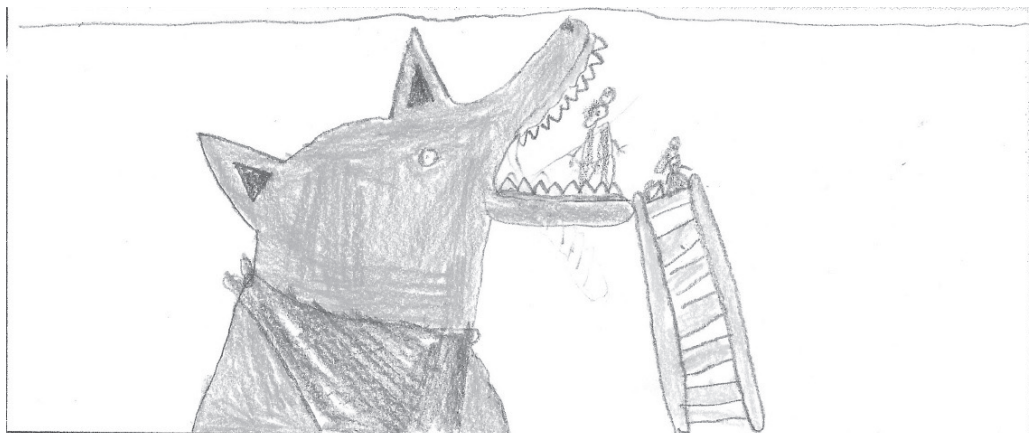
The story about *Tico and the Golden Wings*, by Leo Lionni, is also a wonderful tale. A bird named Tico gives all his golden feathers away in the name of friendship. And Tuk decided that "the tree gave everything to a boy who only wanted more, but Tico gave to people who really needed — not just *wanted* — the things Tico gave." (5, p. 39). This story also describes an interesting feature of true friendship. To be

equal in friendship does not at all mean to be the same as everyone else, as Tico's friends seem to think. Life experience gives the ability to be friends, to be equal with others, yet remain independent of the opinions of others and not be offended by the inexperience of others. Tico was happy to be back with his friends, even though they would never know all he had experienced sharing his unique individuality.

The last story, *Doctor De Soto*, by William Steig, is a real psychological thriller that keeps the reader in suspense. Once upon a time there was the mouse named Doctor De Soto. He was — we believe — the only dentist in his small town. He and his wife, who was also his assistant, helped all animals, large and small. Then one day his sworn enemy, a hungry fox, comes to this mouse-dentist. But the fox has a problem — he has a toothache. Is it worth it for us to help our enemies, even knowing that you can become a victim of their deceit? Two aspects of the story are brilliantly interwoven: on the one hand the story describes the external events, on the other hand, it reveals the thoughts and internal reasoning of the characters. It also shows how our intentions do not always coincide with our actions. The problem of difficult moral choices found a reasonable solution. Huk decided that “given what they

were willing to do for him, they then had to do what they needed to do to save their own lives from a fox who was ready to eat them” (5, p. 53). “And so, they also took responsibility for lying to the fox in order to save their own lives.” (5, p. 53). Indeed, sometimes it happens that our words lie, but at the same time our actions are truthful. The De Sotos lied about the ointment but only so they could finish their job helping the fox. Making choices, as the De Sotos did, “with open eyes” means making reasonable and responsible decisions, overcoming reactions based on fear or naivete. Perhaps this story indicates a transition from the formal Kantian ethics of duty to situational ethics. The situation is always unique and unrepeatable. For such a situation, there are no general, pre-determined solutions. These situations are not only trials, but also call for the manifestation of humanness in its entirety.

I think the book is wonderful, and would highly recommend it to Huk and Tuk fans of all ages. After all, it was the study of philosophy with children that inspired Maria daVenza Tillmanns to write these whimsical stories containing deep philosophical ideas that help to establish communication on many life problems, both young and not-so-very-young readers. Therefore, this book can be recommended not only for individual reading, but also for collective reading in groups, and it can also be a teaching, practical tutorial in order to engage in philosophy with children and others. Hopefully these stories will inspire and challenge our own thinking.

* * *

Читателей ждет новая встреча с историями, объединенными общим названием «Почему нам нужны сказки». Напомню, что эти глубокие по смыслу философские книги

были написаны Марией даВенца Тиллманнс, профессиональным философом, занимающимся изучением философствования с детьми и имеющим ценный опыт работы в этой области. Книги Марии вдохновлены совместным творчеством с учениками начальной школы Эль-Тойон в Нэшнл-Сити (Калифорния), с которыми Мария вела уроки философии в течение трех лет до пандемии COVID-19. С разрешения родителей дети предоставили свои рисунки, которые используются в качестве иллюстраций к книгам.

Я с большим удовольствием прочитал третью книгу из серии «Почему нам нужны сказки». Основное внимание в этой книге уделяется принятию решений и иногда очень простых решений. Напомню, что в первой и второй части серии этих книг речь шла о мечтах, надеждах и желаниях, сопровождающих нас по жизни [1—4].

В новой книге поднимаются вопросы о том, как лучше всего воплотить в жизнь эти надежды и мечты. И ответ, который предлагают главные персонажи книги Хак и Так, обманчиво прост: нужно принимать решения «с широко открытыми глазами» [5, p. ix].

Автору этой прекрасной книги удалось описать, как именно можно принимать решения «с широко открытыми глазами» посредством остроумного диалога этих персонажей. Отмечу, что все книги этой серии написаны в диалоге, поэтому читатель сразу погружается в контекст оживленной беседы. Диалог не только привлекает внимание читателя, но и приглашает его быть активным участником. Таким образом, мы становимся и читателями, и слушателями одновременно.

В этих простых по содержанию, но глубоких по смыслу рассказах автору удалось отразить главные экзистенциальные вопросы, которые рано или поздно возникают у каждого из нас. Эти вопросы затрагивают проблемы повседневной жизни, одиночества, аутентичности, целостности личности, жизни и смерти. Ведь все зависит от того, какие решения мы принимаем по этому поводу.

Первая история, которую Хак и Так обсуждают друг с другом, — это сюжет сказки «Всегда» (из книги «Кузнечике в дороге») Арнольда Лобеля. Автор встраивает в сюжет диалога интересный философский переход в осмыслении рутинного и упорядоченного существования в мире повседневности, как это происходит у персонажей рассказа — бабочек, к теме смысла (бессмысленности) жизни. В этом контексте автор дает блестящую интерпретацию «Эссе об абсурде» А. Камю. В конце диалога Так формулирует следующий вывод: «Полагаю, важно не то, всегда ли вы делаете одно и то же или что-то другое, а то, что вы сами решаете делать по своей воле» [5, p. 8]. Действительно, нас поглощает повседневность, в которой мы забываем, кто мы есть. В мире своих повседневных привычек мы всю жизнь заботимся о чем угодно, кроме самого главного — заботы о себе, о том кто я есть, и о том, что самый важный выбор, который я должен сделать — это быть или не быть собой.

Во втором рассказе «Наедине» (в истории «Дни с лягушкой и жабой»), тоже Арнольда Лобеля, можно обнаружить очень тонкий мыслительный переход от темы мучительного одиночества к теме мирного единения: «Это так, как когда мы с тобой тихо сидим вместе и смотрим на окружающий нас мир. Мы наедине с собой, но мы при этом вместе» [5, p. 15]. И нет таких слов, какими можно передать это состояние, ведь

слово — это посредник в коммуникации, а с помощью молчания можно общаться непосредственно.

Третья история, которую обсуждают Хак и Так, — «Недостающая деталь» Шела Силверстейна. Эта история прекрасно описывает понимание целостности человека. Ведь целостность больше, чем сумма частей, она не может быть разделена на набор составных элементов. Наши желания, мысли, действия тоже целостны, в них важна любая деталь, но ни одна деталь не существует в отрыве от другой и от всей их совокупности. «Я думаю, что Сэнди действительно могла бы чувствовать себя целостной и без какой-то недостающей детали», — отмечает Хак [5, p. 21]. «Значит, она была цела все время, но просто не понимала этого?» — спрашивает Так [5, p. 22]. — По-моему, это превосходное наблюдение! Нам может многого не доставать в этом мире, мы можем многое страстно желать, но в этих страстях и желаниях нет нас самих, нашей целостности, потому что нехватка относится только к какой-то части нас. Если я делаю выбор быть собой, т.е. быть целостным, я могу спокойно обходиться без каких-то деталей, потому что мне всегда будет достаточно меня самого.

«Дающее дерево» Шела Силверстейна поднимает новую экзистенциальную проблему. В диалоге фигурируют образы дерева и человека, и взаимоотношения между ними длиною в целую жизнь. Например, к дереву можно относиться по-разному: и как к живому существу (целостность) и как к функциональной вещи (сумма частей: плодов, ветвей, ствола). В этой истории дерево пожертвовало всем (своими плодами, своими ветвями, своим стволом) во имя любви, но, как это ни парадоксально, даже когда оно мертво и ему уже нечего дать, оно продолжает быть полезным. Даже смерть не предел для настоящей и преданной любви. Дающее дерево говорит человеку: «Посмотри, теперь я всего лишь старый пенек». И человек (мальчик в начале истории и старик в конце), отвечает, что сейчас ему уже ничего не нужно, кроме тихого места, где можно посидеть и отдохнуть. «Ну что ж, сказала дерево, садись и отдыхай, ведь это хорошее предназначение для пня. И дерево опять было счастливо» [5, p. 31]. Рано или поздно человеку придется осознать свое эфемерное господство и связанное с ним потребительское отношение к жизни. Тогда приходит раскаяние по поводу всего того, что приходилось делать в жизни «с закрытыми глазами».

А вот история Лео Лионни о птичке Тико и ее золотых крыльях. Тико во имя дружбы

с другими птицами пришлось расстаться со своей уникальностью — золотыми перьями, которые она щедро раздала всем, кто в чем-либо нуждался. Так «божий дар» был обращен в материальные блага. Как отмечает Так: «если дерево отдало человеку всего себя в угоду человеческой жадности, то Тико помогал тем людям, которым помощь была действительно необходима» [5, р. 39]. Но самым важным является вопрос: во имя чего все это делалось? Тико делал это во имя дружбы. Конечно, быть равным в дружбе вовсе не значит быть таким же, как друг, как это казалось друзьям Тико. Жизненный опыт формирует умение дружить, быть наравне с другими, но при этом оставаться независимым от чужого мнения и не обижаться на тех, кто еще не понял смысл настоящей дружбы. Тико был счастлив вернуться к своим друзьям, даже несмотря на то, что они никогда не узнают всего того, чем он пожертвовал, поскольку они просто не в состоянии принять его в его уникальности «божьего дара» золотых крыльев.

Последний рассказ книги составлен по новелле Уильяма Стейга «Доктор Де Сото». Это настоящий психологический триллер, который держит читателя в напряжении. Жил-был мышонок по имени Доктор Де Сото. Он был, судя по всему, единственным дантистом в маленьком зверином городке. Он и его жена, которая также была его помощницей, оказывали медицинскую помощь всем животным, большим и маленьким. И вот однажды к этой мышке-дантисту приходит его заклятый враг — голодная лиса. Но у лисы есть проблема — у нее болит зуб. Вновь перед нами драма выбора: стоит ли помогать врагам, даже зная, что можешь стать жертвой их обмана? В рассказе мастерски представлены два плана: с одной стороны, описываются внешние события, с другой стороны, на фоне них описываются мысли и внутренние рассуждения героев. Ведь в ситуациях выбора наши намерения не всегда совпадают с нашими действиями. Проблема непростого нравственного выбора нашла разумное решение. «Учитывая то, что они (мышы) позаботились о ней (лисе), оказав ей медицинскую помощь, они были в праве сделать все необходимое, чтобы спасти свои жизни, ведь лиса коварно задумала их съесть, как только с зубной болью будет покончено» [5, р. 53]. В этой ситуации морального выбора мышы-врачи взяли на себя двойную ответственность: ответственность за исполнение профессионального долга и ответственность за сохранение своих жизней. Ведь иногда бывает так, что наши слова

лгут, но в то же время наши действия правдивы. Де Сото не раскрыл действие того препарата, которым смазал зубы лисы (это был клей), но он сделал все необходимое как врач, оказав лисе медицинскую помощь. Де Сото сделал свой выбор «с открытыми глазами», то есть принял разумное и ответственное решение, контролируя и управляя своими эмоциями, не допуская ни страха, ни беспечности. Эта история затрагивает серьезную философскую проблему перехода от формальной кантовской этики долга к этике неформального действия в конкретной ситуации. Ситуация морального выбора всегда уникальна и неповторима. Для нее нет одинаковых, заранее данных решений. Эта ситуация — не только испытание для личности, это также обретение нового опыта проявления человечности во всей ее полноте.

Книга уникальна. Искренне рекомендую ее любителям философии всех возрастов. Самого автора вдохновило написание этих причудливых рассказов именно изучение философствования с детьми. Книга содержит глубокие философские идеи, поможет взрослым и детям наладить общение в ходе обсуждения жизненных проблем. Рекомендую эту книгу не только для индивидуального, но и для коллективного чтения. Книгу можно использовать как обучающее, практическое пособие для занятий философией с детьми и родителями. Надеюсь также, что увлекательные истории данной книги вдохновят читателя и бросят вызов его пытливому мышлению, пробуждая в нем «внутреннего философа».

1. Борисов, С. В. Философские истории для детей и взрослых: заметки о книгах: Tillmanns, Maria daVenza. (2020—2021). *Why We Are in Need of Tales*, Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p., Part II. 59 p. / С. В. Борисов // Социум и власть. — 2022. — № 1 (91). — С. 102—107.

2. Borisov, S. [Book Review] "Philosophical Stories for Children and Adults": Tillmanns, Maria daVenza (2020—2021), *Why We Are in Need of Tales* / S. Borisov // *Journal of Humanities Therapy*. Humanities Institute, Kangwon National University, Korea, 2022. — Vol. 13-1. — Pp. 159—168.

3. Tillmanns, M. daV. *Why We Are in Need of Tales* / Maria daVenza Tillmanns. — Toronto : Iguana Books, 2020. — Part I. — 61 p.

4. Tillmanns, M. daV. *Why We Are in Need of Tales* / Maria daVenza Tillmanns. — Toronto : Iguana Books, 2021. — Part II. — 59 p.

5. Tillmanns, M. daV. Why We Are in Need of Tales / Maria daVenza Tillmanns. — Toronto : Iguana Books, (2022). — Part III. — 60 p.

References

1. Borisov, S.V. (2022) Filosofskie istorii dlja detej i vzroslyh: zametki o knigah: Tillmanns, Maria daVenza. (2020 — 2021). Why We Are in Need of Tales, Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p., Part II. 59 p. *Socium i vlast'*, no. 1 (91), C. 102-107.

2. Borisov, S. (2022). [Book Review] "Philosophical Stories for Children and Adults": Tillmanns, Maria daVenza (2020-2021), Why We Are in Need of Tales, Journal of Humanities Therapy, Humanities Institute, Kangwon National University, Korea, vol. 13-1, pp. 159-168.

3. Tillmanns, Maria daVenza. (2020). Why We Are in Need of Tales, Toronto, Iguana Books, Part I. 61 p.

4. Tillmanns, Maria daVenza. (2021). Why We Are in Need of Tales, Toronto, Iguana Books, Part II. 59 p.

5. Tillmanns, Maria daVenza. (2022). Why We Are in Need of Tales, Toronto, Iguana Books, Part III. 60 p.

Статья поступила в редакцию 15.09.2022

For citing: Borisov S.V. Awakening the "inner philosopher" (review of the book by Maria daVenza Tillmanns, Why we are in need of tales (Part III), Iguana Books, 2022, 60 pp.) / S.V. Borisov // *Socium i vlast'* [Society and Power]. — 2022. — № 4 (94). — P. 92—98. — DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-92-98. — EDN UNCDTZ.

UDC 101.1-3

EDN UNCDTZ

DOI 10.22394/1996-0522-2022-4-92-98

AWAKENING THE "INNER PHILOSOPHER" (review of the book by Maria daVenza Tillmanns, Why we are in need of tales (Part III), Iguana Books, 2022, 60 pp.)

Sergey V. Borisov^{1, 2}

¹ South Ural State Humanitarian Pedagogical University,

² South Ural State University (National Research University), Doctor of Philosophy, Professor. Chelyabinsk, Russia.

Abstract

The article is a review of the third part of a series of books by the philosopher Maria daVenza Tillmanns, united by the common title "Why we are in need of tales". The book deals with the problems of existential self-determination and moral choice in the dialogue of fairy tale characters. At the request of the author of the book, the review is published in English and is accompanied by a translation into Russian with minor additions.

Keywords:

philosophical practice,
philosophy for children,
philosophy with children,
teaching philosophy

**Требования к оформлению статей
и сообщений, представляемых в редакцию
научного журнала «Социум и власть»**

1. Автор направляет рукопись по электронной почте.
2. Текст статьи представляется на русском языке объемом 40 000 знаков, включая сноски. Файл должен читаться в формате Word. Шрифт Times New Roman Cyr, № 14 (включая название). Межстрочный интервал — одинарный. Поле со всех сторон 20 мм. Текст следует отформатировать по ширине, без переносов. Текст статьи (включая название) оформляется строчными буквами с абзацным отступом 1,25 см с помощью компьютерной программы (не вручную).
3. В тексте шрифтовые выделения производятся светлым курсивом. Заголовки и подзаголовки набираются полужирным шрифтом.
4. Иллюстративные материалы (рисунки, чертежи, графики, диаграммы, схемы) выполняются с помощью графических электронных редакторов. Все рисунки должны иметь последовательную нумерацию.
5. Цифровые данные оформляются в таблицу. Каждая таблица должна иметь порядковый номер и название. Нумерация таблиц — сквозная. Сокращения слов в таблицах не допускаются, за исключением единиц измерения. Электронный вариант каждой таблицы и рисунка записывается также в отдельный файл.
6. Название статьи набирается 14 кеглем, только первая буква в названии статьи прописная, остальные — строчные. Под названием статьи указываются фамилия, имя и отчество автора, место работы (учебы), занимаемая должность, ученая степень и звание (если имеются), адрес места работы. Ниже приводятся аннотация и ключевые понятия.
7. Ссылки на научную литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [7, с. 27]), в конце статьи — библиографический список в алфавитном порядке.
Количество источников не менее 20. Самоцитирование — не более 2-х источников.
8. Ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ 7.0.5—2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления».
9. На источники ненаучного характера (статистика, аналитика, учебные издания, нормативно-правовые акты и др.) оформляются сноски с помощью автоматической цифры.
10. Статья должна быть классифицирована — иметь УДК.
11. Автор указывает профиль статьи, представляемой к публикации.
12. Помимо текста статьи, автором представляются отдельные файлы в электронном виде на русском и английском языках:
  - а) аннотация;
  - б) ключевые понятия (не более пяти);
  - в) сведения об авторе — Ф.И.О. (полностью), должность и место работы (учебы), ученая степень, ученое звание, контактная информация (почтовый адрес с индексом, адрес электронной почты, контактный телефон);
  - г) шифр и название специальности, которой соответствует статья.Статьи, не отвечающие данным требованиям, к рецензированию не принимаются.
Решение о публикации направленных в журнал статей принимается в течение шести месяцев со дня поступления рукописи в редакцию.
В случае отклонения материалов в соответствии с замечаниями эксперта новый вариант статьи регистрируется вновь.
Статьи подлежат рецензированию членами редакционной коллегии журнала.
Статьи проходят проверку по системе «Антиплагиат».
Представляя в редакцию рукопись статьи, автор берет на себя обязательство до публикации рукописи в журнале «Социум и власть» не публиковать ее ни полностью, ни частично в ином издании без согласия редакции.
Образец оформления, а также рекомендации по подготовке статьи представлены на сайте журнала.
Плата за публикацию рукописей не взимается.
Контактная информация автора (адрес электронной почты, почтовый адрес) в журнале указывается обязательно.
Авторские экземпляры вышедшего номера высылаются наложенным платежом в количестве, указанном в письменной заявке.
Адрес редакции: 454077, г. Челябинск, ул. Комарова, 26, к. 308. Тел. 8(351) 771-42-30.
Адрес в сети Интернет: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

**Requirements for the articles and memos
presented for publication in the
«Socium i vlast'» journal**

1. The author is to send one copy of the typescript by e-mail.
2. The article is presented in Russian. The article should be 40,000 characters, including bibliography.* The file should be in Microsoft Word format. The font should be Times New Roman Cyr size 14 including the title. The line spacing is 1.0. The margins at all sides should be 20 mm. The text should be formatted breadthways and hyphenless justified. The text of the article or memo (including the title) should be done in lowercase letters with paragraph indent of 1.25 cm by software means, i.e. not by hand.
3. All font highlighting should be done in light italics. All titles and subtitles should be done in semi-bold.
4. All graphic materials (drawings, pictures, diagrams, graphs, schemes) should be done in image editing software. All images must be numbered sequentially.
5. All numerical data should be done in tables. Each table should have its number and name. The numbering of the tables is continuous. The tables should not have shortenings except for the units of measurement. E-versions of each table and image should be also done in separate files.
6. The title of the article should be done in size 14 font, the first letter is uppercase, and the rest are lowercase. The last name, first name and patronymic of the author, his place of work (study) and position, academic degree and rank (if applicable), place of work address should be given under the article title. Annotation and Key words are given below.
7. Scientific literature references should be done in square brackets (e.g. [7, p. 27]), and an alphabetized bibliography list is given at the end of the article. There should not be less than 20 reference sources. Self-citation should not be more than 2 reference sources.
8. The references should be done in compliance with GOST 7.0.5-2008 requirements under «Bibliography reference. General requirements and rules».
9. Unscientific reference sources (statistics, analytics, educational publications, regulatory legal acts and others) are referred to with the help of reference numbering.
10. The article must be classified and have the UDC (Universal Decimal Classification).
11. The author should note the agenda (specialization) of the article presented for publication.
12. In addition to the text of the article the author should also present the following positions in a separate e-file in Russian and English:
  - a. annotation.
  - b. Key words (up to 5).
  - c. Information about the author — Name, Patronymic, Last name (full), position and place of work (study), degree, academic rank, contact information (mailing address with ZIP code, e-mail, phone number).
  - d. course code and subject area to which the article corresponds to.The articles or memos not complying with the above mentioned requirements will not be reviewed and/or published.
The publication of the received articles will be approved or declined within 6 months from the date of receiving the manuscript by the editor. In case the article is declined for publication due to the expert opinion, any corrected version of the article has to be registered again.
The articles are to be reviewed by the journal editorial board.
The articles are to be run through the «Antiplagiat» system.
By presenting the typescript of the article to the editorial board, the author agrees not to publish the same article without consent of the editorial board fully or in part in any other media prior to its publication at the «SOCIMUM AND POWER» journal.
Article submission example and recommendations on preparing an article are presented on the journal site.
No. charge is collected for reviewing and publishing of the articles.
The contact information of the author (e-mail, postal address) will be necessarily quoted in the journal.
The author's copies of the journal will be sent by mail order in the number specified in the application.
Editorial address: 454077, Chelyabinsk, Komarova st., 26, room 308.
Tel. 8(351) 771-42-30
Website: siv74.ru
E-mail: siv_jurnal@mail.ru

